

Лиственик

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

11 (737) ноябрь, 2018

ISSN 0134 – 241X

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

Зачем в тундре тазик?

ДЫХАНИЕ ОЗЕРА

ВСТРЕЧНОЕ СРАЖЕНИЕ

В ЕДИНЕНИИ — СИЛА

Ноябрь 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.
Редакторы разделов – Ю.А. Марченков, Б.А. Долинго.
Консультант – Ю.А. Горбунов.
Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.
Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.
Корректор – Л.В. Ким.
Интернет – Е. Марков.
Архив – О.Ю. Тирикиди.
На обложке – Заброска на Тальтуйо.
 Автор фото Михаил Попов.
Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».
Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.
Наблюдательный совет

- Асхаб Магомедович Асхабов. Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.
- Владимир Николаевич Большаков. Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.
- Сергей Вячеславович Левыкин. Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук
- Сергей Геннадьевич Захаров. Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.
- Николай Николаевич Назаров. Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.
- Евгений Викторович Голубев. Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.
- Алексей Михайлович Прокашев. Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор
- Игорь Юрьевич Шароватов. Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.
- Оксана Александровна Гирман. Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.
Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Почтовый адрес редакции, издателя: 620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
Телефон: +7 (343) 269-22-34
E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ.

«Уральский следопыт», №11 (737), 2018 г.
 Издаётся с 1935 г., возобновлен в 1958 г.
 Учредитель — ООО «Уральский следопыт».
 Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **УС**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Камни Урала

Е. ПОПОВА
Листвениг –
дорога к золоту 24

Река времени

Литературное краеведение

В. БАХМУТОВ
У Хозяйки
медной горы. Малахитчики..... 3

Далекое-близкое

З.ГУЙАШ
Современная
обработка
уральских карт
Антала Регули 10

Портреты

В. НАБИУЛЛИНА,
А.КАРФИДОВ
Человек,
украшавший
город 26

Наши проекты

Ю.КАШАЕВА
История России. Река Чусовая.
Деревни Пеньки, Черемшанка,
Заозерье, Конец Гор
и село Куликово 43

Заповедные земли

С.ЗАХАРОВ
Озеро Тургояк – украшение
земли уральской 16

Экспедиция

М.ПОПОВ
Арктическая
экспедиция 36

Клуб собирателей

В.ПОПОВ
Потребительские
общества против
частных лавок..... 14

Далекое-близкое

В.ЗАЙЦЕВ
Марш
на Пермь 31

Наши проекты

Ю.КАШАЕВА
История России. Река Чусовая.
Вдоль белых скал 42

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения России: Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Каталог Агентства МАП, индекс 31958
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

Журнал в журнале

Художник Олег Коровин

У Хозяйки медной горы

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Иллюстрации из фотоальбома
С.О. Карпова. П.П. Бажов
на Гумешках

Владимир Бахмутов

Выпускник Свердловского горного института. Работал на Урале, в Забайкалье, Красноярске. Кандидат технических наук, мастер художественных народных промыслов (по решению Красноярского краевого Управления культуры), член Российского Союза писателей, Председатель Красноярского регионального отделения РСП. Живет в Красноярске.

Малахитчики

Через час мы полностью экипированные, — в резиновых сапогах, прорезиненных робах и рукавицах, на головах — каски с подшлемниками, прикрывающими шею и плечи, на поясах — аккумуляторные батареи с фонарем на касках, за поясом — геологические молотки, через плечо — сумки взрывников, — шли по квершлагу в направлении сбойки.

— Во, — удивился Володя на подходе, — было только две доски накрест с объявлением, а сейчас, гляди-ка, уже решетка стоит.

— Что же ты, главный инженер, — не удержался, съехидничал я, — не знаешь, что у тебя на шахте делается.

— Так директор, наверное, распорядился, ведь это он всех стращал, что там опасно.

Решетка была, можно сказать, нарошечная, — из узких досок вроде штакетин, и довольно редкая. Толстому между штакетин не пролезть, но таким поджарым, как мы — вполне. Почему перекрытие не сплошное и решетка такая сквозная — тоже понятно, — чтобы не уменьшать площадь сечения выработки и не препятствовать прохождению воздушного потока.

Тезка заглядывался вдруг, подобрал валявшийся рядом обломок штакетин, прижимая к животу аккумулятор, первым полез с нею через дыру в решетке.

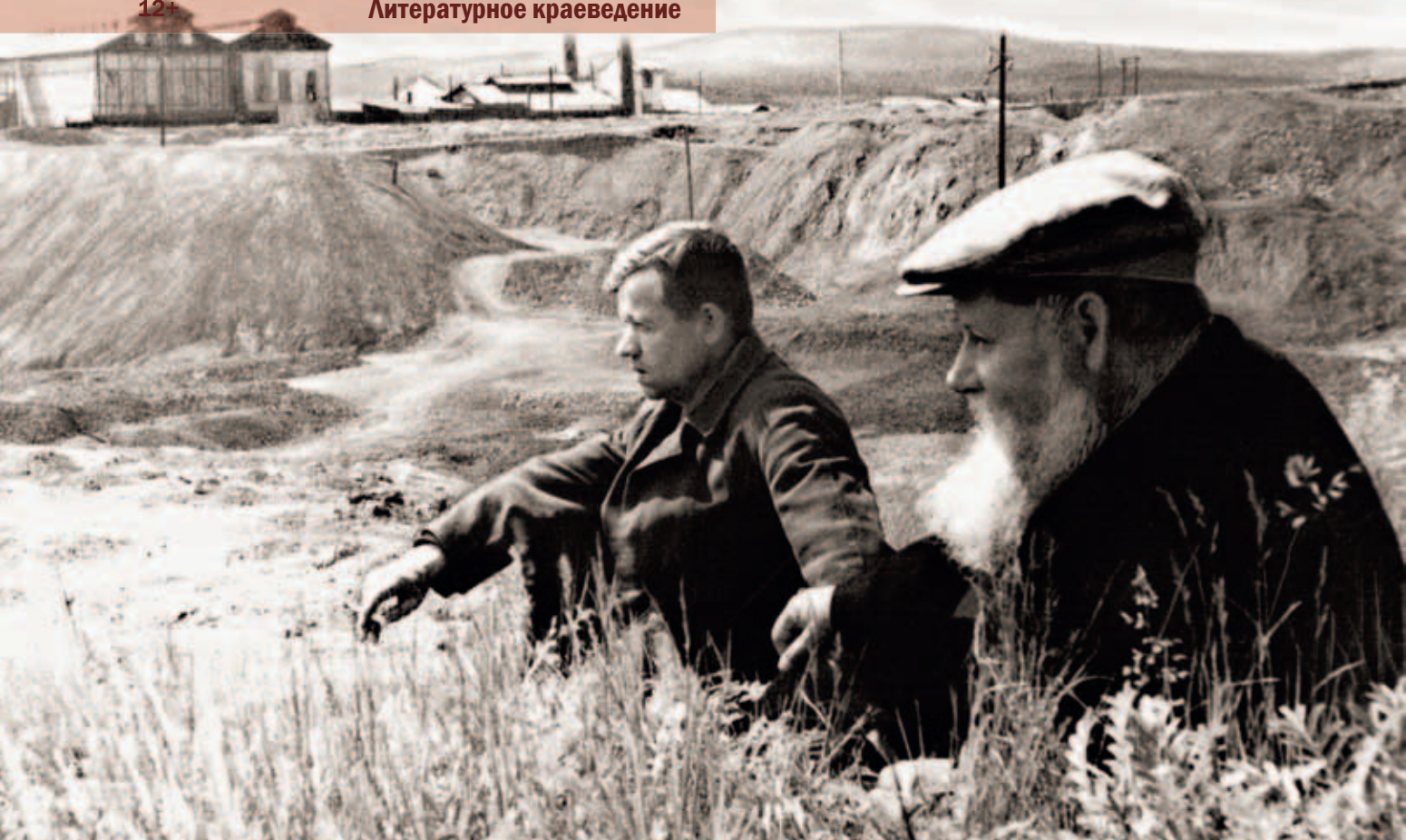
— А это-то тебе зачем? — спросил я, следуя за ним. Включили фонари, пошли в сгущающуюся темноту, — впереди освещения уже не было.

— Так там ведь лужи, наверное, будут необъятные, вдруг и в самом деле провал в карст, заполненный водой. А ласты-то мы с тобой не взяли, — нервно хохотнул тезка. У меня тоже по загревку мурашки пробежали от такой мысли.

— В лужах буду щупать почву перед каждым шагом вперед, — закончил Володя.

Минуты через две уже в кромешной темноте, прорезаемой только лучами фонарей, подошли к месту сбойки. В обе стороны здесь уходила узкая, метра в полтора, и низкая, — едва можно было пройти, не наклоняя головы, выработка. Она была закреплена всплошную массивными, потемневшими от времени стойками и перекладами диаметром сантиметров 25, если не 30. Только на участке сопряжения крепь была разобрана, очевидно, чтобы обеспечить прохождение воздушной струи. Над этим местом кровля частично обва-

лилась, на почве высились горка рыхлой породы высотой с метр с небольшим. Мы остановились, прислушиваясь к зловещей тишине. Тишина стояла, как говорят, гробовая, только слышался звук падающих с кровли капель.

— Все же как-то нехорошо получается, — обратился я к своему спутнику, — пошли, никого не предупредив. Представляешь, какая суматоха поднимется, если, не дай бог, с нами что-то случится. И не будут знать, где нас искать...

— Сдрейфил что ли, — в голосе его я почувствовал нотки разочарования и досады.

— Да ничего я не сдрейфил, но, согласись, по-мальчишески все это как-то, не по-взрослому мы поступаем. О людях-то тоже надо было подумать, сколько им мороки будет.

— Да подумал я об этом. В аккумуляторной оставил женщинам записку для начальника участка, который выйдет в следующую смену. Это хороший мой знакомый, в одной комнате в общежитии жили. Написал, чтобы передали ему эту записку, там-де рабочее задание на смену. А в записке наказал, чтобы позаботился о завершении крепежных работ в восточном штреке за шестой дучкой, — в общем-то абракадабра, поскольку ни дучек,

ни крепления в этом штреке нет. Написал это на тот случай, если девки полюбопытствуют. Вроде бы дело, а понять все равно ничего не поймут. А в конце записки сообщил, что ушел за перемычку на согом горизонте и к концу смены подойду к нему. Девки-то ничего не поймут, а он живо смекнет, что к чему. Но все это так, в качестве подстраховки. Мы с тобой часа через три должны вернуться, записку я заберу, и все будет о-кей!

«Расчетливый, подумал я, все предусмотрел. Не зря его главным инженером поставили».

— Ну, пошли что ли...

С опаской поглядывая на купол кровли, перелезли через горку обвалившейся породы, сползли в выработку под защиту перекидов. Оттуда стали разглядывать стенку обнаженного пространства против сбойки. На всей её поверхности виднелись какие-то черточки сантиметров по 40–50 длиной. Протянув руку за крепь, я пощупал ближнюю из них.

— Слушай, а ведь это следы от шпуров. Смотри их сколько по контуру. Это ведь то, что сейчас называют контурным взрыванием. И стенка-то смотри, какая ровненькая, будто ножом вырезана. Только шпуров что-то уж больно короткие.

— А чему ты удивляешься, — ответил мне Володя, — тогда бурили вручную, — одной рукой стальной бур держали с заточенным под долото наконечником, а другой били молотом по другому концу. Бур после каждого удара поворачивали градусом на 15–20, им же и мелочь из шпура выгребали. Таким-то способом дай бог полметра пробурить.

— Было и двуручное бурение, когда бурили вдвоем, — один бур держал и проворачивал, а другой — бил молотом...

— А ты откуда знаешь?

— Да книжку как-то в библиотеке раскопал издания 1840-х годов. Называется «Курс горного искусства», написал её капитан корпуса горных инженеров Узатис. Там подробно написано, — и как бурили в то время, и как взрывали. Кстати, взрывали порохом, а это низкобризантное взрывчатое вещество, потому и отрывало точно по контуру. А сейчас аммонит, детонит, — они же высокобризантные. Бабахнут, и вместо проектного сечения в девять квадратов имеем чуть ли не двенадцать. Потом с креплением сколько маяты.

— Ну, ты профессор прямо, — с удивлением посмотрел на меня мой собеседник. — А поджигали как?

— Так ведь в то время уже был бикфордов шнур. Бикфорд его еще в 1820 году изобрел. Ну а если не было бикфордова шнура, тлеющий фитиль применяли.

Под ногами у нас был почерневший от времени и чуть ли не окаменевший трап, присыпанный мелкой породной крошкой, но все же можно было понять, что это деревянные плахи. Володя поковырял геологическим молотком на обочине, удивился:

— Толстые-то какие, как только им не жалко было такой материал на трап пускать.

— Так ведь тогда кругом леса стояли, не то что теперь, — ответил

Володя обернулся к тому месту против сбойки, где крепь была разобрана. Чурбаков там тоже не было. Встал на колени, ощупал конец крайнего чурбака, удивился:

— А он пустой внутри, высверлен что ли? Торцы у него с углублением под конус и вода в него с почвы затекает. Не пойму: это у них вместо канавки что ли?

Я ничего не мог ему на это ответить. Мне и самому было непонятно. Действительно, водоотливную канавку хоть можно почистить, если она забилась, а здесь? Мы прошли вдоль чурбаков, внимательно их разглядывая. Складывалось впечатление, что это трубопровод. Про-

я, тоже разглядывая край трапа. — Стойки крепления и верхняки тоже вон какие толстые, леса не жалели. Да и не было у них тогда никаких других материалов для такого дела. Зато как удобно было по такому трапу откатывать в тачке руду.

— А что это за бревна вдоль всей выработки уложены, для чего? — Мой товарищ постучал молотком по наполовину врытому в землю окаменевшему чурбаку метра в два с половиной длиной, который шел дальше утолщением, и потом снова продолжался таким же чурбаком; и так по всей выработке, насколько можно было видеть в свете фонаря. — Непонятно.

сверленные чурбаки с одной стороны имели углубление в виде конуса, с другой, видимо, заточены «под карандаш», благодаря чему довольно плотно могли быть соединены. Стык обмазан какой-то теперь уже окаменевшей замазкой, обеспечивающей герметичность соединения. Явный трубопровод. Но для чего? Эту загадку мы так и не разгадали. Но ведь и водоотливной канавки в выработке не было!

Прошли по выработке метров тридцать, крепление на всем этом пути выглядело вполне надежным, и только в двух местах верхняки треснули под давлением кровли и немного прогнулись. Это прибавило нам

уверенности. Наконец, увидели с правой стороны проем метра в полтора шириной, над которым верхние крепежные рамы упирались на такую же продольную балку. Осветили пространство за проёмом.

— Забой! — разом выдохнули мы.

Открывшееся нам пространство было относительно небольшим — по площади квадратов в пятьдесят. Когда-то оно, видимо, было закреплено, но рухнувшая кровля разломала и разбросала элементы крепления, одна стойка даже выкатилась чуть ли не к тому месту, где мы стояли. Сейчас в забое метров на пять высилась гора с торчащими из неё бревнами, порой сломанными и расщепленными, а над всем этим хаосом высился купол пустоты, напоминавший уходящую вверх пещеру. Судя по относительной гладкости поверх-

ности горы, обрушение произошло достаточно давно.

— Ну, и что будем делать? — спросил меня напарник, пытаясь достать лучом фонаря вершину купола, но луч растворялся в пространстве, не достигая цели.

— Надо бы все же поковырять, причем не нужно идти к стенке забоя, то, что обрушилось, это ведь тоже руда, а откос начинается вон, почти рядом, метрах в четырех. В нем и надо поковыряться.

— Верно говоришь, давай так, — Володя расстегнул сумку взрывника, достал веревку, стал обвязывать себя вокруг пояса. — Я далеко не пойду, посмотрю на краю откоса. А ты, если вдруг услышишь обвал, тяни меня изо всех сил. — Вручил мне конец веревки. — И держи веревку в натяг.

С этими словами мой напарник, то и дело поглядывая на купол, двинулся к откосу обрушившейся руды. Я видел, как он торопливо раскапывал его поверхность, несколько раз брал что-то в руку, разглядывал и укладывал в сумку. Мне оставалось только нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу в ожидании, когда он вернется, чтобы поменяться ролями. Впрочем, это не мешало мне держать веревку в натяг и быть готовым к спасательным действиям.

Наконец он вернулся. Я в это время уже завязывал свой конец веревки вокруг пояса.

— А ведь малахита-то нет, — с сожалением сказал мне напарник, — только сростки самородной меди да образчик марказита наковырял, — полез в сумку, чтобы пока-

зять, что он там раздобыл, но я махнул рукой:

— Потом, — и ринулся навстречу удаче.

Прошел немного дальше того места, где ковырял Володя. Что-то вдруг блеснуло в свете фонаря, я рукавицей разгреб рыхлую породу и извлек великолепный образец пирита, — куб размером сантиметров восемь по ребру, усеченный по одной стороне ярко блестящей золотым блеском плоскостью, — настоящее «Таяткино зеркальце». Все остальные грани, безупречно целые, имели изящную параллельную бороздчатую штриховку. Как бы не повредить его другими находками, — подумал я, снял левую рукавицу, уложил в неё образец и лишь после этого — в сумку.

Еще минут десять разгребал поверхность отвала геологическим молотком, забыв о куполе наверху и ожидавшем меня товарище, нашел пару неплохих шарообразных образчиков марказита и несколько ветвистых сростков самородной меди, но Володя уже дергал меня за веревку, жестом показывая часы на запястье. Я с сожалением покинул горку, направился к проему в крепи выработки.

Хотели было показать друг другу, что раздобыли, но время поджимало, решили сделать это по возвращении. Еще, наверное, метров сорок прошли без проблем, когда перед нами вдруг выросло препятствие — на протяжении трех-четырёх метров на пути громоздились поломанные верхняки и повалившиеся стойки крепления вперемежку с кусками породы и породной мелочи. Все это горой почти наполовину перекрывало сечение выработки. Судя по рыхлости поверхности завала, обрушение произошло недавно, может быть, день-два тому назад. Осторожно взглянув, осветили свод наверху. Он был метра в четырех.

— Что будем делать? — Володя посмотрел на меня вопросительно.

— Ну, не возвращаться же теперь, сколько уже прошли, должен же и малахитовый забой где-то быть. Солдаты на фронте как говорили: второй снаряд в ту же воронку не падает. Если недавно обрушилось, так подождет, небось, пока там в кровле напряжения перераспределятся. Полезли!

Еще на подходе к этому месту обратили внимание, что от гробовой тишины, которой нас встретили ста-

рые выработки, не осталось и следа. За крепью слышался шум, подобный шуму проливного дождя в ненастную погоду. Когда выглянули в пролом, увидели, — так и есть. Со свода кровли бесчисленными прерывистыми струями стекала вода.

— Откуда воды-то столько? — обратился я к своему спутнику.

— Так там наверху речушка Железянка и пруд недалеко, а породы пористые, трещиноватые, вот отсюда и просачивается. Бурили там скважины по краю, вкачивали под давлением какую-то гадость с твердеющими добавками, чтобы уменьшить водоприток, но вот, как видишь, толку мало. Как только люди здесь в старину работали? Ну, да что говорить об этом, полезли!

На пузе, по-пластунски, живо шевеля локтями и коленками, переползли переобводненный завал, основательно снивелировав его макушку, тем самым облегчили прохождение вентиляционной воздушной струи. Впрочем, нам и без этого хорошо поддавало сквозняком под зад, холодило штаны и задирало подшлемники, обдувая загривки. При этом перемазались желто-зеленой глиной, как черти. Встали, поправили курт-

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Прием документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) — без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37   Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru   Сайт: www.usfeu.ru

ки и сумки через плечо, не прошли и десяти метров, как увидели справа еще один проем в крепи. Выглянули — забой!

Картина была схожей, но со своими нюансами, существенно обогащавшими сюжет. Прежде всего, бросалась в глаза огромная лужа, не менее 6-7 метров в диаметре отделявшая нас от забоя. Свободное пространство здесь было значительно больше, чем в первом забое. Как и там, все оно было завалено обрушившейся породой с торчавшими из неё бревнами разрушенного крепления, но свод над ней был менее крутым, видимо, горный массив здесь был более устойчивым — лучи света доставали до поверхности купола. Со свода, как и там, в проломе, бесчисленными прерывистыми струями лилась вода, образуя чуть ли не завесу. Обвалившаяся с кровли, перенасыщенная влагой, породная гора расплзлась лепешкой.

Слева от нас, у противоположного берега лужи, рогатилась ручками полузатопленная тачка с досчатыми бортами, широкая у ручек и сужающаяся к колесу — как раз такая, какими их рисуют иллюстраторы в сказах Бажова.

— Слушай, — закричал я товарищу, пересиливая шум подземного дождя, — когда кровля обрушивается под действием растягивающих напряжений и образуется арочный

свод, в массиве происходит перераспределение напряжений и основная нагрузка в виде сжимающих напряжений перемещается в опоры свода — на краевые стенки, здесь это, смотри, — я показал ему рукой, — плоскость забоя. Он при этом тоже становится склонным к обрушению. Так и произошло, — видишь, у забоя свежий вывал. Именно там и надо смотреть малахит, а не под куполом.

— Откуда ты все это знаешь, профессор? — Володя смотрел на меня с удивлением.

— А мы сейчас на кафедре тему разрабатываем — выбор рациональной схемы расположения подэтажных штреков с учетом распределения напряжений в массиве вокруг очистных камер. Начитался за год-то.

— Ну, ты даешь.

— Давай я первый пойду, проверю свою гипотезу, — я стал обвязываться веревкой. Напарник не возражал.

— Штакетину возьми, профессор, и дно в луже шупай как следует, — напутствовал меня Володя, — плавать-то умеешь?

— Да иди ты ... — плюнул я три раза через левое плечо, пошел, тщательно прощупывая почву перед каждым новым шагом.

Лужа, слава богу, оказалась не такой уж и глубокой, высоты сапогхватило, — не затекло. На подходе к «берегу» увидел, что на стене за-

боя что-то висит коричневое. Подошел, взгляделся, — почти насквозь проржавевшая цепь, закрепленная забитым в породу железным штырем. Большая её часть, метров, наверное, в пять змеилась под забоем, а на конце — большая окова, тоже грубая и проржавевшая с отверстиями по краям. Забыв про малахит, поднял её, рассматривая.

«Большущая-то какая, невольно подумал я, это какой нужно иметь кулачище, чтобы не освободиться от таких оков! — Мысленно представил себе бажовского Степана из «Хозяйки медной горы», колупающего обушком малахит в забое. — Стой, прервал я свои измышления, если бы на руке была такая окова, он работать бы не смог. За ногу приковывали. На сапог её надевали что ли?» — Бросив железяку, двинулся к обвалившемуся участку забоя.

Еще на подходе увидел на поверхности вывала среди торчащих брёвен куски обмытого падающими струями ярко-зеленого камня. Малахит! Быстрыми движениями, сняв рукавицу, стал собирать их и складывать в сумку. Молотком разгреб верхний слой, — и там тоже. Малахита было много, — и мелких кусочков с красивым рисунком, и довольно крупных, — с кулак и даже с человеческую голову. Сбирал, торопясь, все подряд, не разглядывая, мысленно представляя себе, что вот

так и у Степана под ноги сыпались из-под обушка куски малахита, — где обломки, а где бугристые окатыши натёчной формы.

Володе, наблюдавшему за моими действиями, видимо, стало невтерпёж. Крикнул громко.

— Оставь хоть мне немного.

— Много-о, много-о, много-о, — вдруг громко и осуждающе прогудело откуда-то сверху.

Я невольно вздрогнул, втянул голову в плечи. В мыслях мелькнуло, как перед бажовским Степаном появилась вдруг Хозяйка медной горы. Так и сейчас, подумал я, явится Хозяйка и спросит: «Что вы тут делаете без моего разрешения?».

— Че ты кричишь, тише! — бросил я в ответ.

— Ти-и-ше-е, ти-и-ше-е, ти-и-ше-е, — примирительно отозвалось сверху.

Володя, стоявший в проеме тоже разинув рот, вдруг рассмеялся:

— Ха-ха-ха, — видимо, понял, что это эхо. Затопал ко мне по луже, смятывая на ходу веревку.

— Га-а-га-га-а, — зловеще загрохотало под куполом, и слышно было, как где-то посыпалась порода.

— Тише ты, — зашипел я сдавленным громким шепотом, оглядываясь по сторонам, — обвал спровоцируешь.

Мельком бросив взгляд на тачку и цепь в забое, он принялся тоже подбирать куски малахита, разгребая отвал геологическим молотком. Минут через десять с отяжелевшими сумками мы были уже под защитой крепи в проеме закрепленной выработки.

— Тачку и цепь с оковой я потом найду способ забрать отсюда, — сказал мне мой спутник, поправляя сумку на плече, — организую на руднике музей «Старые Гумёшки». Слушай, а как они работали в такой темноте, чем освещали забой?

— Бажов со слов стариков писал о каких-то там блёндочках — светильниках с крючками.

— Карбидки что ли?

— Да нет, карбидные лампы были изобретены на рубеже XIX–XX веков, а тогда, видимо, применяли какие-то масляные светильники с фитилями. В забое по 2–3 штучки и по выработке, по которой откатку руды производили, развешивали на стойках, чтобы хоть мало-мальски освещать путь катало.

— Так это ж специального работника надо было держать, чтобы следил за этими светильниками, подливал масло, менял фитили...

— Видимо, так и было. — Я помолчал. — Глаза, наверное, привыкли к этому полумраку, рудобой начинал видеть, как кошка в темноте. Зато, представь себе, как его ослеплял солнечный свет, когда он поднимался на гора. Для зрения-то нагрузка какая!

— Бажов, правда, писал в «Хозяйке медной горы», что в забое, чтобы светлее было, смолье жгли, то есть кострище разжигали. Но сомнительно это, для этого хорошая вентиляция нужна, иначе от дыма задохнешься.

Мы снова помолчали, обдумывая техническую сторону этой проблемы.

— Ну, что, — заторопился я, — теперь на выход?

— Слушай, Володя, раз уж мы так далеко забрались, давай дойдем до ствола «Георгиевской». Это недалеко, — слышишь, как вентилятор

гудит? — Я прислушался и действительно услышал сквозь шум подземного дождя монотонное гудение. — Мне это и по делу нужно, — продолжил мой спутник, — нет ли еще завалов, да хотел посмотреть, как там вполне сопряжение. Не исключено, что вскоре придется вести восстановительные работы, а то без вентиляции окажемся.

— Пошли, мне это тоже интересно. Только не тащить же с собой сумки с малахитом ...

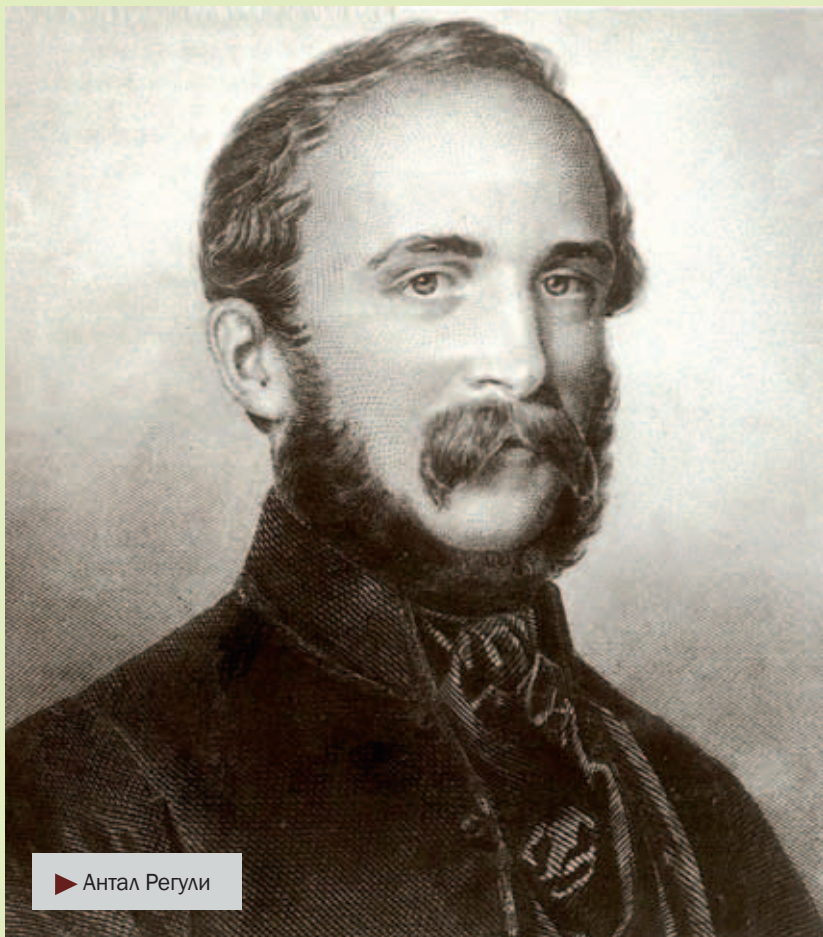
— Дело говоришь, — ответил мой товарищ, снимая сумку с плеча, — оставим их здесь. А где штaketина-то? Ты её там, у забоя, оставил? — он вопросительно посмотрел на меня. Потом махнул рукой:

— Шут с ней, она нам, надеюсь, больше не понадобится.

(Окончание в след. номере)

Современная обработка уральских карт Антала Регули

▶ Антал Регули

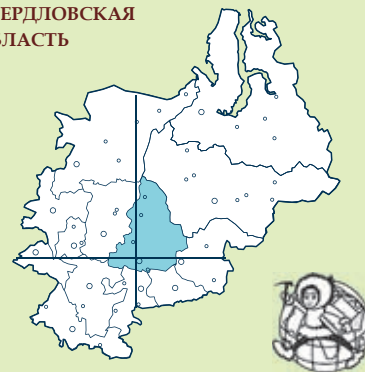

Золтан Гуйаш

Венгерский картограф, окончил Будапештский университет им. Лоранда Этвёша. Имеет учёную степень (PhD), в 2017 году защитил диссертацию по теме «Картографические работы Антала Регули». Занимается историей карт и топонимией. Живёт в Будапеште.

Иллюстрации предоставлены автором.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

В 2019 году состоится двухсотлетний юбилей со дня рождения венгерского учёного Антала Регули, который в 1843–1845 гг. совершил путешествие в северные территории Уральского хребта. Там он изучал язык и быт малочисленных народов, а также занимался сбором географических данных и рисовал карты местности, которые явились

основой для создания Регули большой карты Северного Урала. Эти наброски карт до сих пор являются важными документами для изучения Урала. В настоящее время автором статьи произведена современная обработка рукописных карт Регули, которая может эффективно использоваться уральскими краеведами, лингвистами и этнографами.

▲ Реки Лозва и Пелым на обработанном варианте рукописной карты «№ 3» (фрагмент)

литографированного издания этой карты и восемь набросков карт Регули ныне хранятся в рукописном отделе библиотеки Венгерской Академии наук, в Будапеште. Полагаю, что могут существовать и другие рукописные наброски карт Регули, место хранения которых в настоящее время не известно.

Пяти из восьми наброскам карт, хранящимся в Будапеште, присвоена нумерация, на них указаны место и дата составления. Они изображают прилегающие террито-

рии крупных рек (к примеру, реки Тавда, Конда, Лозва, Пелым, Северная Сосьва). Три остальных наброска карт изображают административные деления: карта Тобольского округа (в двух частях) и карта Туринского округа.

Рукописные наброски карт Регули считаются схематическими изображениями, но довольно богаты информацией. На них изображены разные топографические и административные объекты: реки, озёра, болота, горы, перевалы, дороги, населённые пункты (города, сёла с церковью и без них, важнейшие охотничьи дома), этнические и административные границы и другое. Самая ценная часть

содержания набросков карт — это, безусловно, топонимический материал, который Регули перенял непосредственно у местных жителей. На свои карты он нанёс большое количество географических названий объектов на языке местных малочисленных народов (ханты, манси, ненцы), которые в тот момент не имели письменности. Эти названия Регули записал латинскими буквами с использованием различных диакритических знаков. Название одного и того же объекта могло быть написано на разных языках: русском, хантыйском, мансийском, коми, ненецком. Поэтому карты Регули являются ценным источником знаний, инфор-

мации не только для краеведов, но и лингвистов.

Наброски содержат пояснительные тексты, географическую информацию о расположении и расстояниях того или иного объекта и в большинстве случаев изложены на немецком языке.

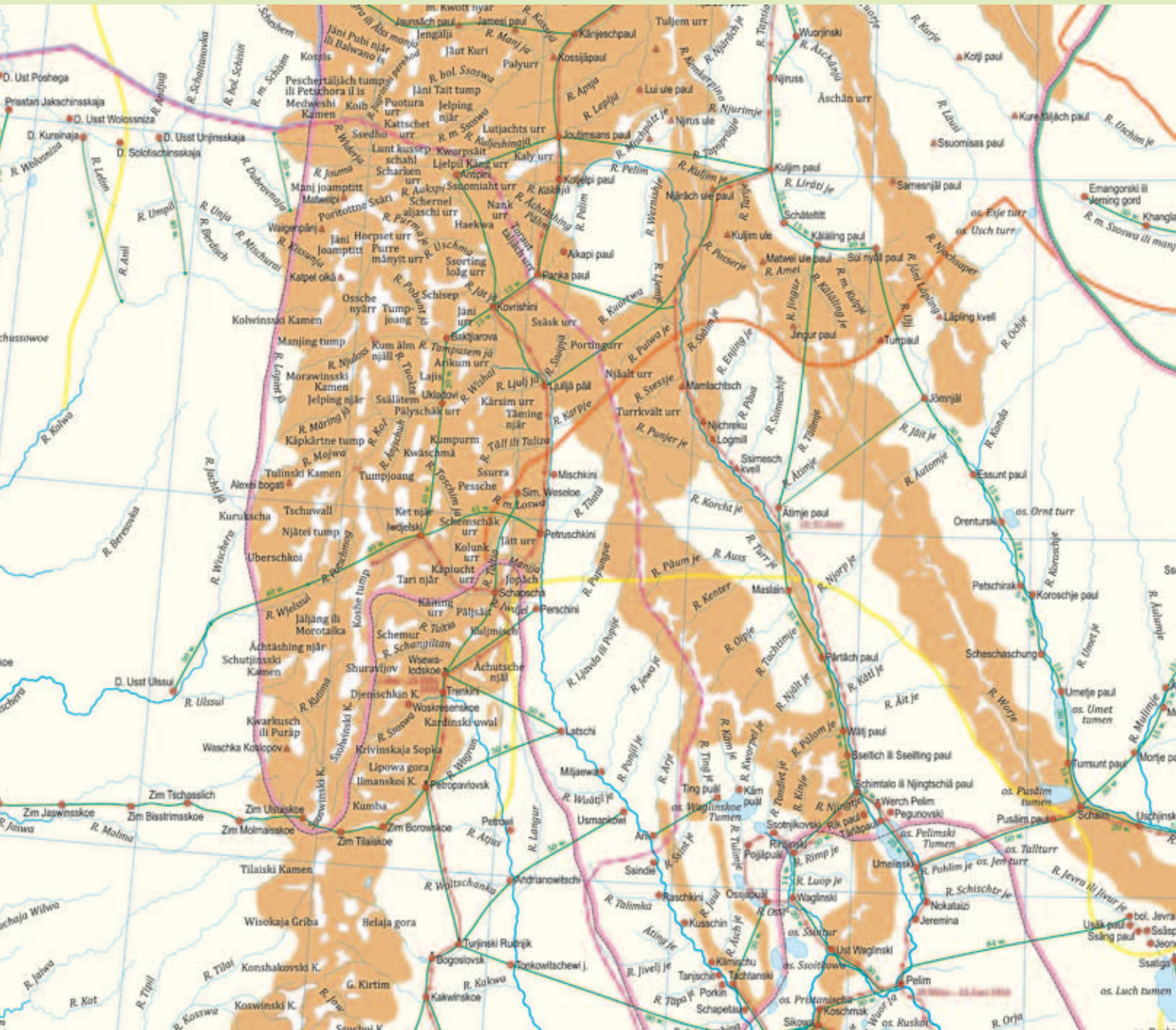
Современная обработка уральских карт венгерского путешественника состоит из двух частей: графической и топонимической. Сутью графической обработки является то, что все графические элементы, нанесённые Регули, заново нарисованы в цветном изображении и более понятны для визуального восприятия. Топонимическая обработка

ка включает в себя обширный перечень географических названий, пояснительных текстов, данных о дистанциях, которые сгруппированы по типам названий, в алфавитном порядке. Любое искомое название можно легко найти на новых обработанных картах с помощью указателей. В результате обработки восьми рукописных набросков карт Регули мною получено 2279 топонимических и географических данных. Кроме того, мною произведена современная обработка большой

карты Регули, на которой отмечено около 1950 данных, в том числе оронимы, гидронимы, названия населённых пунктов, даты и данные о дистанциях.

Я надеюсь, что современная обработка уральских карт Регули даёт возможность не только для развития знаний в сфере краеведения, лингвистики и этнографии, но и популяризации результатов деятельности Регули при изучении уральских территорий в широком кругу. **У**

▼ Реки Лозьва и Пелым на обработанном варианте большой карты А. Регули (фрагмент)

Потребительские общества против частных лавок

В 1864 году царское правительство ввело в Российской империи «Положения о Губернских и Земских учреждениях». На основании этого закона на Урале возникли потребительские общества, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, кустарные и рабочие артели, вольные и сословные кассы, сельскохозяйственные общества.

В те времена частные лавки продавали свои товары по очень завышенным ценам. Простой народ, не имея свободных средств, мог покупать только товары первой необходимости: соль, спички, керосин... А производители товаров не могли оперативно развивать свои производственные мощности из-за отсутствия быстрого сбыта продукции. В противовес частникам в поселениях начали появляться потребительские общества. Это добровольные объединения, основанные на паевом участии их членов (пайщиков), создаваемые для закупки и продажи товаров массового спроса. Каждый член общества (пайщик) вносил в общую кассу по своим возможностям определённую сумму денег (пай) и в итоге создавался уставной капитал. На эти деньги Общество закупало у предпринимателей оптом товары и открывало свои лавки. Таким покупателям производители товаров делали солидные скидки, и поэтому в лавках Общества товары продавались своим пайщикам намного дешевле, чем в частных лавках.

Естественно, что в таких условиях частные лавки хирели, а число пайщиков в Обществах всё время росло. Между покупной и продажной ценами образовывалась разница в пользу Общества, которая в конце года распределялась между пайщиками, соразмерно с суммами паевого взноса.

В поселке Верх-Нейвинский завод Общество потребителей было открыто в 1894 году. Об этом есть документ Министерства внутренних дел пермскому губернатору от 28 июля 1894 года. В 1895 году в Екатеринбурге в типографии Ф.К. Хомутова был отпечатан «Устав Общества потребителей в Верх-Нейвинском заводе (Пермской губернии, Екатеринбургского уезда)». Здание Общества располагалось напро-

тив верх-нейвинского волостного правления, а лавки — в разных частях поселения. Через четыре года оборот лавок Общества составил 100 000 рублей.

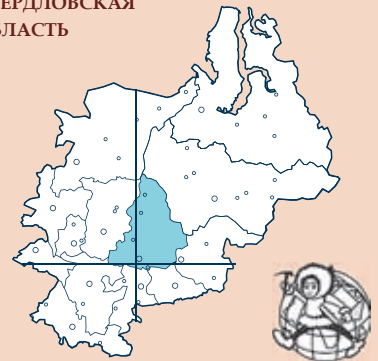
Трудные времена для Обществ пришли после империалистической войны и революционных событий — не стало хватать оборотных средств. Чтобы как-то облегчить себе жизнь, некоторые Общества для удовлетворения внутрихозяйственных нужд стали выпускать свои деньги под разными названиями: ордера, авансовые знаки, марки, расчётные марки... Для примера, вот некоторые из них: 1) Висимо-Шайтанское (родина Д.Н. Мамина-Сибиряка) Общество потребителей. 1919 год. Выпущены потребительские авансовые знаки номиналом в 1, 3, 5, 10 и 25 рублей. Размеры: 125x78 мм. Девиз: «В единении — сила». Двусторонняя. 2) Висимо-Уткинское Общество потребителей. 1920 год. Выпущены марки номиналом в 1, 3, 5 и 10 рублей. Размеры: 85x58 мм. Двусторонняя. На обратной стороне в некоторых экземплярах в слове «деньги» вместо буквы «д» поставлена буква «б» («беньги»). 3) Нижне-Тагильский Центральный рабочий кооператив. 1923 год. Выпущены

Василий Попов

Живет в рабочем поселке Верх-Нейвинском Свердловской области. Практически всю жизнь занимается коллекционированием. Рассказывает о своем увлечении на выставках и в местной печати. Давний автор «Уральского следапыта».

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фотографии из личной коллекции автора.

▼ Общество потребителей, 1913 г.

Уральский следапыт, ноябрь 2018

5 июля 1909
8-1476
Во Хозяйственный Департамент
Министерства Внутренних Дел.

24 июля 1909
12524

Вследствие отношения, от
4 марта сего года за № 2096, мною
лично уведомил Хозяйственный
Департамент, что заведение
общества потребителей в Верях
Нейлинских заведе открыта
4 июля 1909 года.

Вместе с
Вашим
и т.д.

И. Губернатора,
Вице-Губернатора
За Вице-Губернатора,
Старший Советник
Ваше

Старший Депутат
Ваше

▲ Один из документов Министерства внутренних дел

ордера номиналом в 1, 5, 10, 15 и 25 руб-лей. Размеры: 100x72 мм. Односторонняя. На обратной стороне две печати. Встречаются и очень оригинальные экземпляры денежных знаков потребительских обществ. Вот, например. На белой тонкой бумаге в чёрном прямоугольнике размером 52x43 мм в четыре строки напечатано: «Т.О. П.П./Двадцать пять/25/коп». Не всякий поймет, что аббревиатура читается так: «Тюменское Общество потребителей «Пчела». 25 копеек. Это денежные знаки номиналами: 5, 10, 15, 20, 25, 50 копеек (белая бумага) и 1, 3, 5, 10 рублей (коричневая бумага). Члены Общества имели перед другими жителями поселения кое-какие преимущества. Это хорошо видно на примере ценообразования в Енисей-

ской губернии в 1922 году: 1 фунт хлеба стоил 5000-8000 рублей в потребкооперации, а на рынке: 12000-15000 рублей; коробок спичек — 40000 руб., а на рынке: 60000; 1 фунт чая — 130000 рублей в лавке Общества, а на рынке — 200000 рублей; чашка с блюдцем 25000 и 40000 рублей соответственно. В конце двадцатых годов правительство страны Советов взяло под жёсткий контроль производство товаров народного потребления и их ценообразование. Потребительские Общества потихоньку стали исчезать. Они сделали своё дело и оставили свой след в истории страны. А в альбомах собирателей на почётном месте хранятся их денежные знаки — свидетели былых полезных дел потребительских обществ. ☑

▲ Ордер на отпуск товаров

Озеро Тургойак — украшение земли уральской

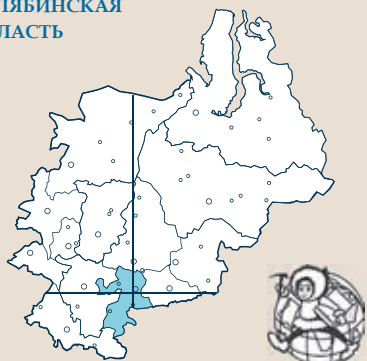
Рассказ об озере Тургойак — прекрасном озере Южного Урала и России, его необыкновенной воде, мегалитах острова Веры, таинственной расселине полуострова Крестовый, озере-соседе Инышко и пугачевском кладе... О современном дыхании озерной экосистемы, о непростом соседстве озера и человека...

Сергей Захаров

Председатель Челябинского регионального отделения РГО, канд. геогр. наук, доцент кафедры географии и МОГ ЮУрГГПУ. Область научных интересов — антропогенное преобразование озерных экосистем.

ЧЕЛЯБИНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Фотографии автора.

Тургойак — озеро необыкновенное. Необыкновенной красоты и чистоты. Самое многочисленное среди уральских озер по числу легенд и культурно-исторических памятников, подлинная достопримечательность Южного Урала.

Легенды

Совсем недавно появилась легенда — в образовании котловины озера «виноват» метеорит. Когда-то очень давно прилетел большой метеорит (маленький астероид) и упал в Уральских горах, выбив изрядную воронку. Образовалась кольцевая, 2–3-рядная структура, и вроде это даже заметно на космических снимках. Потом, по прошествии времени, в этой котловине и образовалось озеро.

Берега озера действительно любопытны. Есть и фрагменты побережья (особенно на западной стороне), отдаленно напоминающие астроблемные

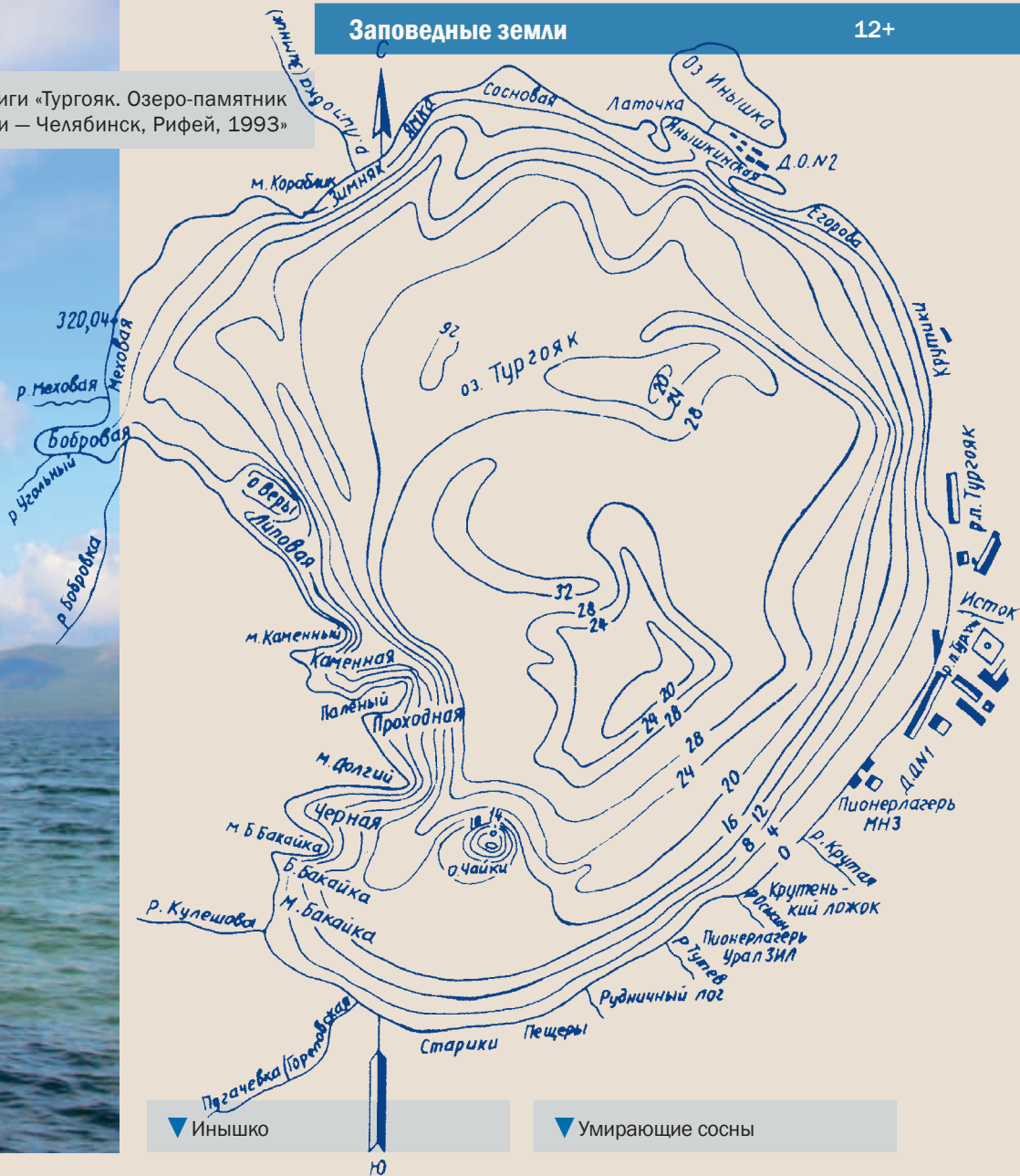
валы; в центре озера находится обширное 6–10 м поднятие, тоже образующееся иногда в ударных кратерах. Вот вам и объяснение происхождения самой емкой на Урале (по отношению объема к площади) озерной котловины...

Как ни красиво предположение, оно на 99% неверное (для 100% опровержения необходимо глубинное бурение с целью поиска пород, испытавших импактное воздействие). Если посмотреть на карту глубин, можно видеть, что поднятие не одно, а целых три — два подводные, одно оканчивается выходом на поверхность острова Чайка.

Тургойак образовывали подвижки земных пластов... Озерная котловина и сейчас подвергается интенсивным тектоническим преобразованиям — поднимаются ее западная и северная части. Не исключено, что озеро Инышко и залив Инышкинская курья — аналог воздымающегося побережья Белого моря, где прибрежные участки мор-

▶ Карта глубин: из книги «Тургойк. Озеро-памятник природы и окрестности — Челябинск, Рифей, 1993»

▼ Инышко

▼ Умирающие сосны

цена? Кстати, название «Аргужа» в переводе означает «добрый хозяин». Может, эта странная «рыба» так и называлась? Вроде научные данные этому не противоречат: р. Миасс (точнее Прамиасс) впадала в большое приледниковое озеро: по этому водному пути тюлени могли добраться до верховьев реки (во всяком случае, зафиксированы заходы каспийской нерпы в реку Урал до 200 км от устья). На южноуральских озерах и в современную климатическую эпоху образуются достаточно прочные снежные надувы, могущие послужить убежищем беспомощному бельку; нет главного врага — белого медведя, не выпадающего в зимнюю спячку.

Есть данные против: нет сведений о тюленях в приледниковых озе-

◀ Крутики восточного побережья

◀ Остров Веры. Раскопки

рах; до образования современного водохранилища озеро Аргазы было меньше по площади и существенно мельче: имело глубину около 4–4,5 м. Достаточно ли таких размеров для прокормления хотя бы малой популяции нерпы? В отдельные зимы выпадает мало снега, в этом случае с озерного льда его сдувает. Матери-нерпе негде укрыть белька. Белого медведя нет, а волки есть... В общем, пока не будет обнаружен костяк нерпы, легенда так и останется легендой...

На севере от озера Тургояк, за небольшой перемычкой, притаилось маленькое озеро Иньшко. По легенде (существует как минимум три ее разновидности, некоторые еще с XIX века), Емельян Пугачев схоронил в нем клад (один или даже два бочонка с золотом). В конце мая 1774 г. Пугачев действительно находился поблизости от этих мест после поражения от войска Михельсона; не исключено, что

▶ Остров Веры. Мегалиты

ской акватории отделяются от моря и поднимаются над ним своеобразными озерными ступенями.

В башкирской легенде, тоже обнаруженной недавно, говорится, что в озере Аргазы (на р. Миасс) до прихода русских на Урал жила странная дышащая рыба с горизонтальным хвостом. На зиму она уходила в озеро Тургояк. Неужели речь идет о нерпе, которая могла сохраниться в этих краях, например, с эпохи конца плейсто-

Уральский следопыт, ноябрь 2018

▲ Остров Веры

что-то и спрятал, да никто так и не нашел. Может, потому, что у озера Иньшка два дна (еще одна легенда: на самом деле дно одно; после 6 м водной толщи до коренных пород котловины идет 9 м донных отложений); а может, потому, что самих озер Иньшко — не одно, а два. А это уже правда; причем другое Иньшко гораздо ближе к месту стана Пугачева 28–29 мая 1774 г.

Полуостров Крестовый (он же Паленый) словно кто-то пытался отделить от материковой суши рвом. Но уж больно ровные его гранитогнейсовые стенки: больше похоже на тектонический разрыв-расселину... Существует легенда, что копали его беременные женщины (но с какой целью? откуда такая дикая архаика?). Сама дорога на полуостров кажется искусственно насыпанной — настолько она ровная. Правда, тот же В.Н. Сементовский уже называл Крестовый полуостровом более 100 лет назад (но сведений

о рве-расселине у него нет; а о древних постройках на острове Веры есть).

Мегалиты острова Веры — отдельная достопримечательность озера Тургояк. Один в виде проходной перекрытой пещеры с оконцами; другой — в виде подземной камеры, возможно, погребальной. Есть и следы работы по отделению каменных блоков, есть еще одна неперекрытая каменная камера, отдельные камни... На острове жили люди со времени неолита и эпохи бронзы; позже он был прибежищем старообрядцев. Они во многом уничтожили древний культурный слой мегалитов, приспособив каменные постройки под свои нужды. После 1905 года, после прекращения гонений и признания старообрядцев, они устроили на острове свою молельню, срубили последние пихты на острове; также остров в это время полностью выгорел по вине человека.

Сама легенда о Вере, в чью честь был назван бывший остров Пинаевский (князьей дочери, не согласив-

▲ На остров Веры можно добраться разными путями

шейся неволей выйти замуж и жившей на острове в отшельничестве), существовала уже как минимум в 1912 г.; в это время уже упоминается о ее могиле. Поэтому версия о ее смерти (по другой легенде) в начале 1917 г. не выдерживает критики. На острове находится металлическая погребальная доска (Антонины Шеломовой, умерла в 1897 г.). Наконец, в 1982 г. близ дома отдыха Тургояк отдыхающие нашли на дне озера надгробие с именем «Княжеская дочь схим. Елизавета. Память 1 марта, жившая при Николае Павловиче». Вера, Елизавета, Антонина — легенда о святой Вере, похоже, так и останется неразгаданной тайной...

▼ Остров Веры. Каменоломня. Следы клиньев

Солнечное озеро

место отдыха, на его берегах возникали пионерские лагеря, пансионаты и базы отдыха.

Котловина

Озеро Тургояк расположено в межгорной котловине в пределах северо-восточной окраины г. Миасс. Координаты центральной зоны озера: 55°09'40" с.ш., 60°04' в.д. Озерная котловина тектонического происхождения, приурочена к межгорному прогибу; находится в пределах геологического разлома земной коры и зоны контакта континентальных и древнекеанических пород. Геологические породы, слагающие котловину и водосбор, имеют сложную историю раннего и позднего палеозойского времени, времени Палеоуральского океана и начального периода воздымания первичных Уральских гор. Западные и особенно восточные берега высокие, зачастую обрывистые, высотой до 50–100 м. На незначительных по протяженности участках южного и северного берега, а также восточного (зона р. Исток) характерны понижения бортов котловины.

Время возникновения озера до сих пор точно неизвестно (но все же не 23 миллиона лет). По современным оценкам, возраст озера составляет не менее 12 тыс. лет. Но у озера Тургояк действительно самая емкая котловина

Хрупкая жемчужина

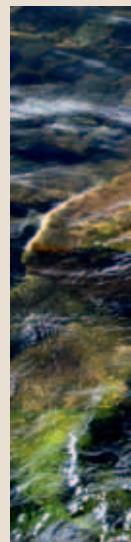
А какой портрет озера рисует наука? Ученые тоже согласны с уникальностью озера. Воды Тургояка высококачественны, в чем-то родственны водам озера Байкал (высокая прозрачность, олиготрофный тип гидробиоценоза, малая минерализация, гидрокарбонатно-кальциевые воды). В 1970-х гг. озеро Тургояк было отнесено международной лимнологической ассоциацией (International Society of Limnology) к числу примечательных (ценных) водоемов мира. Следует отметить, что на официальном сайте международной лимнологической ассоциации, равно как и на некоторых других зарубежных сайтах, такой информации обнаружить не удалось.

Озеро Тургояк — один из первых природных объектов России, рекомендованный к охране. В 1912–1916 гг. географ В.Н. Сементовский боролся за чистоту озера и даже написал по этому поводу отдельную брошюру. Есть там такие слова: «Гибнет, гибнет Тургояк. Он уже не тот, что прежде... Отравляет воздух нефтянка новой мельницы... Белеватая пелена дыма идет почти на все озеро, смешиваясь с дымом от печей, тянется на берег, сгоняя отсюда всех. Вещь кристально чистый Тургояк покрывается противно-липким запахом. Это — символ грядущей культуры, убивающей красоту... Нельзя отравлять воду отбросами заводов, нельзя отравлять и воздух, тем более в населенных местностях... Тургояк можно приравнять к курортам, лечебным местностям...»

С негодованием относился ученый к тем из своих современников, которые «... на камнях острова Веры, на скалах крутиков высекают, выцарапывают, вымазывают свои великие имена... часто

оставляют после себя костры и поджигают лес... усеивают площадки осколками стекла алкогольных сосудов». В.Н. Сементовский ссылается на воззвание товарища председателя Природоохранной комиссии Императорского Русского географического общества, академика И.П. Бородин: «Сокровища природы так же уникальны, как картины Рафаэля — уничтожить их легко, восстановить же нет никакой возможности».

В XX веке натиск человека на озеро усилился. На его водосборной территории еще в царское время начали рубить лес, его воды шли на водоснабжение завода «УралАЗ» и г. Миасс. Сам Тургояк благодаря чистой воде и живописным видам превратился в любимейшее

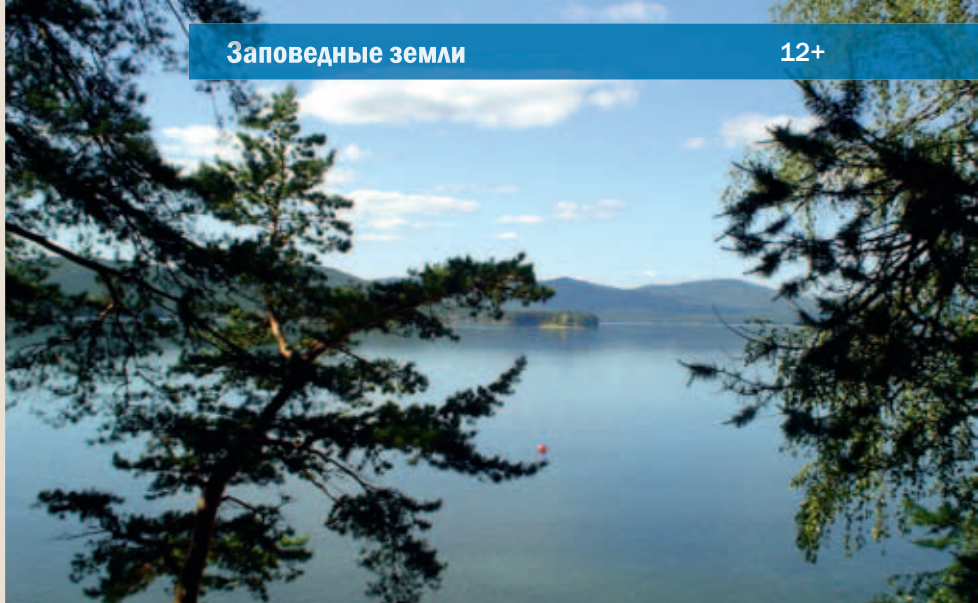

среди озер Южного Урала. Не исключено, что озеро, пусть и меньших размеров, уже существовало в эпоху брянского потепления (около 28–32 тысяч лет назад).

По современным данным, площадь озера составляет около 26,5 км², площадь водосбора — около 50 км², объем водной массы — около 500 млн м³, максимальная глубина — 32,5 (до 34 м), средняя глубина — 19,2 м. Есть устные сообщения водолазов о глубинах 40–42 м. Они представляются маловероятными, так как зона глубин свыше 30 м чрезвычайно мала. Во время на-

▶ Вид с южного берега

ших исследований в весенне-летний период 2018 г. глубин более 32 м не обнаружено.

На озере 6 островов, из которых относительно крупный только один — остров Веры (около 7 га). Остров Веры притаился у западного побережья — не сразу и угадаешь, где он. Здесь же, у западных берегов, находятся еще три островка — это даже не островки, а всего лишь небольшие скалы. Еще один прижался к северному берегу. На акватории заметен только маленький островок — остров Чаичий (или остров Чайки).

Вода (уровень для начинающих)

В.Н. Сементовский не устает восхищаться водой Тургояка: «... необычайно красива поверхность озера под солнцем. Темно-зеленые волны, белые гребни... Часто озеро расцветивается — одни части синеют, другие — грозно-серые... У берега песок дает светлый оттенок воде, резкой чертой отличающийся от темно-зеленого цвета глубин».

И сегодня можно понять его восхищение. Тургояк сохранил свои краски, сохранил удивительные по чистоте воды. Но есть тут и своя тревожная нотка. Ученые, исследовавшие озеро в период 1903–1997 гг., дружно указывают летнюю прозрачность в центральной зоне акватории от 11 до 14 м по белому диску. В августе 2017 г. нами в центральной части водоема, при идеальных условиях наблюдения, было обнаружено снижение прозрачности до 9,4 м, а в августе 2018 г. диапазон изменения прозрачности составил 9,5–10,2 м.

В озере Тургояк ежегодно образуется термическая граница между теплыми поверхностными водами и глубинными. Летом примерно до 13–14 метров температура примерно одинакова. Затем следует 3–4-метровый пограничный слой (термоклин). В прозрачной воде Тургояка его можно видеть. Водолазы рассказывают, что иногда на нем лежит мелкая муть; а если резко качнуть рукой по поверхности этой границы, побегит рябь.

▲ Вид с хребта Заозерного

По водному режиму озеро Тургояк относится к сточным. С северной части в озеро периодически впадает ручей со стороны озера Иньшко. В озеро также впадают малые реки (ручьи): Липовка, Моховая, Угольный, Бобровка, Кулешовка, Пугачевка (Гореловская), Крутая. Вытекает р. Исток (правый приток р. Миасс). Объем вод полностью сменяется примерно раз в 50–65 лет.

В 1936 г. через р. Исток в р. Миасс было сброшено около 20 млн м³ для пополнения Аргазинского водохранилища, при этом уровень озера понизился на 80 см. Окончательно сток из озера прекращается в 1960 г. Озеро искусственно обрело бессточность. С 1952 г. началась перекачка вод в оз. Кысыкуль для водоснабжения г. Миасс. В 1960–80 х гг. отбор воды колебался в пределах 5,8–10,5 млн м³/год (при многолетнем естественном водном балансе озера около 5,5–6 млн м³). Это привело к падению уровня воды (до 2,8 м). Только в 1990-е гг. произошло снижение во-

▲ Штиль

дозабора от 4 до 1,5 млн м³/год. После многоводных 1999–2007 гг. уровень воды в озере восстановился. В 2007 г. озери была возвращена проточность (по р. Исток), что не замедлило благоприятно отразиться на уменьшении концентрации биогенных элементов (начался их вынос из замкнутой озерной системы).

Вода (уровень для продвинутых)

Воды озера мягкие пресные, по химическому составу относятся к гидрокарбонатному классу сульфатно-натриевого типа группы кальция.

Динамика макроэлементов воды почти за 100 лет указывает на тенденцию к увеличению минерализации от 90–115 мг/л до 120–155 мг/л.

Наиболее уязвимы экосистемы олиготрофных озер к повышению концентрации биогенных элементов, в первую очередь соединений азота и фосфора. Современные концентрации азота и фосфора в целом невысоки, соответствуют олиготрофному, в некоторых случаях — олиго-мезотрофному водоему. Интересной особенностью

в распределении биогенных веществ в оз. Тургояк является зона повышенного содержания азота и фосфора на глубинах 10–15 метров (зона термоклина), сохраняющаяся даже при его разрушении в зимнее время.

Современные концентрации (2009–2017 гг.) общего фосфора в поверхностных водах в примерно в 5 раз превышают значения середины 1960-х гг. Также наблюдается поступление соединений фосфора в летний период с нарушенных участков водосборной площади и со стороны пляжей.

Настораживает обнаружение в поверхностных слоях концентраций фосфора порядка 0,02–0,04 мг/л (например, в 1996, 1997, 2014 гг.). Подобные значения характерны для мезотрофных, а не олиготрофных озер; в озере Тургояк подобные концентрации фосфора общего характерны только для глубинных придонных вод. Такие концентрации могут активизировать процесс эвтрофикации водоема и вызвать перестройку его планктонного сообщества.

В озере Тургояк до сих пор сохраняется благоприятный кислородный режим. И все же в придонных водах на-

блюдается дефицит растворенного кислорода. На больших глубинах (29 м и глубже) отмечены значительные концентрации марганца, что, вероятно, связано с его выносом в водную среду из донных отложений как раз при недостатке кислорода.

Органическое вещество в водах озера встречается в минимальных количествах и достаточно стабиль-

но во времени: по величине цветности, перманганатной и бихроматной окисляемости значимых изменений (за период с 1962 по 2018 гг.) не наблюдается.

Содержание нефтепродуктов по глубинной вертикали за период 2009–2018 гг. ниже ПДК и достаточно стабильно: от 0,01 до 0,03 мг/л (с максимумом в поверхностных слоях, как зимой, так и летом).

▼ Суровое озеро

тер негативных изменений экосистемы. Озерная экосистема обладает значительной способностью к самоочищению своих вод и значительной инерционностью. Тем не менее, тревожные симптомы негативных качественных изменений есть. Это пусть и почти незаметное, но нарастающее увеличение минерализации вод; выявленное поступление соединений фосфора с освоенной части водосбора и побережья; снижение летней прозрачности воды. Современное состояние экосистемы озера изме-

лые корабли по маршруту Городской пляж — о. Веры, доставляя на остров за раз несколько десятков человек, что приводило к нефтяному загрязнению озера и вытаптыванию ландшафтов острова. Применялись и применяются плавучие бани. Все более ширится использование моторной техники; под видом «крутого» отдыха устраиваются дикие ночные игрища с подводными и надводными взрывами, салютами и фейерверками.

С 1969 г. озеро Тургойк является памятником природы областного значения, в 2007 г. территории вокруг водоема придан статус охранной зоны памятника природы; но на сегодняшний день этого явно недостаточно.

В связи с уникальностью озера еще в 1990-е гг. рекомендовалось включить водоем и значительную часть водосбора, включая верховья реки Кушпумги, в состав природоохранного объекта более крупного ранга — национального или природного парка — но до сих пор этого нет.

Само озеро Тургойк, а также отдельные его аттрактивные (т.е. привлекательные) структурные элементы: крутики, иные живописные участки побережья, остров Веры с доисторическими мегалитами — все это в совокупности имеет хорошие перспективы для превращения в развитый центр рекреации на Урале. На острове Веры археологи рекомендуют создание особой заповедной территории, строительство музейного комплекса. Озеро требует к себе бережного отношения, основанного на оценке современного экологического состояния и определении емкости озерно-прибрежного ландшафта. Неконтролируемая эксплуатация водоема и побережья приведет к разрушению природного равновесия, к значительной утрате привлекательности последнего олиготрофного озера Челябинской области.

«Тургойк разрушается по мере того, как приходит к нему известность. И с болью в сердце приходится следить за умиранием его красоты, не имея достаточной возможности предотвратить это печальное явление», — так писал В.Н. Сементовский в 1913 г. Неужели так и будет? **УС**

нилось от олиготрофного до олигомезотрофного.

Помимо водозабора, который в настоящее время не угрожает вековой массе озерных вод, в последние годы наметилась другая негативная тенденция — все более интенсивное неорганизованное рекреационное использование озера и отсутствие центральной канализационной сети у баз отдыха. В отдельные жаркие дни на городском пляже одновременно находятся до 2–2,5 тыс. человек. За летний период у озера может отдохнуть около 70000–100000 человек. На озере до последнего времени (2016 г.) с нарушением законодательства ходили ма-

▼ Городской пляж

▲ Гора Липовая, западное побережье

Антропогенное загрязнение озера Тургойк

Обнадёживает, что выявленные изменения состояния водных масс показывают в большей части циклический, а не направленный харак-

Цветная палитра Урала

Елена Попова

Преподаватель по геологии, экскурсовод, руководитель проектов по геотуризму.

Лиственит — дорога к золоту

«Камень — важнейший материал прикладного искусства, будивший творческую мысль художника, неотъемлемый элемент культурного развития человечества, и изучение его во всех стадиях использования — в природных месторождениях, в камнерезных мастерских и на заводах, в зодчестве, бытовых изделиях и ювелирном искусстве — является задачей особого культурно-исторического значения».

А.Е. Ферсман

Листвениты представляют собой декоративно-облицовочный и в отдельных разновидностях поделочный материал. А.Е. Ферсман относил листвениты к поделочным камням III класса.

Е.Я. Киевленко в своей классификации поместил данные породы в группу поделочных камней без разделения на классы.

История

Впервые листвениты описаны на Урале известным немецким геологом, профессором Берлинского университета Г. Розе, когда он сопровождал другого немецкого ученого А. Гумбольдта в поездке по Уралу. В начале июня 1829 года, когда они посещали Березовский и Шабровский рудники, на Листвяной горе (в окрестностях Березовского) ученый описал околотрещинные изменения зеленоватого вида мощностью до 1–2 метров. Отсюда пошло их название — *листвениты*. Иногда встречается ошибочная версия, что название породы дано по их цвету.

В 1842 году залежи лиственита были повторно обнаружены Г. Розе в 5 км от Невьянска (Шуралинское месторождение). Минерал был официально описан и получил второе название — «*невьянский мрамор*». Наиболее известны зеленые листвениты уральских месторождений, которые обрабатывались еще в XIX в. на Екатеринбургской гранитной фабрике.

В советское время месторождения изучались С.Н. Абакумовским. В 1932 г. поисковые работы на Шуралинском месторождении проводил геолог Б.П. Кулеш. В 60–70 гг. XX столетия

поисками перспективных месторождений и проявлений занимались геологи экспедиции «Уралквцсамоцветы».

Минералогия и свойства

Лиственит — средне- и низкотемпературная метасоматическая горная порода, состоящая из карбонатов (чаще всего анкерита), кварца и мусковита или фуксита (хромовая разновидность мусковита) с примесью разнообразных минералов (талька, хлорита, актинолита, турмалина, рутила, пирита). В качестве второстепенных минералов в различных разновидностях ли-

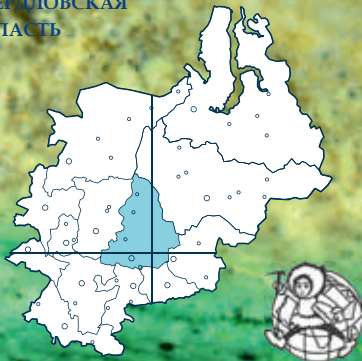
ственитов устанавливаются антигорит, хлорит, альбит, цоизит, эпидот, пирротин, халькопирит. Редкие минералы, которые встречаются в лиственитах — хромшпинелиды, титанит, апатит, серпентин, гетит, гидромагнетит.

Окраска лиственитов обычно бывает от ярко-зеленой (большое количество фуксита) до серой (значительное количество мусковита, доломита) или серовато-зеленой (хлорит, доломит). Часто за счет разложения карбонатов (анкерита) появляются бурые или желтые (гидроокислы железа) пятна и полосы. В качестве поделочных камней

Уральский следопыт, ноябрь 2018

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

Листвениит

Один из редких и ярких зеленых цветов с различными оттенками — показан листвениитом.

Фират Нурмухаметов,
директор Уральского Центра камня.

▶ Государственный эрмитаж. Чаша квадратная.
Время создания — 1833–1835 гг. Размеры: высота 69,0 см,
чаша 71,0 x 71,0 см.

используются ярко-зеленые разновидности.

Текстура листвениитов — пятнистая, полосчатая, прожилково-пятнистая — делает их привлекательными в крупных камнерезных изделиях. Структура у пород средне-крупнозернистая, улучшает декоративные характеристики камня. Поделочные камни обладают переменной твердостью от 3–4 (большое количество хлорита и карбонатов) до 5–6 в местах скопления кварца. Мягкие разновидности легко обрабатываются (полируются и режутся).

Месторождения

Лиственииты, как породы, часто встречаются в районе золото-сульфидных месторождений, которые образуются при внедрении кварцевых жил в массивы ультраосновных пород. Это наиболее проявлено на Урале (Березовское, Благодатное, Шуралинское, Пышминско-Ключевское месторожде-

ния), Алтае и Саянах. В конце XX столетия были обнаружены и исследованы новые месторождения и проявления листвениитов на Южном Урале (Архангельское — Миасс, Ленинское, Миндяжское, Алтынашское). Иногда с листвениитами связаны месторождения и рудопоявления ртути, кобальта, меди. Красивые ярко-зеленые разновидности, в основном уральские, использовались для облицовки зданий и для производства художественных изделий.

Использование

Лиственииты в качестве поделочного сырья интенсивно начали осваиваться уральской камнерезной промышленностью лишь во второй половине XX столетия. Широкое применение пород ограничивалось главным образом небольшими запасами высокодекоративных разновидностей или небольшой блочностью декоративного камня. Камень обычно добывался как попутное сырье, поэтому имел большую трещиноватость. Это часто не позволяло его использование в качестве облицовочного материала. Из листвениитов в настоящее время производят напольную и настенную плитку, изготавливают элементы декора, статуэтки, настольные приборы, пепельницы, сувенирные шары, пирамиды и украшения. До конца не раскрыты декора-

тивные особенности листвениитов, мало его место в длинном ряду уральских самоцветов. Не смогли уральские камнерезы «до конца» раскрыть камень.

Самые известные и популярные

Несколько крупных изделий из так называемого «невьянского мрамора» экспонируются в Эрмитаже. Особенно известна искусствоведам и любителям четырехугольная чаша, изготовленная в 1835 году на Екатеринбургской гранитной фабрике. Есть старые изделия из уральского листвениита в Уральском геологическом музее. Из листвениита с Шуралинского месторождения в 1839 году на Горнощитовском мраморном заводе изготовили камин для Марининского дворца в Петербурге. Архитектор А. Брюллов при реконструкции Зимнего дворца в Петербурге использовал уральский листвениит для украшения дворцовых интерьеров.

*Полезно камни наблюдать,
Над ними можно размышлять,
Ценней же прочего — желанье
Законы жизни их понять.*

*Прочсть сокрытые в них тайны,
Что им присуще, что — случайно.
И поделится, рассказать,
О том, что удалось узнать.*

В. Слетов

1 сентября 2016 года на здании средней школы № 3 города Невьянска была торжественно открыта мемориальная доска с надписью: «В этой школе в 1961–1985 гг. работал художник-

скульптор Надтока Алексей Ефремович». Это событие стало данью уважения невянцев своему земляку — учителю, художнику, талантливому, душевному человеку. Человеку, украшавшему город...

Человек, украшавший город

Алексей Ефремович Надтока родился 27 сентября 1929 года на Украине, в селе Мало-Михайловка. Здесь прошли его детство и юность. Будучи подростком, Алексей пережил все тяготы военного времени, что потом нашло отражение в его творчестве. Отец вернулся с Великой Отечественной войны, но радость в семье была недолгой — вскоре умерла мама...

У Алексея рано проявились способности к рисованию. После школы поступил в Днепропетровское художественное училище. В годы учебы выполнил свою первую творческую работу — скульптуру для парка в одном из украинских сел.

Отслужив в армии, Алексей приехал в Невьянск, к тетке Анне Гапон, которая в 1930-е годы, опасаясь репрессий, была вынуждена бежать на Урал.

Женился на местной девушке Маргарите Рогожиной, родились дочери Алла и Роза.

Затем была учеба на заочном отделении художественно-графического факультета Нижнетагильского государственного педагогического института. Дипломная работа Надтоки, защищенная на «отлично», — скульптурный бюст М. Горького — до сих пор хранится в читальном зале библиотеки пединститута.

▲ А.Е. Надтока. 1970-е гг.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Венера Набиуллина

Окончила Нижнетагильский государственный педагогический институт по специальности «учитель биологии и химии». Занимается краеведением. Член Невьянского и Уральского обществ краеведов. Автор более 50 публикаций, соавтор двух книг. Живет в Невьянске.

Алексей Карфидов

Окончил исторический факультет Нижнетагильского государственного педагогического института. Методист по научно-просветительской деятельности ГАУК СО «Невьянский государственный историко-архитектурный музей». Занимается исследованием истории Невьянского края. Автор более ста публикаций в журналах и газетах Уральского региона. Соавтор книги «Сохраненная реликвия» (о Невьянской наклонной башне). Автор четырех пьес-сказок для музейного кукольного театра.

Фотографии из личного архива А.Е. Надтоки и из фондов Невьянского государственного историко-архитектурного музея.

◀ Памятник «Павшим за Советскую Родину»

Преподавательскую деятельность начал в невянской школе № 3 учителем рисования, черчения и труда. Затем работал в школе № 1, в детской художественной школе. В общей сложности Алексей Ефремович отдал образованию около 30 лет.

Он очень любил Невьянск, интересовался его историей, встречался со старожилами. Особенно трепетно относился к теме Великой Отечественной войны. Потому, наверно, и первый памятник, который он изготовил по заданию городских властей, был посвящен невянцам — участникам войны. Над его созданием автор, по собственному признанию, работал с особым вдохновением. Изготовлен памятник из железобетона (высота 6 м, длина

8 м, ширина 3 м) в виде прямоугольной глыбы, на которой стоит солдат с преклоненным знаменем и девушка, возлагающая венок. По обеим сторонам — планшеты с изображением боя. На лицевой стороне — надпись, выполненная металлическими буквами: «Павшим за Советскую Родину». Несколько лет назад для большей сохранности монумент был выложен гранитными плитами, а надпись выполнена в виде мемориальной доски. Памятник был открыт в День Победы 9 мая 1967 года.

А через семь лет, 9 мая 1974 года, в пос. Цементный состоялось тор-

▶ Памятник «50 лет Октября», 2000-е гг.

жественное открытие еще одного памятника работы А.Е. Надтоки, посвященного теме войны. Он состоит из железобетонной глыбы Г-образной формы высотой 2,5 метра и установки для Вечного огня. На передней части глыбы выполнены голова солдата и скорбящей матери, а также помещена надпись: «Никто не забыт, ничто не забыто».

На городской площади Невьянска находится памятник «50 лет Октября», установленный 5 ноября

▲ Мемориальный комплекс воинам-цементникам

 ▼ Мастер за работой. 1970-е гг.

1967 года. Изготовлен он в виде титановой стелы, на которой помещено изображение профиля В. И. Ленина с навершием: серпом и молотом — символом союза рабочих и крестьян. Вот только молот оказался повернут к серпу рабочей стороной. Говорят, мастер сделал это сознательно — в знак протеста против политики государства в отношении крестьянства, а высокое начальство не заметило этой ошибки.

Алексей Ефремович имел право на изготовление изображений В. И. Ленина (у него был специальный допуск), что в советское время было синонимом признания авторских заслуг и художественного таланта. Только небольших бюстов Ленина для невянских организаций и учреждений мастер изготовил несколько десятков, но, к сожалению, ни один из них не сохранился до нашего времени.

Зато сохранился памятник-трибуна «В. И. Ленин» на площади пос. Цементный, выполненный в 1980 году по решению поселкового Совета. Его составной частью стала трехметровая скульптура В. И. Ленина.

Там же, в пос. Цементном, перед зданием заводууправления была установлена монументальная пятиметровая скульптура «Цементник», ставшая символом нелегкого труда производителей стройматериала.

Занимался А. Е. Надтока и оформлением фасадов зданий. В эпоху серого бетона и безликих строений он старался сделать каждое здание уникальным, имеющим свой неповторимый облик. Напри-

мер, для Дома культуры пос. Цементный им выполнены настенные скульптуры из железобетона и гипса: поющая девушка, лира, обрамленная лавровой ветвью, открытая книга, символизирующая триумф знаний, танцующая тройка. Возле Дома культуры был разбит парк, а в центре установлен фонтан, для которого художник изготовил скульптурную группу, состоящую из девушки и двух юношей.

▲ Снежный городок. 1990-е гг.

Примечательно, что фигура девушки выполнена с натуры: ее прототипом стала заведующая местным детским садом А.Ф. Ковалева. К сожалению, скульптурная композиция не сохранилась до нашего времени.

Гордился Алексей Ефремович тем, что первым в Невьянске стал выполнять оформительские работы на городской площади к Новому году. Во многом благодаря ему появились столь привычные сегодня ежегодные снежные городки. Его ледяные фигуры: мчащиеся кони, забавные персонажи русских народных сказок и, конечно, Дед Мороз со Снегурочкой, вызывали восторг у детей и взрослых. Каждый год Алексей Ефремович придумывал что-то новое: то это были снежные изваяния, то фигуры из голубого прозрачного льда или же снег раскрашивался и изображения «оживали».

Отдельная тема в творчестве А.Е. Надтоки — это история Невьянска, ставшего для него по-настоящему родным, города, основанного промышленниками Демидовыми, знаменитого уникальной Наклонной башней и связанными с ней легендами.

Самая популярная легенда рассказывает, что под башней по воле Акинфия Демидова в начале XVIII века были устроены тай-

◀ Композиция «В демидовском подземелье». Папье-маше. 1970-е гг.

ные подземелья высотой в рост человека. Там, в тесноте и духоте, при тусклом свете горна мастера вычеканили из серебра фальшивую монету.

И вот в начале 1970-х годов в подвальном помещении музея истории Невьянского завода художником была установлена композиция из папье-маше. В полумраке подвала замерли пять фигур. Двое мастеров с молотом и клещами в руках склонились над наковальней. У горна замер ученик-подросток. Возле стены в неверном свете лучины виден сидящий на лавке еще один работник с опущенной головой и невидящим взглядом. Он давно уже сумасшедший... А у входа, заполнив дверной проем, застыла массивная фигура заводовладельца Акин-

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

фия Демидова в богатом камзоле и с тростью в руках. Не поленился хозяин — спустился в подземелье, посмотреть, много ли фальшивых рублевиков мастера начеканили. И для большей драматичности, на покосившемся деревянном столе художник изобразил кусок черствого хлеба и... крысу.

Восхищению горожан не было предела. Именно художественное воплощение легенды, ее визуализация дали толчок массовому интересу невянцев к страницам истории города. Алексей Ефремович сделал эту историю близкой, понятной и очень захватывающей.

Спустя несколько лет, после открытия Невьянской наклонной башни для экскурсионного посещения, композиция А. Е. Надтока переехала в одно из ее помещений. Материал, из которого были изготовлены фигуры, был хрупок и недолговечен. Алексею Ефремовичу не раз приходилось обновлять и реставрировать свою работу. После смерти мастера сотрудники музея были вынуждены разобрать пришедшую в негодность композицию.

В настоящее время на первом этаже Наклонной башни находится новая экспозиция «В подвалах Демидова», изготовленная екатеринбургскими специалистами из современных материалов. Но чего-то в ней не хватает. Наверно, частицы

души, вложенной мастером в свое творение...

Последней работой А. Е. Надтока стал памятник Петру I и Никите Демидову, изготовленный по инициативе и на средства Невьянского механического завода (бывшего демидовского). Памятник был установлен возле центральной заводской проходной в декабре 1994 года (раньше, чем памятник Никите Демидову в Туле). В последующие два с половиной года продолжалось оформление постамента и благоустройство прилегающей территории, поэтому официальное открытие памятника состоялось только в июле 1997 года — во время посещения Невьянска генеральным секретарем Всемирной Федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО Патриком Галло.

Фигуры Петра I и Никиты Демидова выкованы из медных листов. Внутри они полые, что облегчает их вес и давление на монумент. Сам постамент оформлен огромными валунами, что создает иллюзию горного склона. Изображены фигуры в динамике: Демидов одной рукой придерживает развевающийся на ветру кафтан, а второй указывает царю на таящиеся вокруг природные богатства.

Именно этот памятник Алексей Ефремович считал своей самой значительной работой. Скульптура основателей Невьянска была его

▼ П. Галло (в центре) и другие почетные гости на открытии памятника Петру I и Никите Демидову. 1997 г.

▲ Памятник «Цементник», пос. Цементный

давней мечтой, которую удалось воплотить в жизнь.

Через три месяца после официального открытия памятника Петру I и Никите Демидову, 25 октября 1997 года, А. Е. Надтока ушел из жизни.

За 30 лет своей педагогической деятельности мастер воспитал не одно поколение людей, научив их видеть прекрасное и любить свой город. Остались ученики, которые продолжают его дело. И, конечно, остались его работы — городские памятники, напоминающие местным жителям и туристам о трехвековой истории старинного Невьянска. **VG**

Марш на Пермь

100 лет назад наше Отечество переживало критический момент своей истории. Смерч политических страстей разделил общество на «красных» и «белых». 1918-й стал временем консолидации антибольшевистских сил. Одним из этапов этого процесса, как часть большого

военно-стратегического плана, стала Пермская операция белой Сибирской армии. Декабрьский успех под Пермью в 1918-м давал вполне реальную возможность сокрушить северный фланг Восточного фронта красных и соединиться с северной контрреволюцией.

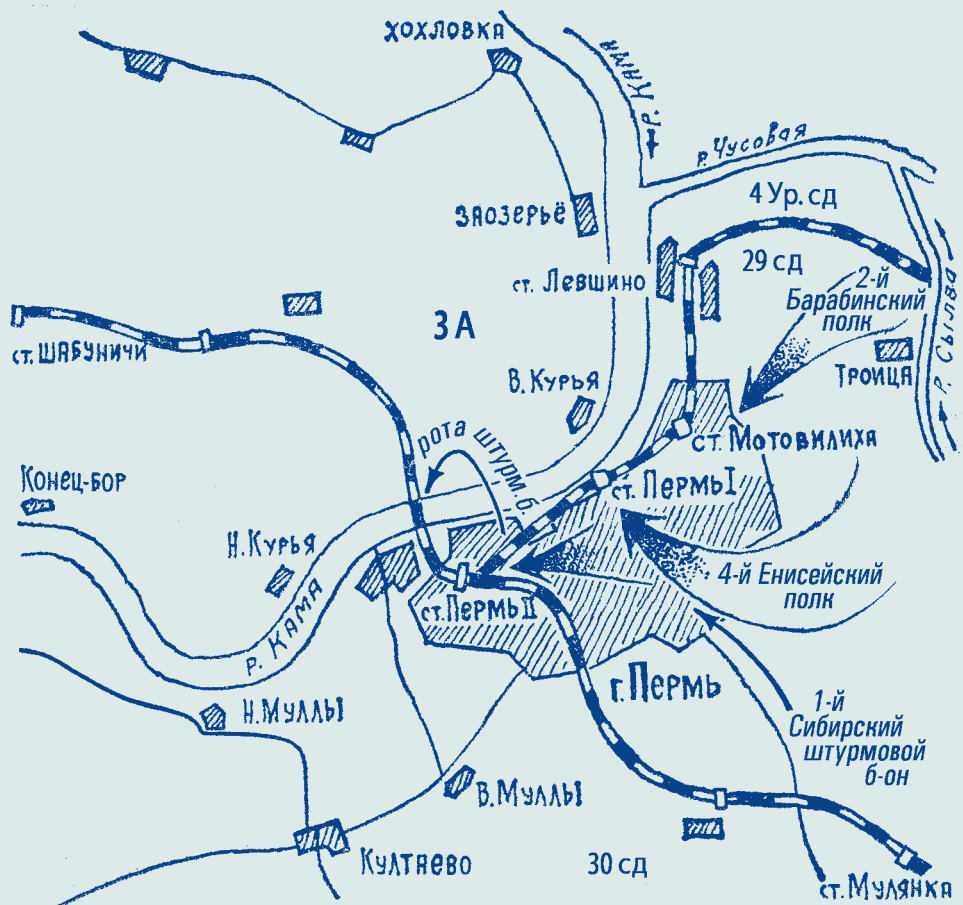
► Схема взятия Перми белой Сибирской армией 24-25 декабря 1918 года

Владимир Зайцев

Окончил Пермское художественно-графическое педучилище № 4. Работал в школе учителем черчения и рисования. Без отрыва от работы окончил исторический факультет Пермского университета. Участвовал в создании экспозиции музея истории курорта Усть-Качка. Работает хранителем и экскурсоводом этого музея. Автор статей на историческую тематику, публиковавшихся в периодических изданиях: «Военно-исторический журнал», «Уральский следопыт», «Курортные ведомости», районная газета «Нива». Живет в селе Усть-Качка.

Иллюстрации предоставлены автором.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Пермская наступательная операция, прозванная современниками «маршем на Пермь», была первым экзаменом для оперативно объединенных военных группировок Поволжья, Урала, Сибири. К ее началу части чехословацкого корпуса и войска новой «Российской армии», входящие в так называемый Западный фронт под общим командованием чешского ген. Я. Сыровы, дислоцировались следующим образом: Екатеринбургская группа (район Ека-

теринбурга), Камская и Поволжская группы (район Красноуфимска и Уфы), Оренбургская и Уральская казачьи армии (от Оренбурга до Каспийского моря).

Несмотря на успехи красного оружия на Средней Волге осенью 1918 года, Временное Всероссийское правительство-Директория не отказалось от наступательных действий. Командование фронта и национальные штабы «белочехов» приняли решение попытаться сдержать противника на уфимском

направлении, а все имеющиеся резервы сосредоточить для удара на северо-запад навстречу войскам Северной области. По словам ген. В. Г. Болдырева, «директориального» главнокомандующего белой Российской армии, этот выбор был обусловлен тем, что правительство Северной области признавало все-российские притязания Уфимской Директории и приглашало установить оперативную связь с его войсками. Прорыв на Архангельск мог дать дополнительные силы и средства для осуществления главной задачи — «освободить Москву». Считалось также, что принятие этого плана отсрочит уход с фронта чешских солдат: в их интересах было стремиться именно к ближайшему морскому порту, чтобы быстрее вернуться на родину. Идею похода на Вятку и Котлас поддержал и адмирал А. В. Колчак — «Верховный Правитель России». Он, ещё будучи в ранге военного министра правительства Директории, делал все, чтобы состоялось готовившееся под Пермью наступление, считая, что «стране нужна во что бы то ни стало победа». Соединение сил, действующих от Архангельска и на востоке со стороны Сибири, должно было осуществиться не позднее зимы 1918/19 г.

Ситуация для осуществления северного плана наступления складывалась в пользу Екатеринбургской группы войск ген. Р. Гайды:

► **Офицеры 1-го Сибирского штурмового батальона. В центре — генерал-лейтенант Пепеляев. Пермь, 28 февраля 1919 г. (Государственный архив Пермского края)**

ее войска полукольцом охватили левый фланг противостоящей 3-й Красной Армии М. М. Лашевича; коммуникации группы опирались на железнодорожную сеть горных заводов, что было удобно для маневрирования. В свою очередь тылу противника грозили оставшие рабочие Ижевского и Воткинского заводов, а также диверсии подпольных офицерских организаций, имевших своих агентов в ГубЧКа и окружном военкомсариате, штабе армии. Спеша использовать возникшую благоприятную обстановку, белое командование решило нанести удары вдоль линий железных дорог на сходящихся к Перми направлениях — кушвинском, лысьвенском и кунгурском, взять этот стратегически важный губернский центр и выйти на линию р. Камы. Интересно, что в то же самое время красное командование отдало приказ о переходе с 1 декабря в наступление на Кунгур — Екатеринбург. Узнав об этом, белые начали свою операцию двумя днями раньше.

Таким образом, Пермская операция завязалась под знаком встречного сражения. У белых имелось 41 080 штыков и 4 516 сабель, 69 орудий, 279 пулеметов, 2 броне-

поезда и 3 броневика; у красных — 29 654 штыка и 4 742 сабли, 118 орудий, 638 пулеметов, 4 бронепоезда и 8 броневиков. Наступление красных войск не было успешным, и в первых числах декабря они перешли к обороне. В свою очередь 1-й Средне-Сибирский корпус ген. А. Н. Пепеляева вклинился в оборону красных и уверенно двинулся по лысьвенской ветке к горнозаводской магистрали. Перехватив ее 12 декабря у узловой ст. Калино, он отсек от основных сил 29-й советской дивизии три полка и начал победоносный «марш на Пермь». Двигавшиеся параллельно 7-я Уральская дивизия горных стрелков 3-го Уральского корпуса ген. М. В. Ханжина и 2-я Чешская дивизия (справа, в направлении на Кунгур), Западно-Сибирский отряд ген. Г. А. Вержбицкого (слева, в направлении на Кушву) также достигли успехов.

Так, 30 ноября у ст. Выя белые наголову разбили 3-ю бригаду 29-й стрелковой дивизии противника (спаслись лишь комбриг, начальник штаба и комиссар), взяли в плен до тысячи красноармейцев, захватили 2 бронепоезда, 3 орудия, 12 пулеметов, большое количество боеприпасов. 13 декабря в ночном

бою под Верхними и Нижними Исадами был полностью истреблен 1-й Морской кронштадтский полк 30-й стрелковой дивизии — одна из наиболее боеспособных красных частей. Не выдержав натиска, 3-я Красная Армия стала отступать. Вскоре в ее рядах появились признаки разложения: дезертирство, неповиновение, многочисленные переходы на сторону белых.

К вечеру 22 декабря сибирские стрелки ген. Пепеляева оказались на расстоянии 30 км от Перми. Тут же, пользуясь разрывом в обороне красных войск в районе с. Троицы, несмотря на двадцатипятиградусный мороз, 4-й Енисейский полк совершил фланговый бросок к городу. Ранним утром 24-го стрелки-енисейцы уже повели бой на улицах Перми. Тогда же роты 2-го Барабинского полка по-

дошли к Мотовилихе от ст. Сылва. Одновременно с этим выступило белое подполье. Попытка советского гарнизона организовать оборону была неудачной, как и провести подрыв Камского железнодорожного моста. Стойкое сопротивление красные части смогли оказать лишь за Камой, поспешно отступив вдоль железной дороги на Верещагино и по тракту на Оханск.

Вот как писала газета «Сибирские стрелки» (1919. № 47, Вести из Оханска): «... всё время по тракту мчались тройки с разными комиссарами и другими властью имущими лицами, тянулись обозы с красноармейцами, ехали, видимо собравшиеся наспех, часто укутанные одеялами, как будто прямо с постели вскочившие, большевики и большевички. Бегство было неудержимое, прямо как буд-

то паническое и, казалось, ничто не удержит эти убегающие толпы».

Неожиданный прорыв к Перми создал угрозу окружения правого фланга 3-й Красной Армии — 30-й дивизии, сражавшейся под Кунгуром (он был взят белыми горными стрелками 21.12.1918 г.). Чтобы хоть как-то выровнять фронт, красное командование решило отвести дивизию в полосу Пермь-Екатеринбургской железной дороги на участок Кунгур — Пермь и использовать ее для контрудара на Пермь. Но 27 декабря белые, сосредоточив основные силы у ст. Мулянка, с помощью бронепоезда оттеснили противника далее на запад.

Анализируя ход боевых действий, генерал Сыров еще 15 ноября пришел к заключению, что 3-я армия красных разбита, и предписал начать сосредоточение сил против их 2-й и 5-й армий, а Пермскую операцию закончить «взятием Перми и очищением железной дороги

◀ Генерал-лейтенант Гайда на военном параде 13.03.1919 г. в Екатеринбурге. (Фото из коллекции военно-исторического клуба «Горный щит»)

► Мемориальная доска на железнодорожном вокзале Пермь-II. 1970-е гг.

Чусовая – Соликамск». Для действий на севере Пермской губернии выделялась часть 5-й Сибирской дивизии. Однако из-за малочисленности данной группировки при больших пространствах, плохого технического снабжения и связи окончание операции было перенесено на начало 1919 года. Соликамск был взят 6 января.

3-й Красной Армии удалось избежать полного разгрома. Всю первую половину 1919 года белые полки упрямо продолжали поход на север, к Вятке и Котласу. Это было время наибольших успехов (21 марта – соединение на Печоре в Усть-Кожве с отрядом войск Северной области; 3 июня были заняты г. Глазов и ст. Яр Пермь-Котласской железной дороги), а также начала жестоких поражений, после которых фронт неудержимо покатился назад.

Но все это было позже, а пока белая Россия ликовала. По оценке Комиссии ЦК большевистской партии, «форменное, беспорядочное бегство наголову разбитой и совершенно деморализованной армии» привело к огромным по тем масштабам потерям: око-

ло 20 тыс. красноармейцев (убитыми, взятыми в плен, пропавшими без вести; из них только за период с 22 по 29 декабря – 8 тыс.); утрачено 37 орудий, 250 пулеметов, более 20 тыс. винтовок, более 10 млн. патронов, более 10 тыс. снарядов, 297 паровозов, более 3 тыс. вагонов, большое количество топлива, промышленного сырья и материалов, мануфактуры, обмундирования, медикаментов, продовольствия. В руках белых оказался не только значительный транспортный узел, но и важный военно-промышленный центр. Находившийся в Перми Мотови-

лихинский пушечный завод, кроме поставок продукции основного профиля, выполнял ремонт паровозов и оборудовал бронепоезда. Для бедной техникой Российской армии это было ценное приобретение. Богатые военные трофеи, свежие пополнения из мобилизованных и добровольно сдавшихся красноармейцев 10-го кавалерийского, 1-го Советского, 1-го Пермского, 4-го Камского пехотных полков, целого ряда маршевых рот позволили развернуть двухбатальонные сибирские полки в трехбатальонные, сформировать новую Пермскую дивизию (впослед-

ствии — 16-я Сибирская) для действий в котласском направлении. Сибирскую отдельную армию, созданную на базе Екатеринбургской группы, также пополнили егерский полк, два штурмовых батальона, артиллерийский дивизион и батальон морских стрелков, сформированные в Перми. При активном содействии зажиточного крестьянства были созданы так называемые Пермские «партизанские» батальоны, роты которых действовали совместно с регулярными белыми полками. К июню 1919-го численность Сибирской армии возросла до 350 тыс. человек, из них в строю 59,4 тыс. солдат и офицеров — таковы были штаты штабов, тыловых и обозных «синекур».

Крупная победа под Пермью в декабре 1918 года вызвала восторженные отклики. «Верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами России» адмирал А. В. Колчак принял поздравительную телеграмму от президента Франции Ж. Клемансо. В свою очередь Сибирская армия была щедро осыпана наградами: Гайда и Пепеляев получили звания генерал-лейтенанта и по «Георгию» 3-й степени, многие офицеры были произведены в следующие чины. Что же касается опыта Пермской операции, проведенной «с малыми потерями и блестящими результатами», то, как это ни странно, белый генералитет тотчас же забыл, что надо бить врага в чувствительном для него месте. В новых планируемых операциях на первом месте был уже не строгий расчёт и тщательность подготовки, а надежда на лёгкий успех, на победу «с скака».

Пермь белые удерживали до конца июня 1919 года, грозили отсюда Вятке и всему красному Восточному фронту. Но нерешительные действия войск Антанты и слабость белых отрядов со стороны Архангельска не дали осуществить фактическое соединение северного и сибирского фронтов Белого движения. На рассвете 1 июля красные войска вышли на берег Камы напротив Перми и успешно форсировали водную преграду. С освобождением Перми и Мотовилихи наступил полный перелом в ходе Гражданской войны на Урале. ☐

► Публикация о параде войск Колчака в Перми. Газета «Свободная Пермь». 12 января 1919 г.

Рождественский парад.

В 12 час дня 25 декабря старого стиля на Свободной площади состоялся парад.

Парад состоял из войсковых частей Енисейского, Ново-Николаевского, Варнаульского, Барабинского полков, казачьих войск, артиллерии, Ударного батальона, роты 1-го Пермского Офицерского полка и Советского Гренадерского батальона, перешедшего на сторону правительственных войск.

Парадом командовал начальник 1-ой Средне-Сибирской Стрелковой дивизии генерал-майор Зиневич.

Парад припал командир 1-го Средне-Сибирского корпуса генерал-майор Пепеляев. После объезда встретившихся войск, генерал Пепеляев обратился к войскам краткими словами, в котором он благодарил войска за боевые успехи и выражал искреннюю уверенность в окончательной победе над врагом и освобождении России.

После чего состоялся краткий молебен с провозглашением многолетия державы Российской и Российскому Христорождивному воинству. Генералу и войскам были поднесены хиты-козы за освобождение города депутациями от думы, женского общества и других лиц.

После чего состоялась раздача орденов и георгиевских крестов отличившимся офицерам и солдатам.

В заключение все войска со своими пулеметными командами под звуки оркестров прошли церемониальным маршем пред генералом Пепеляевым.

Все поражали молодость войск, их боевая и молодецкая выправка и большое число офицеров, выходящих с строем.

Дав Бог славным войскам скорую победу над врагом!

Арктическая экспедиция 2018

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

Использованы фотографии М. Попова и Р. Белалова.

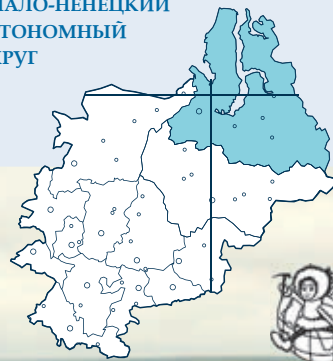
Вступление

Каждый год, не нарушая традицию, кто-то перед Новым годом ходит в баню, посещает любимую тещу, устраивает грандиозный корпоратив с выездом на природу. Так и Центр камня при УГТУ каждый год неизменно организует экспедиции на Полярный Урал. Экспедиции бывают разные — научные, научно-туристические, познавательные, экстремальные. В этом году была задумана поисковая экспедиция, и не просто на Полярный Урал, а на побережье Карского моря. Ее смело мы назвали Арктическая экспедиция. Команда, возглавляемая бесменным руководителем Центра камня Горного университета и вдохновителем всех предыдущих проектов **Нурмухаметовым Фиратом**, состояла из проверенных в делах и походах людей. И только один участник экспедиции, который до этого дальше Свердловской области не выбирался, попал в наши крепкие мужские

▲ Подготовка груза

▼ Красоты Талаты

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ
ОКРУГ

объятия — студент-практикант Дима. Для него все было впервые (полевые работы в трудных условиях, непростой быт). А для нас (50–60-летних мужиков) было интересно проверить: не перевелись ли ещё романтики, которым интересен запах тайги. Забегая вперед, дорогой читатель, скажу, что Дима выдержал экзамен на отлично, идет после нас смена, которая подхватит знамя полевой геологии. За это даже был поднят тост на торжественном ужине.

Подготовка к экспедиции была срочной. Были куплены: плавающий квадроцикл, лодка для передвижения по морю с глиссерным двигателем, рации, спецразведочное оборудование.

Запланирована многоходовка по заброске экспедиции на побережье Карского моря, но что-то пошло не так. Дорога оказалась долгой и тяжелой...

Долгая, тяжелая дорога на Талатаяха

До 2018 года такого названия, как Талатаяха, я даже и не слышал. Талатаяха — достаточная большая и красивая река.

У ненцев она считается священной. Река впадает в Карское море в районе о. Левдиев и имеет длину около двухсот километров. Характер и скорость течения реки — быстрый, ближе к горному (в паводок). По ней очень мало организуют сплавов ввиду сильной отдаленности и сложной заброски.

До г. Воркута участники экспедиции добирались двумя группами. Первая, выехав из Екатеринбурга с грузом 18 июля на транспортной «ГАЗели», благополучно добралась до г. Ухта. Там произошло объединение со второй группой, которая 20 июля выехала из Екатеринбурга на легковой машине. Первые испытания пришли при посадке на поезд Ухта — Воркута. Дело в том, что в настоящее время отменили багажные вагоны в пассажирских поездах и груз можно отправлять только в боль-

ших контейнерах (в небольших городах, как Ухта, это в 5–20-тонных контейнерах) или через специальные компании. Общий вес груза у нас составлял 700 кг (при габаритах до 2х1,5х1 м) на 6 человек. В поезде было только грузовое купе (где мы выкупили все места). Пришлось купить два отдельных места в купе под груз (с учетом, что нас раскидали по 4 купе, и хорошо, что в одном вагоне). Грузовое купе оказалось на 1/3 занято, и габариты нашего груза вызвали у начальника поезда некоторые вопросы. В данной ситуации выручила смекалка Фирата Захаровича и любимый журнал «Уральский следопыт». Наш руководитель вез с собой несколько выпусков журнала. В них рассказывалось о предыдущих экспедициях и об известных уральских самоцветах. А в кармане куртки традиционно (без этого Фират Захарович никогда не ходит) были образцы родонита, яшмы, амазонита. Ну какая женщина устоит перед самоцветами и возможностью получить авторский вариант журнала! Так благополучно с грузом мы добрались до Воркуты.

Город нас встретил нехарактерной для Заполярья жарой 23–27 градусов тепла. Два дня ушло на приобретение продуктов и необходимых расходных материалов. Фират принял решение, что 26 июля будет заброска на р. Талата-Яха. С утра этого дня информслужба МЧС сообщила о предстоящем большом лунном затмении «Кровавая луна» и предупредила о возможных погодных и технических катаклизмах. Груз мы разместили в Треколе (это специальная машина на больших колесах, которая может передвигаться по болотам) и в грузовом УАЗе. Было спланировано, что на 150 км трассы г. Воркута-КСЗ Яры нас будут ждать два квадроцикла, на которых участники экспедиции Альберт и Андрей должны были прорываться через горы со стороны г. Лабьгнанги (ЯНАО).

Заброска на Талатаяху вступила в завершающую стадию, но, как писал Л.Н. Толстой в стихотворении про Крымскую войну: «Чисто писано в бумаге, да забыли про овраги, как по ним ходить». Основная группа экспедиции вынуждена была остановиться на полпути к реке по причине поломки Трекола. УАЗ сбросил груз (500 кг) на дороге, а автор, Михаил Попов, остался охранять его и контролировать заброску на вторую точку — побережье Карского моря. Группа на квадроциклах застряла в горах, сказались дожди и поломка машины. Через 12 часов пришел Трекол с Васильевым Володей для переброски груза на побережье. Загрузив основное груз (лодка, двигатель и спецоборудование, бензин) в Трекол, автору статьи пришлось сделать выбор: добираться на машине на побережье Карского моря и ставить лагерь с Володей или в одиночку пешком идти до основного отряда на р. Талатаяха (это около 30 км). Думал 10 минут и...

▲ Взаимовыручка

▼ Гости из тундры пришли за бензином

▲ Готовы к выброске на Карское море

▲ Спасение экспедиции

Вышел я в тундру в 9 вечера 27 июля (за два часа до затмения). Стояла ясная солнечная погода, +23 градуса. Но МЧС нас же предупредило, а оно не ошибается... В 22 часа на горизонте, со стороны Ледовитого океана, появилась огромная фиолетово-черная туча, за которой шел циклон. Я быстро переоделся и запаковал вещи, понимая, что вымокну насквозь. Гроза в тундре завораживает и немного напрягает. Сильный ветер, молнии (а все деревья вокруг не выше колена). Чувствуешь себя беззащитной букашкой, которую вот-вот готовы прихлопнуть. После первой волны циклона пошел сильный проливной дождь, который лил всю ночь. В июле в Арктике ещё достаточно светло, поэтому идти можно всю ночь. По расчетам планировал добраться до лагеря за 6-7 часов, но там «наверху», за меня решили иначе. В полночь подул сильный холодный ветер с моря, температура упала до +7+9 градусов. Остановиться развести костер и поесть не было возможности и сил. Водители с Трекола сообщили, что по пути (в 18 км от дороги) будет небольшая

▲ Река Талата

база рыбаков. До неё я дополз буквально «на зубах» (с собой было два рюкзака с вещами и приборами). На базе находился сторож Алексей, он приютил меня по всем правилам северного гостеприимства.

В то время, когда я брел по тундре, основная часть отряда сначала боролась с гнусом, их выгрузили на болотистый берег Талаты. А с 22 часов началась борьба с ураганным ветром и ливнем. На побережье Карского моря, куда выгрузили Васильева Володю с основным грузом, ситуация была похожая. Единственное исключение —

он выживал один без газовой плиты, но с дровами. Мы появились у него только через 8 дней, обнаружив прокопченного, заросшего, но неунывающего Володю.

Мои товарищи меня не бросили. Рано утром, когда я ещё досматривал последний сон, в балок на базе уверенно постучали. «Это ненцы, рыбу принесли», — сказал спросонья Алексей. Оказалось, что это пришел еще один участник экспедиции Рамиль. Ребята сообразили, что я непременно пойду к ним, ведь посещение Талатаяха было моей идеей, а ее надо воплощать, что-

бы потом не жалеть... Ввиду того, что всю ночь бушевал ураган, они прикинули, что я могу где-то заночевать. Рамиль от лагеря прошел 15 км, неся с собой термос с чаем и еду, у меня же были только сухари. Наскоро одевшись, мы отправились в лагерь на Талату. Дорога оказалась не трудной, но запутанной. Без помощи Рамиля было бы тяжело найти палатки. Погода смягчилась, светило солнце, дул свежий ветерок, настроение было радостное: товарищи не бросили в беде, скоро начнется интересная работа. Встреча с основной группой была радостной. Особен-

но приятно было слышать, что студент Дима не дрогнул и стойко перенес стихию. Вечером отметили открытие полевого сезона.

Талатаяха — очень красивая и величественная река. Начиная свое течение со слияния двух ручьев, в среднем и нижнем течении она превращается в полноводную реку с крутыми обрывистыми берегами, переходящими в каньоны. Вода в реке зеленовато-голубая и очень вкусная, холодная. Очень много широких пляжей с крупной галькой и валунами. По словам рыбаков и ненцев, в ней много благород-

▲ Табор уходит в горы от непогоды

▼ Розжиг костра или игра на курае

▲ С любимым журналом не расстаемся

ной рыбы, но на спиннинг мы ничего не поймали.

На следующий день после моего прихода Талата показала свой характер. Подул сильный северо-западный ветер с моря, лагерь был в 6–7 км от берега, и резко похолодало. В бинокль удалось рассмотреть большое количество пакового льда на побережье. Но работу никто не отменял. Начались маршруты по террасам реки с опробованием всех ручьев, впадающих в реку. (*Речные террасы — горизонтальные или слегка наклонённые по течению площадки в долинах рек*). Приходилось проходить до 10 км по достаточно сильной пересеченной местности и мыть шлихи. (*Шлих — концентрат тяжёлых минералов, которые остаются после промывки в воде природных рыхлых отложений или специально раздробленных для шлихования горных пород*). На Талатаяхе совершенно нет дров (деревья до 20–25 см в высоту и топяк отсутствует). С газом для приготовления пищи тоже была напряженка, т. к. большие баллоны были отправлены на Карское море. Фират вспомнил старый способ, которым он в молодости пользовался в заполярной Якутии. Выдиралась с торфом полярная березка, благо, по побережью её целые «рощи». Затем все это подсушивается и растапливается. В качестве постоянного поддува очень подошла металлическая труба, похожая на башкирскую дудку — курай.

Через 5 дней руководство экспедиции задумалось насчет переборки группы на побережье для выполнения основных работ. Место заброски никому в Воркуте не было известно, а те, кто нас забрасывал, оказались «не солидными ребятами, для которых деньги прежде всего». Во время ночевки на базе рыбаков я, на всякий случай, записал

▼ Идут стада олени

номер телефона хозяев базы. И случай этот настал... *Не перевелись ещё настоящие мужики на Северах, для которых выручить человека в тундре свято*. Их имена Сергей и Сергей. По спутниковому телефону вышли на них. И чудо — Сергей (который поселился в это время привез гостей на базу и согласился помочь. С первого и второго раза он не смог нас найти. Наш лагерь стоял в стороне от основных туристических троп и был не виден уже с 2–2,5 км. Договорились, что с утра я и Рамиль выйдем от лагеря с реки на «большую дорогу, которую все знают» и пересечемся с машиной.

Для чего нужен в тундре простой пластиковый тазик? Да для многого — помыть посуду и овощи, хранить крупы от леммингов, собирать грибы и т. д. А как насчет использования

его в качестве сигнального средства? А теперь представьте себе картину. Бежит по тундре бородачатый мужик-геолог. Машет над головой оранжевым тазом — здорово, что он оказался такого цвета, чтобы его заметили издали. Когда мы с Рамилем прошли 10 км через небольшой увал, начали искать взглядом машину Сергея. К великому разочарованию, мы увидели вдалеке, как она ушла в сторону от нашего маршрута. Выручила нас принципиальность Фирата Захаровича... Когда мы ушли искать машину, в лагерь пришел молодой ненец (их юрты стояли в 10 км от лагеря). Его напоили чаем, накормили, но не налили 100 грамм, а именно ради этого он и пришел. Фират сам не пьет и никому не наливают. Ненец обиделся и со словами: «Зря, начальник, не налил. В тундре все может

▲ Промывка

▲ Ледник

случиться», покинул лагерь. Эта фраза всех напрягла, т. к. эти «местные аборигены» всегда имеют оружие. А росгвардии в тундре в радиусе 50–70 км не наблюдается. До этого случая в лагерь к нам заглядывал другой ненец, не поленился, перешел вброд Талатаяху и прошел два километра. После традиционного чая с сушками он понял, что ему не нальют, скромно попросил: «Мужики, дайте хотя бы гвоздей».

Нам очень повезло!!! Сергею, нашему спасителю, попался обиженный Фиратом ненец и рассказал, что мы вышли искать машину, и объяснил наш путь. И когда мы снова увидели на горизонте машину, то здесь очень пригодился оранжевый тазик! Через час началась операция по переброске группы на Карское море, которая продлилась два дня. За это «счастливое время» была шикарная баня; постирка белья; ночевки в настоящих кроватях в вагончике; шикарный ужин из свежей оленитины, рыбалка на озере. К нам присоединились Альберт и Андрей, которые просидели в горах из-за поломки квадроцикла. Первый этап нашей экспедиции закончился удачно. Благодаря *Настоящим Мужикам* Сергею и Сергею основная группа переехала с реки Талатаяха на побережье Карского моря в районе Байдарачьей губы для выполнения основного задания экспедиции. Нас встретил похожий на монаха-отшельника или лешего (весь в копоты, зимняя шапка, безумные глаза) Володя. После 100 граммов за встречу он говорил весь вечер: понять можно, мужик просидел один 8 дней с видом на реку.

Начался новый этап экспедиции, но это уже другая... **УС**

▶ Край Земли

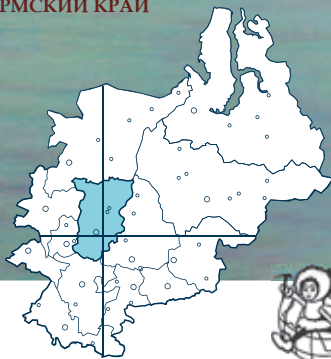

▼ С.М. Прокудин-Горский. Село Куликово на реке Чусовой

Проект **Виталия Воловича**
Координатор проекта
Юний Горбунов

История России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Река Чусовая (Фотоэкспедиция)

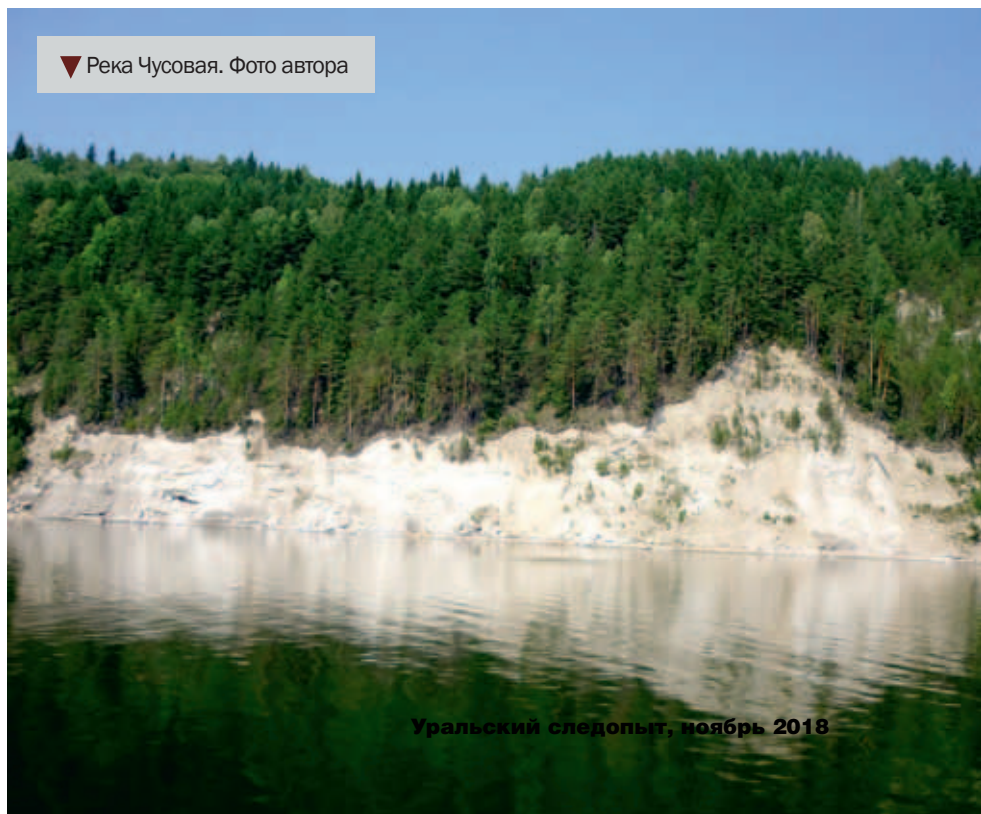
Вдоль белых скал

Юлия Кашаева

Родилась в Перми. Окончила Пермский государственный университет по специальности «История». Дипломная работа была посвящена истории Верхних и Нижних Чусовских городков до 1917 года. Работала преподавателем в Пермском государственном техническом университете (ныне — ПНИПУ) и хранителем коллекции «Карты и планы» Пермского краеведческого музея. В 2007 году защитила кандидатскую диссертацию. Сейчас — заместитель директора Государственного архива Пермского края по науке.

▼ Река Чусовая. Фото автора

Почти все деревни, расположенные ниже Верхнечусовских Городков, превратились в дачные поселки, постоянных жителей осталось мало. Добраться до этих населенных пунктов можно почти исключительно по воде. В навигацию этого года четыре раза в неделю ходил небольшой теплоход «Салют».

И в весенне-осеннее время он не всегда причаливает к Чусовским берегам.

Эти места красивы белыми скалами вдоль реки.

Время появления первых поселенцев в этих местах неизвестно. Но на карте 30-х годов XVIII века мы уже находим Пеньки и Куликово, а на карте

▲ Фрагмент карты Пермской округи Пермского наместничества 1783 года. Из фондов Государственного архива Пермского края

1783 года появляются деревни Черемшанка и Конецгорская.

Деревня Пеньки

▼ Фрагмент карты Пермского уезда. 1800 г. Из фондов Государственного архива Пермского края

Пеньки — некогда три деревни Верхние, Средние и Нижние — одна из самых старых деревень этой части Чусовой. В середине XIX века в Нижних Пеньках было 22 двора, где проживал 151 человек. Верхние Пеньки (Панехова) и Средние Пеньки (Семичата) насчитывали по 12 дворов. В деревне Пеньковской (Соседковой) располагалась православная часовня, а дворов было всего 8. Крестьяне относились к «Бутеровскому обществу», то есть до отмены крепостного права были помещичьими и проживали на землях княгини Варвары Петровны Бутеро-Родали. В начале XX века число жителей в Пеньках не сильно увеличилось — 70 дворов и 299 человек.

В Государственном архиве Пермского края хранится замечательный материал об участии местных крестьян в политических событиях первой русской революции — «Дело жителей села Куликова, деревень Колобят и Пеньков Чусовской волости о своем отказе в составлении политического воззвания к созыву Учредительного собрания».

В декабре 1905 года, в разгар революционных событий в России, жители трех деревень приговором сельского схода подписали призыв к созыву Учредительного собрания и заявили о вступлении во Всероссийский крестьянский союз. А уже 12 февраля 1906 года на общем собрании под руководством Куликовского сельского старосты Дмитрия Николаевича Долматова постановили отказаться от приговора, ссылаясь на то, что документ, предъявленный им врачом Чусовского участка Буториным и учителем Верхнечусовского

двухклассного училища Грин, подписали «по малограмотности своей» и по их «увещеваниям».

В 1928 году Пеньки — это 90 хозяйств с 391 жителем. В июне 1931 года крестьянин деревни Нижние Пеньки Шардин, работавший бакенщиком на Чусовой, у одного из островов обнаружил поверхностные выходы нефти. Там была заложена нефтяная вышка, напротив которой через реку были переброшены телефонные провода. Казалось, что это место станет центром нового нефтеносного района. Но этому не суждено было сбыться.

За деревней Пеньки, до затопления Камским водохранилищем, река разбивалась рядом островов на несколько рукавов и круто поворачивала вправо. Как вспоминает Галина Филипповна Суворова (в девичестве — Субботина), родившаяся в Пеньках в 1936 году, колхозные коровы часто уходили на острова и приходилось идти за ними по узкому броду.

В деревне располагалась часовня, которая, судя по архивным документам, была закрыта в 1930 году, но Галину и ее сестер крестили в Пеньках. Она окончила Пеньковскую четырехклассную школу, а потом год училась в Верхнечусовских Городках, а шестой класс заканчивала уже в деревне Куликовой — тогда там открыли семилетку. После закрытия часовни в здании находился склад.

В Пеньках был колхоз, конный двор, птичник, ферма. Председателем колхоза был Павел Шардин. Как вспоминала Мария Фоминична Субботина, мать Галины, в войну она пасла колхозных телят, жизнь на тру-

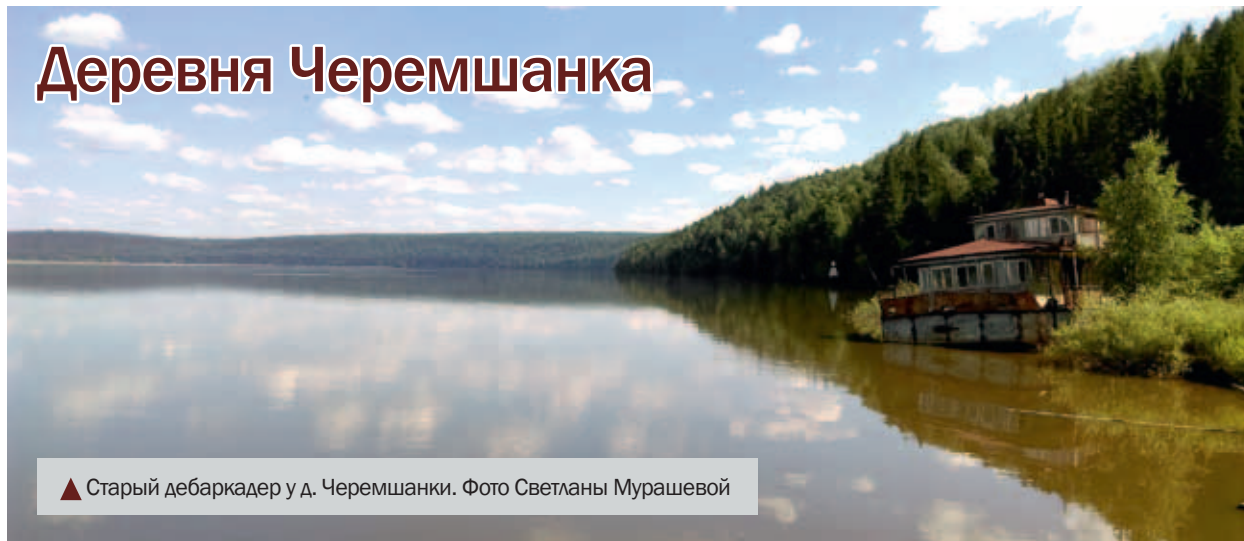

додни с тремя дочерьми была скудной. 1969 году в Пеньках проживало 65 человек, население с каждым годом сокращалось, и деревня Верхние Пеньки была снята с административного учета — «в результате выезда или переселения жителей». К началу 1980-х годов в деревне остались лишь восемь хозяйств, из производства — ферма по откорму молодняка крупного рогатого скота. Все дома в Пеньках были электрифицированы, ходил и рейсовый автобус до города Чусового. А в 1981 году деревне вынесен вердикт — «неперспективная».

► Мария Фоминична Субботина с дочерьми Клавдией и Галиной и внуком Славой. Деревня Пеньки. 1954 г. Из семейного архива Ирины Кашаевой

Деревня Черемшанка

▲ Старый дебаркадер у д. Черемшанки. Фото Светланы Мурашевой

Ниже, на левом берегу Чусовой, расположилась деревня Черемшанка. До последнего времени на берегу можно было видеть старый дебаркадер. Деревня, известная уже в конце XVIII века, имела и второе название — Веприкова, как можно предположить, по фамилии первых поселенцев.

В 1930 году была закрыта Черемшанская часовня.

На реке до затопления водами Камской ГЭС напротив деревни был песчаный остров, каких много было в этой части Чусовой.

На протяжении столетий численность жителей Черемшанки рос-

ла медленно: в 1869 году — 54 жителя в 8 дворах, в 1908-м — 120 жителей в 16-ти, в 1928-м — 88 жителей в 18-ти. А в 1969 году осталось лишь 3 человека из тех, кто проживал здесь постоянно. Сейчас это дачный поселок из 50 домов. В окрестностях можно встретить и зайцев, и лису, и кабана.

Деревня Заозерье

Исторически отличительной чертой деревни Заозерье (или Лобано-Заозерье) было ее расположение у озера, что отмечают и старожилы. Озеро хорошо видно и на карте 1909 года, когда в деревне насчитывалось 68 дворов.

▼ В деревне Заозерье. Из личного архива Анастасии Буриной

▲ Фрагмент карты Пермской губернии 1909 г. Из фондов Государственного архива Пермского края

Озеро затопили воды Камского водохранилища, а деревня, стоявшая на крутом берегу, сохранила свое местоположение.

Население в XX веке убывало, по сравнению с 1928 годом, когда здесь проживало 412 жителей, к 1969-му осталось лишь 160 человек.

В деревне работала ферма по откорму крупного рогатого скота. В 1981 году в деревне было 23 хозяй-

ства, 73 жителя, фельдшерский пункт, начальная школа с четырьмя учениками, магазин. Дома, в отличие от деревни Конец Гор, освещал электрический свет. Но Заозерье признали-таки «неперспективной».

У деревни было и есть существенное преимущество — возможность добраться по проселочной дороге до железнодорожной станции «Валезная», хотя и идти пешком приходилось три с половиной часа.

Село Куликово

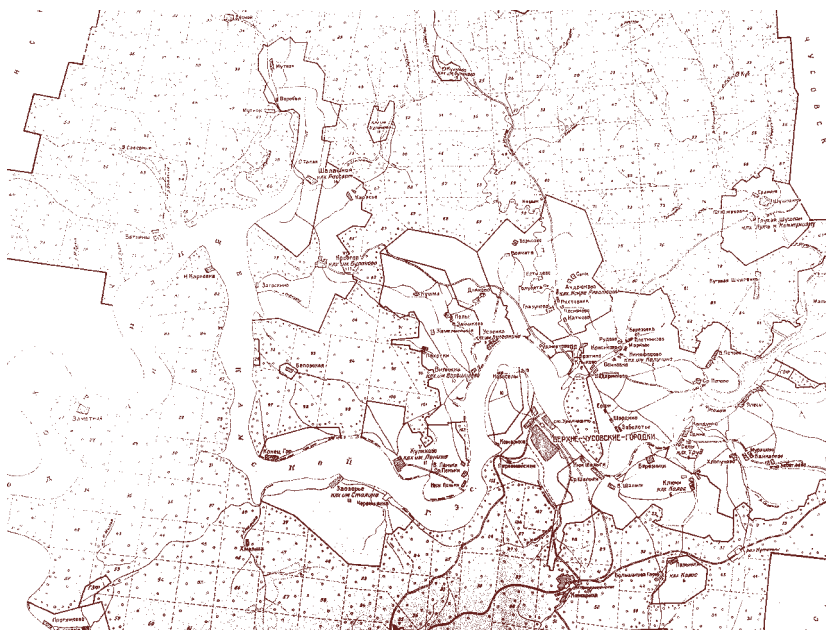
Самым крупным селом было Куликово, или Куликовское, расположенное на угоре правого берега реки Чусовой в устье реки Куликовки, уже известное в XVIII веке. Близ него начинался и тянулся вдоль берега на целых 5 километров обрыв, известный под названием Белой или Куликовой горы. Гора сложена из алебастра, который использовался местными жителями для домовой штукатурки.

В нескольких десятках метров от села в Куликовой горе находится пещера, заканчивающаяся озерком и маленьким гротом, покрытым инеем и кристаллами льда. Эта пещера была описана еще в 1804 году Никитой Поповым в «Хозяйственном описании Пермской губернии». Известный краевед Виктор Весновский в 1930 году сделал заключение: «Куликовские пещеры представляют крупный интерес, с одной стороны, как результат мощной деятельности подземной воды, а с другой — как места, где происходят любопытные физические явления». И начиная от села Куликово обнажения гипса тянутся почти до устья реки Сылвы.

Сохранились народные предания об этих местах. Якобы гулял здесь атаман Золотой. Его банда не грабила простых людей, а только зажиточных купцов. Некоторые жители Куликово обращались к нему, ища справедливости. Помогал атаман и легендарной Марье-

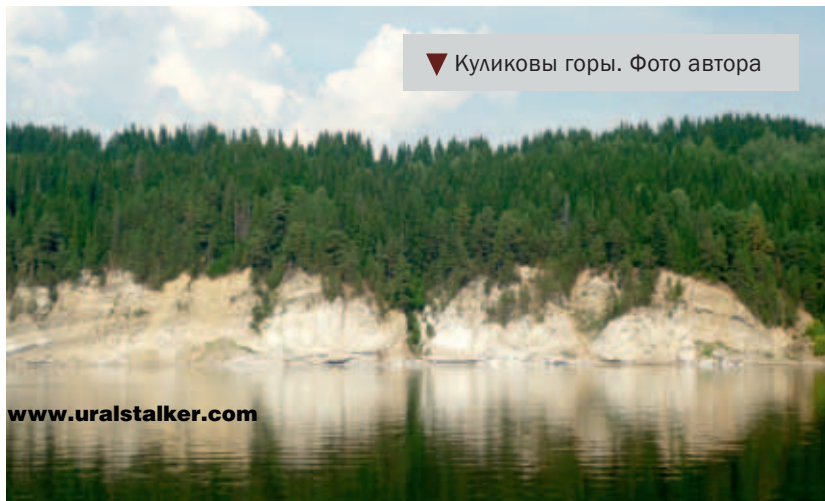
▲ Куликово, 2001 г. Фото автора

► Колхозы на реке Чусовой на карте Верхнегородковского района. 1957 г. Из фондов Государственного архива Пермского края

▼ Куликовы горы. Фото автора

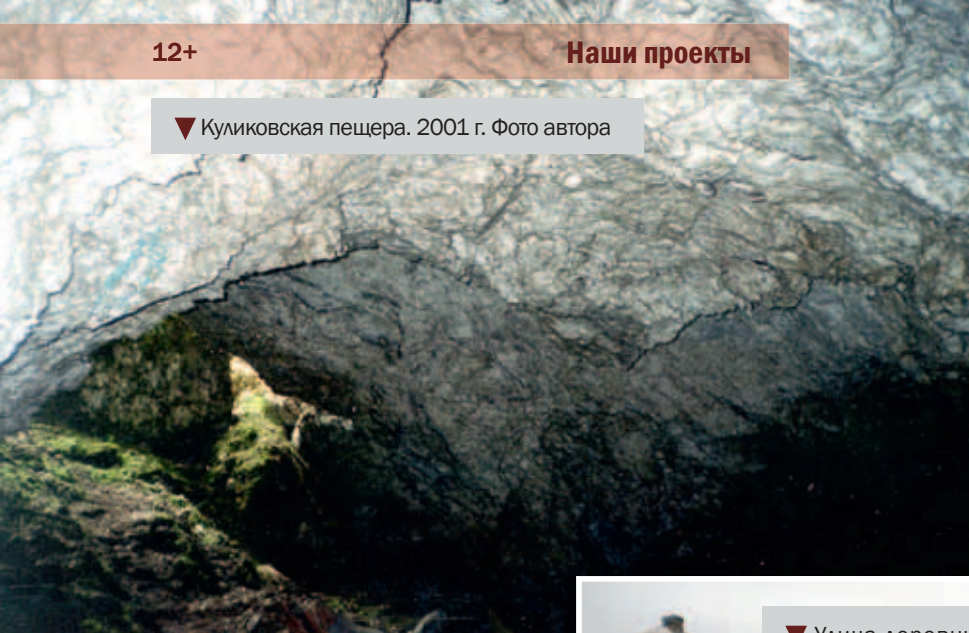

разбойнице, чья ватага так же выборочно орудовала на строгановской земле между Средним и Нижним Попово.

Село Куликово в XIX веке было центром сельского общества: в 1869 году — 40 дворов и 278 жителей, в 1908-м — 65 дворов и 343 жителя. Деревянная Покровская церковь в Куликово была заложена в 1901 году, а в 1904-м состоялась ее освящение. Но как писала главная газета края «Пермские губернские ведомости», к 1906 году «не закончена отделка, в том числе иконостаса,

▼ Куликовская пещера. 2001 г. Фото автора

нет колоколов». Причиной этого стала русско-японская война, во время которой средства населения шли в фонд Красного Креста. В 1906 году прихожане собрали 200 рублей, а 400 пожертвовал крестьянин деревни Шушпанки. На эти деньги прихожане решили приобрести 50-пудовый колокол. Как вспоминают старожилы, церковь была красивая.

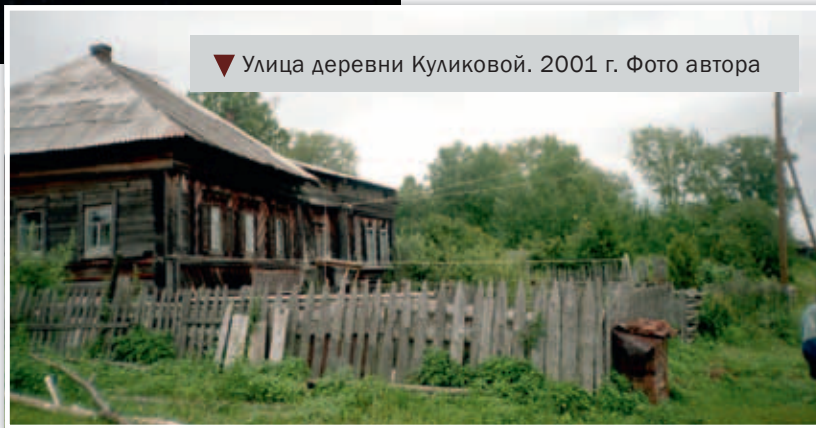
В 1897 году в Куликово состоялся «просветительский праздник» — открыта земская школа. «Пермские губернские ведомости» с оптимизмом характеризовали ее работу: «Просторное здание, появившееся на взгорье села и ставшее его украшением, радовало взор крестьянина. С каким чуть не благоговением относились к своему храму науки эти дети природы, среди которых были 14–15-летние парни, и какая образцовая, но вполне естественная и непринужденная дисциплина царила на уроках».

В 1917 году в школе обучалось 58 детей, сохранилось и имя учительницы — Е. Ландышева. В 1913 году в селе располагалась и народная библиотека. В советское время в Куликово была центральная усадьба колхоза имени В.И. Ленина и центр сельсовета, объединявший 9 населенных пунктов. Работал фельдшерский пункт. В 1930 году церковь

в селе была закрыта, а в ее здании открыт клуб.

Архивные документы свидетельствуют и о неприглядных сторонах жизни: «Председатель Куликовского сельпо товарищ Махнутин торгует безобразно плохо, в Куликово часто перебои в товарах первой необходимости, получается это потому, что Махнутин, пожалуй, только числится в Куликово, но на самом деле живет в Верхних городках, бросил свою семью, оторвал детей от школы, и, конечно, при таком положении ему некогда заниматься торговыми делами», «не магазины, а недоразумения, ма-

▼ Улица деревни Куликовой. 2001 г. Фото автора

ленькие, неудобные, грязные, без света помещения».

В XX веке численность жителей Куликово постепенно сокращалась: в 1928 году — 409 жителей, в 1958-м — 285, в 1969-м — 164, в 1981-м — 72. Деревня стала «неперспективной». В 1980-е годы возник большой пожар, выгорела половина деревни, многие и уехали, не стали отстраиваться здесь снова.

Деревня Конец Гор

Возвышенность от села Куликово тянулась до деревни Конец Гор (Конецгорской), или, как певуче говорят уроженцы этих мест, «Конецгор», с ударением на е и без паузы. Время появления деревни точно неизвестно, но в XVIII веке

она уже есть, а в середине XIX-го в ней 37 дворов со 163 жителями. Была уже здесь и православная часовня. А по данным 1908 года, дворов насчитывалось немногим больше — 40 со 250 жителями.

В начале 1930-х годов в деревне был организован колхоз «Пахарь». Вспоминает Анастасия Николаевна Бурина (в девичестве — Ларионова), уроженка деревни: «Председателем колхоза был местный житель Иван Павлович Шмырин. В войну работали день и ночь. По гектару травы выкашивали. Бабушке как-то премию дали — пальто. Эвакуированных у нас много было, помню из Ленинграда Мишку Тихончука с интересным говором. Как только блокаду сняли, все сразу домой засобирались.

У каждого колхоза был свой остров, там косили. Напротив Беловской и Загоскино заливные луга были, по 20 промежек (валков скошенного сена. — Авт.) ставили, а зимой сено ребят на лошадях возили. Осенью там все коров пасли, а доярок туда возили. В Беловской пещера была, а летом в ней лед сохранялся, и все колхозы

◀ Школьники деревни Конец Гор. 1946 г. Фото из личного архива Анастасии Буриной. Она — слева от учительниц — Валентины и Августы Николаевны, эвакуированных из Белоруссии

◀ Деревня Конец Гор. Семья Кашиных. 1950 г. Из личного архива Анастасии Буриной

туда молоко свозили — никто чужое «не цапнул». В колхозе я работала с 12 лет. Возила из Куликово в Конец Гор хлеб из пекарни на лошади, а летом — сводку, телефона ведь не было. Летом ездили по горе 8 км, а зимой через Заозерье по льду. Один раз лошадь резвая попала, выскочила из упряжи. Реву, ничего сделать не могу, а лошадь хлеб ест. Пошла я с лошадью обратно в Куликово, встретила там Василия Трошкова, он концевгорский был, пошел со мной. Все перетянул. Поехала. Заозерье проехала через реку и лесом по обьезду. Опять лошадь распряглась. В лесу, ночь, темно. Реву. Дошла до деревни, к Комырину Феде, он торговал хлебом. Мужики сходили, привезли. Слез было! Всю зиму хлеб возила.

Школа у нас была четырехклассная, а 7 классов — в Куликово. Я 4 класса кончила и в Верхнечусовские Городки пошла в 5-й класс. Но проучилась недолго, карточки нам отменили, а пешком из дома еду не натаскаешься. Так и бросила.

Вроде как в 1920-е годы церковь строить в Концевгоре собрались. На крутом берегу. Лес привезли, сложили, а случилось землетрясение, и на утро глубокий лог еще большие провалился.

Раскулачили у нас в деревне Павла Трошкова. У него было два двухэтажных дома. В семье — три сына и дочь Маши, мы с ней дружили. У него все отобрали, и они жили в бане. Он не выдержал и повесился. Потом жене его разрешили жить на первом этаже одного

▶ Дом Ларионовых в деревне Конец Гор. Из личного архива Анастасии Буриной

▼ Белоевское. 2009 г. Фото автора

из домов. А в другом доме было правление колхоза. Нас, Романовых, признали середняками».

Дядя Анастасии Николаевны — Александр — в детстве, будучи на поле с матерью и двумя братьями, маленькими еще, увидел на небе Пресвятую Богородицу. Они упали на колени и молились. И ее лик ушел в тучу, а потом началась сильная гроза. Это было в 1915–1916 годах. Потом Александр говорит: «Никому не поверю, что Бога нет, я сам его видел».

После строительства Камской ГЭС полдеревни снесли и многие уехали в Заозерье, где было электричество, да и добираться до железной дороги было проще.

Ниже деревни Конец Гор река образовывала два острова, а за ними на правом берегу стоял починок Беловский (часто местные жители называют «Беловская») на реке Беловке, где в начале 1930-х годов проживало 64 жителя, а в 1969-м осталось лишь 8. Когда пришла первая вода Камского моря, виднелись здесь крыши затопленных домов. До сих пор сохранился дом, где располагалось правление колхоза. Сейчас дачный поселок называют Белоевским.

Еще ниже — деревня Загоскино (Подволока, Подволоچه) у устья речки Сивковки, напротив некогда бывшего острова Сивкова, который скрыли воды Камского моря.

По личным делам, навестить к родне, по производственному заданию жители этих деревень исходили пешком живописные берега реки Чусовой — так осуществлялась «связь» в этих местах.

Ушли под воду заливные луга, многочисленные острова, а память осталась. **УС**

Торговая компания
Люмна
книги учебники канцтовары

г.Екатеринбург, ул.Студенческая, 1В;
(343) 228-10-70- отдел реализации ;
г.Березовский, ул.Уральская, 132
(343) 344-40-60 - отдел реализации

www.lumna.ru

- **КНИГИ**
- **УЧЕБНИКИ**
- **МЕТОДИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА**
- **НАГЛЯДНЫЕ ПОСОБИЯ**
- **ОТКРЫТКИ**
- **КАНЦТОВАРЫ**
- **ИГРУШКИ**
- **СУВЕНИРЫ**

Магазины "ЖИВОЕ СЛОВО"

г.Екатеринбург

Баумана, 35	300-17-44
Блюхера, 12	374-53-81
В. де Геннина, 37	205-98-29
Волгоградская, 190	234-47-73
Гагарина, 1	374-76-37
Грибоедова, 12	258-43-45
8 марта, 167	300-65-50
Кировградская 4/2	317-25-95
Космонавтов, 72	216-38-21
Кр.Командиров, 23	367-71-23
Крауля, 44	278-40-46
Пехотинцев, 6	323-81-81
Победы, 38	330-16-82
Родонитовая, 9	381-35-43

г.Ишим

Советская, 19	(34551) 2-16-09
М.Горького, 28/9	(34551) 5-09-05

г.Нефтеюганск

м-н «Канцлер» 4 микрорайон, 13 (3463) 2-44-141

г.Березовский

Гагарина, 17 (343) 385-66-52

г.Сургут

Университетская, 29 (3462) 95-14-46

г.Асбест

Ленина, 21 (34365) 2-95-73

г.В.Пышма

Кривоусова, 55 (34368) 7-91-56

г.Каменск-Уральский

Комсомольский бульвар, 39 (3439) 54-05-10

Победы, 4

(3439) 37-05-67

г.Серов

Ленина, 148 (34385) 7-50-70

г.Новоуральск

Комсомольская, 18 (34370) 7-100-7

г.Миасс

пр. Автозаводцев, 52 (34370) 7-100-7

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Ноябрь 2018

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

МАКСИМ ЛЫКОВ
Замок на песке

50

76 **Координаты чудес**

ВЛАДИМИР НОВИКОВ
Hate!

76

59 **Координаты чудес**

ГЕОРГИЙ МИХАЛЕВСКИЙ
Пленённый ангелами путник

59

80 **Повод для улыбки**

АРИНА ДУБРАВИНА
Всё получится

80

Замок на песке

Максим Лыков

Родился 23 марта 1982 г. в городе Казань. В 2004 г. получил юридическое образование, был стипендиатом Академии наук РТ и Президента РФ. В 2008 г. защитил диссертацию по специальности «Общая педагогика, история педагогики» и несколько лет работал как юрист и преподаватель. С 2007 г. специализируется на репетиторской работе по истории, применяя авторские игровые методики обучения. В 2015 г. прошёл переподготовку по специальности «Психолог-консультант». Женат, с 2011 г. живёт в Москве.

Роберт снял с игрового стола фигурку и задумчиво покрутил в руке. Ему всегда нравилось, как был сделан на миниатюрном человечке плащ. Сразу понимаешь, что это не дешёвка. Алая оторочка и меховой, с угадывающимися отдельными волосками меха, воротник доказывали, что его владелец — благородный человек. Аристократ. Дворянин шпаги. Роберт вытащил из внутреннего кармана мягкий платок и стёр с фигурки несуществующие пылинки. «Не пора ли подновить краски?» — пришла в голову мысль. Он улыбнулся этой идее, как старой знакомой. Она приходила всегда, когда он протирали фигурки.

Со старого бильярдного стола, засыпанного ровным слоем белого песка, на него смотрела добрая сотня разных персонажей в антураже средневекового города. Роберт поприветствовал давних друзей. К сожалению, стрелка часов, неумолимо приближающаяся к 8.00, взывала к дисциплине. Пора на работу.

Роберт поставил дворянина в специальный шкафчик. В полупрозрачной стеклянной дверце отразилось вытянутое плоское лицо, которое сейчас светило неподдельным счастьем. Продолжая смотреть на своё отражение, Роберт пригладил редкие рыжеватые пряди волос и отметил, что опаздывает уже на две минуты. Воображение послушно нарисовало картины того, как он выходит из дома, пытается придержать дверь подъезда, но она всё равно хлопает от сквозняка. Он идёт к автобусной остановке, но автобус сегодня придёт на полминуты раньше (так бывает, водители порой совершенно не пунктуальны) и, следовательно, Роберт не успевает. С разочарованием смотрит вслед сбежавшему транспорту, а следующий только через 12 минут, что уже совершенно неприемлемо. Он тряхнул головой и ускорил шаг.

Лекции Роберт читал так. Он вставал у кафедры и, замерев холодной статуей, ждал тишины. Когда аудитория успокаивалась, он включал проектор, придирчиво выбирал из кусочков мел. Всё это молча и неторопливо. Достаточно утомив студентов ожиданием, Роберт неожиданно начинал диктовать. Ему нравилось ставить в тупик этих сопливых юнцов и бестолковых юниц (крылышками бяк-бяк-бяк), которые судорожно начинали переглядываться, пытаясь понять логику изложения. Зачем им вообще высшая математика? Только примерные отличники, не пропускавшие занятий, знали, что Роберт начинает ровно с того момента, на котором оборвалась предыдущая лекция, словно не прошли часы и сутки, словно это единая речь, разбитая на фрагменты. Склейте их и увидите сосуд дивной красоты. Впрочем, про сосуд — это была метафора Роберта, которая являлась ему, когда он мерил шагами пространство перед доской.

Обедать он всегда уходил за пределы университета. Пока шёл до знакомой столовой (ровно пятнадцать минут от главного здания) и обедал (полчаса, если без десерта, сорок минут, если с десертом), Роберт думал о своей докторской. О возможной защите коллеги стали намекать три года назад, но он не спешил. Мысль о том, что он вынесет на защиту нечто формальное и гарантированно проходимое, не вдохновляла. Поэтому Роберт обдумывал заходя и впрок такую работу, которая сокрушила бы любой совет и любых оппонентов. Благо в области чистой математики это было гораздо проще, чем гуманитариям. Здесь было царство формул и цифр, а не длинных фраз и двояко толкуемых фактов.

В столовой он подхватил поднос и расположился за своим обычным столиком у окна. Роберт старательно расставил тарелки и только сейчас заметил,

что салфетница пуста. Вернувшись со стопкой салфеток, он увидел между тарелок брелок в виде дракончика. Он лежал на боку, зелёный, с забавным хохолком, одетый в расшитый блестящими нитками жилетик. Роберт двумя пальцами осторожно перевернул брелок. На груди дракончика синела римская цифра два.

Роберт нахмурился. Ему показалось, что в столовой резко потемнело. Мир поплыл перед глазами. В голове, у самой макушки, возник звон подобный комариному писку. Сознание раскололось. Роберт видел себя со стороны, задумчиво вертящего в руках дракончика, и он сам вертел дракончика и думал.

С обедом он покончил быстро, лишив себя яблочного штруделя на сладкое. Роберт вышел из столовой, нырнул в ближайшую арку и оказался внутри старого двора. Он отыскал глазами дверь с надписью «Посторонним вход строго воспрещён» и потянул за ручку. Дверь была открыта. Роберт не удивился.

Узкие грязноватые ступени вели на второй этаж. Маленькие оконца были заляпаны, потому здесь царил вечный полумрак.

Роберт вошёл в небольшую, безликую комнату с минимальным набором мебели и криво висевшим на стене пейзажем. В комнате горел свет, его ждали.

Роберт хмуро взглянул на маски, полностью скрывавшие лица двоих плотных мужчин в строгих синих костюмах, расположившихся полукругом у маленького полированного журнального столика, и сел в кресло.

— Дракоша номер два, приветствуем вас, — серьёзно сказал один из мужчин.

— Не надоело? — раздражённо отозвался Роберт.

— Ну как же вы узнаете, мы это или нет? — развёл руками собеседник.

— Имейте в виду, — заметил Роберт. — У меня ещё лекция, а я терпеть не могу опаздывать.

— Конечно, — вступил в разговор ещё один мужчина. — Мы вас не задержим дольше обычного. Я — Первый. Мой коллега — Второй.

— Я знаю, — махнул рукой Роберт. — Они выходили на связь.

— Да? — встрепенулся Второй. — Когда?

— Ночью. Они всегда приходят ночью. Роберт, то есть я, уже спал. Но я, Роберт-2, проснулся в этот момент.

— Экзоиды? О чём они спрашивали? — наседал Второй.

— Погоди, — сделал знак рукой Первый. — Продолжайте, Роберт. Не спешите. Нам ценная любая ваша информация.

— Да, — покивал Роберт.

Он посмотрел на кривой настенный пейзаж, и как обычно безуспешно попытался определить, что именно хотел изобразить художник. Мозг обычно выдавал предположение, что это поле пшеницы под лунным светом, но сам же возражал, что луна не может быть солнечной, а пшеница — белой. К рассказу Роберт перешёл не спеша, подробно и привычно по-учительски структурируя изложение.

Он не мог сказать, что именно хотят эти приходящие ночью. Слова «экзоиды» он избегал сознательно, слишком уж казённым казалось ему это обозначение. Да, они не земляне, они из другого мира, поэтому приставка «экзо» приемлема, но «-иды» намекает на инопланетян из дешёвого боевика. Роберт предпочитал обозначать их просто «ОНИ».

— Они не разговаривают привычным нам способом, — объяснял Роберт. — Они касаются твоего спящего разума нежно, словно поцелуй мамы. И ты всё время контакта чувствуешь, как тебя обволаки-

вает расслабляющая нежность. Нет, я не назвал бы это любовью. Это что-то другое, связанное с уважением к другому существу, к его тонким сферам. Я чувствую, что они меня расспрашивают, мне искренне жаль, что я не могу им отвечать, поскольку ответ идёт помимо меня. Обычно сеанс связи длится не более 5–6 минут и внешне это выглядит мирно: Роберт спит, квартира погружена во тьму, и только вокруг изголовья виден слабый мягкий свет. Этой ночью было несколько иначе...

— Сеанс длился дольше? — не выдержал Второй.

— Нет, — улыбнулся ему Роберт. — Я видел ИХ.

— Ну и выдержка у вас, — крикнул Первый. — Это же сенсация!

Он прервался и переглянулся со Вторым.

— Расскажите нам, — попросил Первый и подался вперёд.

— Я вас разочарую, — развёл руками Роберт, не переставая улыбаться. Ранее ему ни разу не удавалось вывести из равновесия Первого, и он был доволен своей маленькой победой. — Я не уверен, что это их истинный облик. Но всё-таки... У меня есть в мастерской гончарный круг и запас глины, я иногда делаю фигурки. Это хобби. Впрочем, уверен, что вы даже знаете, где именно он стоит и как выглядит. Так вот. Сияние вокруг головы Роберта переместилось туда, за стену.

— Сквозь стену? — уточнил Первый.

— Да, — согласился Роберт. — Наверное, можно сказать и так. В какой-то момент я понял, что оно там. Я не видел, просто знал. Простите, это сложно объяснить словами. Во время контакта сознание работает несколько иначе. Я не успел ничего предположить, как из мастерской вышло существо около метра ростом. Если бы я верил в сказки — сказал бы, что это гном. Бородатый голый гном. Только его ...

ммм... кожа сияла тем самым светом, он говорил, он был живым. Но при этом явно был из моей глины.

— Почему вы так решили? Из-за цвета? Структуры?

— Я же говорю, уважаемый Второй, — в контакте с ними сложно думать привычным мне и вам способом. Я не анализировал. Это знание, которое возникает внутри меня. Может они сообщили это мне, не знаю.

— Вы сказали, что этот гном говорил. Я правильно вас понял? Он говорил иначе, чем в прошлые контакты экзоидов? — спросил Первый, сложив ладони лодочкой. В отличие от своего напряжённого напарника, ловящего любое слово Роберта, Первый сидел, вольготно развалившись на стуле.

— Да, — кивнул Роберт. — Я видел артикуляцию его губ. Потом он коснулся руками рук Роберта. Было очень тепло. Роберт-1 в этот момент сидел на кровати. Нет, он не проснулся, а пребывал в каком-то сумеречном состоянии, на грани сна и реальности. Возможно, это потребовалось для чего-то особенного.

Роберт сделал паузу, провоцируя Второго на вопрос. «Как его взяли в разведку? — подумал он, услышав немедленную реакцию Второго. — Он же нетерпелив как мальчик на первом свидании. Хотя может это такая роль? Оттеняет аналитика Первого, забирая на себя внимание?»

— Они спрашивали согласия у Роберта. На что именно, я не понял, но Роберт согласие дал — это я ощутил со всей ясностью. Собственно, у меня всё.

— Мы благодарим вас за всё, что вы делаете, Роберт, — глаза Первого сквозь прорези в маске смотрели пронзительно. — Вы можете не верить нам, но контроль за вами минимален. И мы не знаем, где у вас стоит гончарный круг. Не потому, что мы та-

кие белые и пушистые зайки, а потому, что так безопаснее для вас и снижает риск провала операции. Для вашей же безопасности мы в масках, и вы, как и другие наши агенты, не видите наших лиц и не знаете наших имён. Для этого наша работа тайна засекречена даже для местных спецслужбистов, за исключением самого верха. Мы имеем доказательства того, что перевербованные нами засланцы экзоидов ведут двойную или, точнее, тройную игру, пытаясь разрушить наше дело. А мы до сих пор не знаем, какие цели преследуют экзоиды, какой характер информации они собирают, мы боремся вслепую. Вы даёте чрезвычайно точные и ценные сведения, и почти никто не зашёл так далеко, как вы. Мы ценим и бережём вас. Поэтому при любой опасности для вас мы выходим на связь.

Первый замолчал, словно глубоко задумавшись. Роберт почувствовал тревогу. «Что же изображено на этой чёртовой картине, — ни с того ни с сего подумал он. — Почему нельзя изображать чётко, ясно и понятно, а не эту муть?»

— Мне угрожает опасность? — сказал он вслух.

— Один из наших агентов исчез, — ответил Первый. — А до этого к нему являлся похожий голем, только не из глины, а из пары килограммов мороженого. Представляете? Голем из подтаявшего пломбира?

Первый хмыкнул.

— Ему пообещали визит в мир экзоидов, — продолжил он. — И после этого он исчез.

— Вы полагаете, что Роберту, то есть мне, они предложат тоже?.. — медленно спросил Роберт.

— Возможно. Будьте осторожны, пожалуйста.

У входа в университетский скверик Роберт вытащил из кармана брелок, приглядел сухое место на ограде с массивной решёткой и положил туда

дракончика. После чего, не оглядываясь, зашагал в сторону главного здания.

* * *

Роберт в неизменном рыжем пальто и вязаной шапочке, по-школьному размахивая портфелем, шёл по центральной тропе университетского сквера. Он продолжал размышлять о структуре своей будущей диссертации. От приятных раздумий его не отвлекали ни уличный шум, ни начинавшее по-весеннему пригревать солнышко. Однако, на полпути он с удивлением обнаружил, что его логическим построениям что-то мешает, какой-то внешний фактор. Роберт обернулся и понял. Эти два типа. Прилично одетые мужчины средних лет. Один со свёрнутым журналчиком в руках. Роберт вспомнил, что видел их сегодня в автобусе. Типы сидели в разных концах салона и старательно отводили глаза. Сейчас они тоже делали вид, что им абсолютно нет дела ни друг до друга, ни, тем более, до Роберта.

Роберт хмыкнул и продолжил путь. «Шпионские страсти, — подумал он. — Юстас-Алексу... Так о чём я? А, эта теорема...». Внешний фактор был определён, и рассуждениям теперь ничего не мешало.

* * *

Последняя лекция оказалась особенно трудной. Стайка студенточек на втором ряду уходивших ввысь парт трепалась на удивление назойливо. Ему пришлось несколько раз специально останавливаться рядом с ними и, растягивая в нерадостной улыбке губы, читать им прямо в лицо, рассматривая то одну, то другую с лёгким брезгливым удивлением. Много косметики, джинсовые курточки, модные телефоны и наглые ухмылочки. Они замолкали,

но начинали хихикать, как только Роберт поворачивался к ним спиной. К концу пары он почувствовал такую усталость, что даже мстительная мысль о предстоящем экзамене его не бодрила.

Он стоял ровно и невозмутимо у кафедры, провожая глазами спины уходящих студентов. За широкими окнами стемнело.

— А через месяц будет уже светло, — машинально отметил он.

Аудитория опустела, и к Роберту подошла одна из девиц. Барышня жевала жвачку и теребила в руках серебристый телефон.

— Вы что-то хотели? — спросил он, не дожидаясь вопроса. Молодые нахальные девицы его всегда напрыгали, и Роберт старался не терять инициативы.

— Я хотела попросить прощения за своих подружек. Они очень плохо себя вели, — виновато сказала девушка, продолжая жевать. — Но понимаете, у Анжелы завтра день рождения, надо поздравить, а она совершенно не знает, чего хочет...

— Считайте, что извинения приняты, — поднял руки Роберт, отводя глаза. Ему хотелось, чтобы она поскорее ушла.

— Вы сильно обиделись, — сказала девушка. — Я совершенно не хотела. У меня для вас кое-то есть. Она протянула руку к кафедре.

Роберт невольно перевёл взгляд. На кафедре лежал телефон, поверх которого сидела серебряная обезьянка с задорно вздёрнутым бананом в лапе. — Что вы хотели этим сказать, — начал было Роберт, но в голове словно вспыхнула молния, и он вдруг всё понял.

— Здравствуйте, Роберт, — легкомысленный тон девицы исчез. На Роберта в упор смотрели два жёлтых глаза без всякого намёка на зрачки. — Я Ариадна.

— Да, — хрипло сказал Роберт. — Вы как всегда неожиданны.

— Приходится использовать любую возможность. За вами следят. У нас буквально несколько минут.

— Конечно, — кивнул Роберт. — Земная разведка предполагает, что они меня пригласят в свой мир. Экзотиды, как они их называют, приглашали одного агента, но он не вернулся.

— Они показались? Стаккары показались?

— Я видел голема из глины. Он выглядел живым.

— Отлично, — расплылась в улыбке Ариадна, и Роберт, содрогнувшись, увидел раздвоенный кончик её блестящего чёрного языка. — Стаккары бесплотны, но владеют технологией перемещения сознания в любые объекты. Они будут готовить вас для симбиоза с одним из них. Не бойтесь предстоящего визита. Это пока ещё ознакомительная встреча. Ничем не выдавайте себя.

— Хорошо, — кивнул Роберт. — Что делать с земной разведкой?

— Сотрудничайте, — Ариадна пожалала чешуйчатыми плечами, напоминающими замысловатую татуировку. — Нас мало волнует, что земляне узнают о стакарах. Ваша задача прежняя — узнать местонахождение их родного мира. Тогда мы сможем нанести упреждающий удар. Если мы этого не сделаем, то ареной боевых действий станет Земля. И тогда вряд ли что-то здесь останется целым.

— Как я узнаю местоположение их планеты?

— Всё в своё время, — сказала Ариадна и протянула руку к обезьянке.

Университет Роберт покинул, предвкушая досуг. На улице похолодало, и он плотнее укутался в пальто. Роберт всегда заранее планировал неделю. Вечер четверга — время кино. Он брал билет на не новый в прокате фильм и обязательно

с краю. Это гарантировало, что вокруг него не будут сидеть люди и Роберт спокойно побудет с миром, построенным режиссёром. После фильма он зайдёт в кафе и выпьет чашку чёрного кофе с бутербродом. Потом можно ехать домой.

Всё прошло практически так, как он предполагал с одним неприятным дополнением — заходя в кинозал, он увидел сидевшего на самом последнем ряду мужчину, чей внешний вид напоминал одного из тех шпииков, которых он видел сегодня в парке. Из-за этого Роберт даже два раза оборачивался, и первые двадцать минут фильма никак не мог сосредоточиться. Наконец, прекрасные панорамы швейцарских Альп и неторопливый сюжет успокоили его и втянули в мир курортных страстей.

* * *

Роберт очнулся в автобусе. Рядом с ним стоял водитель и настойчиво тряс его за плечо.

— Что случилось? — спросил Роберт. — Где я?

— Конечная, — неприятным голосом сообщил водитель. — Еле добудился.

— О, простите, — кивнул Роберт и засуетился, подбирая портфель.

Выйдя в ночную свежесть, согнавшую остатки липкого сна, Роберт понял, что к дому придётся идти пешком. «Удивительно, — подумал он. — Совершенно не помню, как сел в автобус».

Конечная автобусов была несколько вдали от жилого квартала, улица освещалась плохо, и Роберт через шаг спотыкался. Пройдя несколько десятков метров, он осознал, что за ним неторопливо движется чёрный микроавтобус.

Роберт ускорил шаг, но у поворота обнаружил, что путь ему преградил человек. Роберт не успел

опомниться, как чёрная машина, лихо взвизгнув на разгоне, подскочила к ним, распахнула двери, и он оказался внутри ярко освещённого салона.

Незнакомый молодой человек с нагловатой улыбкой сунул ему под нос развёрнутую корочку и небрежно сообщил:

— Федеральная служба безопасности, капитан Федорцов. У нас к вам несколько вопросов.

Роберт перевёл дух и осмотрелся. С двух сторон его подпирали знакомые с утра лица, напротив сидел Федорцов. Водителя не было видно — его отделяла стенка.

— Чем обязан? — спросил Роберт и порадовался тому, что голос звучит сухо и без дрожи.

— Мы за вами наблюдаем, — начал капитан.

— Я заметил, — перебил его Роберт, — чем обязан?

— Вы не робкого десятка, да? — Федорцов откинулся на спинку сидения. — Нас интересуют ваши контакты.

— Что вы имеете в виду? Среди математического сообщества?

— О, нет, — покачал головой капитан. — Нас интересуют контакты с иностранцами, которые далеки от математики.

— Либо вы будете говорить конкретно, господин — или лучше товарищ? — капитан, или наш разговор будет беспредметен.

Федорцов фыркнул и вытащил из кармана фотографии.

— Так лучше? — раздражённо произнёс он, веером развернув фотографии.

— Это столовая, где я обедаю, — ткнул в одну из них Роберт — не знал, что визит туда запрещён.

— Не валяйте дурака, — зло ответил Федорцов. — В этом доме располагается конспиративная

квартира предположительно китайской резидентуры. И вы там нередкий гость.

— Я не понимаю, о чём вы.

— Всё вы понимаете, Роберт Филиппович, всё понимаете, но почему-то не хотите говорить. — Федорцов покопался в кармане и вытащил ещё одну фотографию. — Что это?

Роберт разглядел смазанную фигурку дракончика. Сознание чуть дрогнуло, и он поморщился.

— Брелок, судя по всему. Ваш фотограф плохо старался, ничего не разглядеть.

— Да, фотографу пришлось спешить, — кивнул Федорцов, — может, тогда оцените это?

Следующее изображение было чётким. Роберт увидел небольшую потёртую нецку. Три черепахи одна над другой пирамидкой. На панцире верхней отчётливо было выведено V, то ли римская пятерка, то ли значок «виктори». Роберт почувствовал головокружение и невольно приложил руку к виску. Он видел всё с нескольких точек зрения, потом вдруг всё исчезало, потом возвращалось вновь. Налетали и исчезали картинки — видения чудовищной металлической морды, лязгающей непонятные слова. Его — Роберта — руки, передающие морде какие-то журналы. Видения светящего голема. Озабоченный голос Первого. Роберт потряс головой зажмурившись.

— Кто вы такой?

— Роберт Филиппович Гюнц, — сквозь зубы выдавил Роберт.

Нецка плыла у него перед глазами. Роберта подташнивало, словно на морской прогулке в сильную качку. Волны сознания нового незнакомого Роберта то затопляли его, то отступали.

Внутренним взором он видел механическую форму жизни, одетую в плохо пригнанную обо-

лочку сутулого с жёлтой пергаментной кожей человека, подсевшего к нему в кафе. Роберт видел свои руки, передающие подборку вырезок статей типа «Боевое применение дельфинов» или «Боевые лоси: правда и вымысел».

Машинмен, лязгая челюстями, наставлял его — «раса сслай победила нас не боевой техникой, но использованием биоимплантов и приручённой фауны. Мы должны освоить это оружие для реванша. Помните, сслай снабдят вас имплантом, позволяющим засечь координаты мира стаккаров. Принесите его нам. Тогда вы спасёте Галактику от их геноцида».

— Я Роберт Филиппович Гюнц, — повторил он. Кого же представляет этот Федорцов? Кто меня решил проверить? Или это просто инициатива этого капитана и его ближайшего начальства? Тогда это просто нахрап.

— Я преподаватель математики, — продолжал Роберт. — Ни с какими шпионами я не общаюсь, зарубите себе на носу.

— Не хамите, Гюнц! Вы думаете, что если вы в руках официальных органов, то с вами ничего не случится? Мы тут ведём войну. Против России, вашей Родины, между прочим, идёт непрекращающаяся война, а у нас есть основания считать вас предателем. Знаете, как подступают с предателями в военное время?

— Не порите чушь, капитан, — устало сказал Роберт. — Вы же уже поняли, что со мной эти фокусы не прокатят. Вы меня спокойно выпустите, и я пойду к себе домой спать. Если хотите вести со мной беседу — вызывайте повесткой, а не хватайте людей ночью аки тать.

— И запомните, — он многозначительно посмотрел на красного от злости капитана. — Если

вы оформите этот запрос официально, возможно, многие вопросы отпадут сами.

* * *

Роберт долго растирал тело после душа сухим подогретым полотенцем. Время было уже далеко за полночь. Освежившись, он направился в кабинет. Зажёг свет, несколько раз в задумчивости пересёк комнату из конца в конец, бросая рассеянный взгляд на книжные шкафы, заставленный миллиардный стол.

«Тяжелый день, — подумал он. — Я должен уже полчаса как спать».

С этой мыслью Роберт подошёл к шкафчику с фигурами, с неудовольствием заметив следы своих пальцев на стекле. С полки на него смотрел аристократ. Роберт секунду помедлил, потом открыл створки и взял человечка в руки. Олово приятно тяжелило руку. Роберт выбрал место и поставил фигурку на песок бильярдного стола.

Он ткнулся лицом в тёплый беловатый песок. Роберта охватило всякий раз неожиданное, бьющее через край, чувство радостного упоения жизнью, и он пружинисто вскочил. Усталости как не бывало, сила переливалась через край в молодом породистом теле.

Роберт стряхнул с плаща песчинки, поправил эфес шпаги и громко рассмеялся. К чёрту! Наконец-то можно сбросить эту маску математика-сухаря, забыть про преподавательские заботы и идиотские шпионские страсти. Забыть про стаккаров, своей неспешностью сводивших его с ума, про земную разведку с их игрой в рыцарей плаща и кинжала, про машинменов, заикленных на биологическом оружии, про Ариадну, ничего не видящую, кроме своей жажды мести. К чёрту!

К нему подошли два рыцаря в кольчужных доспехах.

— Королева ждёт, дон Роберто! — прогудел один из них. Сквозь глухой шлем хищным отливом блестящих жёлтых глаз.

— Рад тебя видеть, старина Аквил! — вскричал Роберт. — Не будем заставлять её ждать!

Песок под ногами быстро перешёл в зелень садов, окружавших город. Рыцари громко отчеканили шаг по мосту через прозрачную речку.

— Хей, дон Роберто! — окликнул его с лодки рыбак Пьер в смешном фригийском колпаке.

— Как клёв, Пьер?

— Слава Богу, — ответил тот. На дне лодки билась несколько рыбин. На корме грелась расписная, словно покрытая татуировками, саламандра.

Город кипел жизнью. Рынок был полон торгового люда в самых разных нарядах. Из трактира неслась весёлая разудалая музыка. Акробат Джонни со своей обезьянкой показывали фокусы. Со вторых этажей домов Роберту приветливо махали платочки дам.

Он свободно шагал по улочкам, раскланиваясь со знакомцами и вольно дыша. С некоторым недоумением отметил, как в тени амбара двое мужчин шпионского вида растерянно пытались объясниться с дородной молодухой, вышедшей за водой с коромыслом. Та ничего не понимала и только хохотала.

Роберт с рыцарями прошли в цитадель. Он невольно загляделся на таинственное голубоватое сияние, испускаемое каменными горгульями, венчающими башни. Внутри большого зала с мутноватыми витражами царил полумрак, рассеиваемый светом факелов. Охрана вдоль стен стояла внушительно и неподвижно. На троне, в окружении советников и нескольких фрейлин восседала Она. Его Королева.

Роберт прекрасно помнил тот давний утренний психотерапевтический сеанс, когда ему, страдающему расстройством памяти, предложили песочную терапию. Он помнил потрескавшийся синий деревянный ящичек, заполненный песком, на который он должен был поставить своего заместителя. Тогда Роберт выбрал аристократа со шпагой. А потом он выбрал Её.

Королева приблизилась к нему, и у Роберта так застучало сердце, что он перестал связно мыслить.

— Ваше Величество, — произнёс он, вставая на одно колено.

— Встаньте, мой рыцарь, — её голос звучал нежной музыкой.

Роберт поднялся и посмотрел на её белое лицо с идеально правильными чертами лица, обрамлённое роскошными волосами.

— Моя Королева, — сказал он благоговейно. — Мы близки к успеху после стольких лет. Скоро я окажусь на планете стаккаров и узнаю способ одушевления предметов. И тогда, — он сделал паузу, переводя дыхание, — вы сможете перейти в Большой мир!

Королева просияла улыбкой.

— Рыцари! — окинула она взглядом присутствующих. — Слава нашему синьору Роберто де Филиберу!

— Слава! — гаркнули рыцари.

— Я счастлива, что вы служите мне и только мне, — Королева одарила его милостивым взглядом.

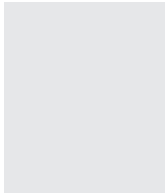
— Это не совсем так, моя Королева, — слегка улыбнулся Роберт.

Он дождался, когда на её лице восхитительной складкой нахмурились брови, и добавил:

— Я служу не только Вам, но и во имя Вас! ❏

*Горовосходитель — пленённый ангелами путник,
идуший опасными тропами и
никогда не принадлежащий самому себе.
М. Хергиани «Тигр скал».*

Пленённый ангелами путник

Георгий Михалевский

Родился в солнечной Киргизии погожим майским днем 1980 года. Первое, что увидел в окно роддома, — пики Тянь-Шаня. С тех пор беззаветно любит снежные вершины и синее небо. По окончании вуза по специальности «Биотехнология» работал координатором экологического объединения «Алейне». Имеет ряд публикаций популярного характера об экологии Киргизстана. Активный защитник природы и участник движения «Зелёный город». Увлекается альпинизмом и горными лыжами. Коллекционирует народные предания и легенды, пока только в собственной голове. Проживает в г. Бишкек.

Мелкие лезвия острых лыдинок секут кожу, проскользывая за плотный ворот пуховика. Каждый вдох — как глоток холодного пламени. Каждый шаг — как прыжок в бездну. Ветер прижимает к ледовой скале, норовя столкнуть, опрокинуть, закрутить в вихре холодного снега.

Прислоняюсь к замёрзшему чёрному камню, руки не слушаются, пальцы немеют, а предательский карабин-жумар не держит на обледенелой верёвке. Скользит, звякая. Отказывает, зараза. Кошками вгрызаюсь в лёд и даю себе пять секунд отдыха. Там внизу, на моей страховке, так же сопя и пиная лёд, цепляется за скалу Серёга. Не вижу его сквозь пелену снега, но ощущаю, как колеблется верёвка под тяжестью. Всё нормально, лезет за мной.

Гора стонет под ветром, звенят наши ледорубы, карабины колокольцами поют на поясах. Если ад есть, то он здесь, на высоте шести тысяч метров. Рай, кстати, по этому же адресу. Главное: погодой не ошибиться.

Перецепляю жумар: держит. Лезу дальше, рука-нога-рука... Кошки крошат лёд, не сбросить бы кусок на Серёгу. Иду осторожно, немеющими пальцами перецепляя карабин. Где-то здесь провешены перила, да толку от них — обледенели все. Жумар опять проскользывает по верёвке. Она леденеет быстрее, чем успеваю её закрепить. Остановливаясь, изо рта вылетает облако пара и замерзает льдинка на веревке. Все ясно.

Меняю тактику и лезу дальше, выше задвигая зажим. Ветер стал боковым, сметая меня со скалы.

Вгрызаюсь в лёд, всеми конечностями, прижимаюсь к Горе крепче, чем к любимой. «Держи меня, родная, держи!» — слышит Гора, ветер снова меняет направление, завывая за спиной. Засовываю руку в перчатке за отворот пуховика. Там — тепло, отогреть чуть-чуть и снова вперёд.

Время растянулось белыми нитями, растворилось в вое метели, рассыпалось звоном на морозе. Не знаю, сколько лезем. Час, два или вечность? Хочется плюнуть на всё и скатиться вниз к базовому лагерю, к теплу и уюту.

Но нельзя... в морозной пурге замерзает группа альпинистов, и мы лезем дальше в непогоду, потому что мы — спасатели. До их лагеря ещё сто метров. Всего сто метров по вертикали. А мы за последний час прошли десять. И если так будет места, оставшиеся девяносто будем идти ещё очень долго.

И пока руки и ноги делают своё дело, мысли уносятся вспять по стреле времени.

* * *

Всего десять дней назад...

Я встречал первую партию альпинистов и вместе с ними начальника нашего спасотряда — моего давнего друга Серёгу — для доставки в базовый лагерь. После установки лагеря и беготни с заброской снаряжения по высотам, чувствовал себя вымотанным, и в душе решил никогда больше (в который раз!) не участвовать в основании международного альплагеря. Прибыл для встречи как был, без марафета. Все свои, поймут.

Душанбе плавился от жары, далёкие горы тонули в синем мареве, а мы ждали вертолёт. Бензовоз куда-то запропастился, и нам ничего не оставалось, как прятаться в скудную тень полузасохшего

тополя. Лето выдалось на редкость жарким, засушливым и серым от пыли.

Рюкзаки, брошенные в кучу, ярким пятном горели на бетоне взлётки. Серёга, допивая очередной литр воды, мрачно заявил:

— Сейчас вся наша тушёнка взорвётся. Представь, какой бабах будет?

Чёрт! А ведь, да. Не ответив, я пошёл к рюкзакам, вытащил из кучи ярко-красный, потряс... слышу: банки брякают. Парни под тополем дружно заржали, выкрикивая, что тушёнке именно сотрясения не хватало. Принёс рюкзак в тень, строго заметив:

— Особо умным тушёнка отменяется. Будете на одной овсянке жить.

Угроза вызвала новый приступ веселья, а начспаса уже погрузил руки в рюкзак, перебирая наощупь запасы провизии.

— Норма, — буркнул он, — говорят, в базовом лагере неплохо кормят, но своё — всяко надёжнее. Да я ещё слышал, на Москвина бывают проблема с питанием.

— Ну... смотря, что считать проблемой. Меню у них не ахти, и даже мне за месяц приелось...

— Ага... если даже тебе надоело...

Ребята снова заржали. Ну да, шутники. Ещё долго не забудут, как я вместо сахара привёз на Иныльчек два мешка ячки. Её никто не захотел есть, пришлось самому... под добрую улыбку поварахи тёти Любы и её грудное контральто: «Ешь, соколик, ешь, сильнее станешь».

Пока альпинисты смеялись, начспаса задвинул рюкзак в тень и снова мрачно припал к бутылке с водой. Жара усиливалась по мере того, как солнце вытесняло нас из укорачивающейся тени тополя.

Мне Серегино настроение не нравилось, а объяснений от друга не дождёшься, пришлось спросить:

— Случилось у тебя что?
 — Ольга ушла.
 — Чёрт. Когда?
 — Ещё осенью. Как только я с Нарына вернулся...
 — То есть сразу после того наводнения?
 — Ага. Пришёл домой, а она мне вместо приветствия: «Только о себе думаешь, эгоист чёртов, а мы тут места себе не находили, извелись все! Ты бы о сыне подумал!»

Молча смотрю на Серёгу. В тот раз он вытащил из ледяной воды больше двадцати человек. Извлекал из перевернувшегося бусика, на руках нес до берега. Потом президент ему лично награду вручал. Я по телеку видел, радовался за друга. Звонил, поздравлял. А он ни слова о том, что жена ушла.

— Ну, ты это, держись, старик. Ольга просто сломалась, бывает. Постоянно тряслась за тебя и вот...
 — Ничего она не тряслась! Сказала: «Бросай свою дурацкую работу». Понимаешь, да?
 — Дурацкую?
 — Да, наша с тобой работа в спасотрядах — дурацкая! Никому не нужная, а вот её тупое сидение за компом — гораздо важнее.

Серёга завёлся, я понял: ему надо выговориться, слишком долго молчал, и вот прорвало. Слушал друга и невольно думал, как же так получается? Живут душа в душу, потом одна срывается, а второй ей не уступает... И всё, разбежались. Ведь Ольга знала: нет для Серёги ничего важнее славы крутого спасателя. И не примет он никаких ультиматумов, его работа — его жизнь, а семья — лишь место, где он отдыхает.

Тем временем Серёгин гнев на убыль пошёл. Слова тише стали, голос понизил и устало сказал:

— Вот такие дела, брат. Я целую неделю пил... потом подумал, а какого рожна из-за неё будут себя гу-

бить? Собрался и поехал на базу в Каракол подальше от Ольги, там наша дурацкая работа всю зиму была нужна. А сейчас специально к вам попросился.

— Вот это правильно! Эх! Вспомним и наш Памирский поход, и...

— ...и свободу. Ведь мы с тобой тогда ещё студентами были!

Засмеялись, Серега потрепал меня по плечу и хитро подмигнул:

— А заодно посмотрю, как вы так успешно работаете, который сезон самых тяжёлых живыми вытаскиваете. Секретики ваши повыведаю, да-да! Так и знай.

— Ну... тут нет секретов. У нас доктор — легенда.

— Слышал-слышал. Про вашего Дока по всем горам звон идёт. Говорят, рецепты какие-то тайные знает. Людей с пневмонией прямо на высоте лечит...

— Именно!

— Вот и посмотрим, поработаем, может, пару рецептов стащу у него.

— А может, и познакомишься с кем-нибудь, — я похлопал друга по спине и улыбнулся.

— Это бы здорово! — Серёга снова подмигнул. — И вообще, — он повернулся и крикнул ребятам: — Давайте, расскажите мне уже что-нибудь смешное из местного!

— А ты про чудика-отшельника слышал? — тут же отозвался кто-то.

Серёга отрицательно качнул головой, и со всех сторон посыпалось:

— Говорят, чудик за горой живёт. Пришёл сам через перевалы. Один! И при этом даже не альпинист.

— Ага, слышал, он поселился в старом лагере, который ещё при Советах был. Медитирует там! Ребята, что зимой ходили, говорили, по ночам пение из хижины идёт и све-е-ет!

— А ещё этот чудака раз ребятам на горе помог, снял «тяжелого».

— И рассказывал, что видел йети, общался с духами, а если пройти траверс пика Сомони и выйти на пик Россия, то откроется дорога в Шамбалу. Вот!

— Карты не попутал ваш чудик? — Серёга неожиданно рассмеялся. — Где Шамбала и где Памир? И если уж траверс на пик Россия с видом на пик Москву, то Китеж-Град откроется, а не Шамбала. А Шамбала через пик Джавахарлала Неру...

— Так это на Иньльчеке! — с хохотом выкрикнул кто-то из ребят.

— Ага, с восхождением на пик Снежного Человека через перевал Трёх Буддистов, — не улыбнувшись, добавил начспаса несуществующие горы. Затем кинул взгляд на меня. — А ты что скажешь? Видел чудика?

— Нет. На старую стоянку не ходили. Будет повод прогуляться туда.

Припылил бензовоз. Альпинисты зашевелились, с энтузиазмом разбирая рюкзаки и прикидывая, не затолкали ли далеко теплые куртки, ведь на леднике холодно. И тут подлетел «фирменный» бус, из которого высыпали трое девчат. Парни сразу напрыгались, вытянули шеи, настороженно смотря, уж не в наш ли вертолёт этот цветник? За командой девчат вышел их руководитель — похожий на старого седого ястреба мужик. Я, невольно улыбнувшись, пошёл ему на встречу:

— Саша, сколько лет!

— Паша!!

Обнялись. Саша Старых учил меня когда-то вязать узлы на верёвке и делать первый шаг по вертикали. А теперь вот, новых птенцов привёз. Я улыбнулся девушкам, и...

— Павлик?

— Юлька?!

Любовь моя школьная несостоявшаяся... что ж ты тут делаешь? Три года — на одной парте, и портфель до дома таскал, и на деньги, у отца выпрошенные, «колу» покупал. Вот так встреча! В груди тихо ёкнуло давно забытым, щемящим чувством, а губы предательски расползлись в счастливой улыбке.

Она недоверчиво осмотрела, зацепилась взглядом за небритую щетину, серую футболку и мои убитые в хлам горные кроссовки. Перевела взгляд на свеженького, хорошо экипированного Серёгу, который тоже подошёл с Сашей поздороваться. Заметила любопытные физиономии альпинистов и удивленно спросила:

— Ты что, альпинистом стал?

— Ну... да. Смотрю, ты тоже горами увлеклась. Где уже была?

Серёга с интересом слушал наш разговор, не сводя глаз с вдруг разругавшейся Юльки.

— Пока выше четырёх — нигде. Рацика же не считается. — Милая ямочка на одной щеке при улыбке, такая знакомая. Надо же, будто вчера всё было. А я ведь думал, что забыл, выкинул вместе с несбывшимися мечтами о тихом счастье и доме с детишками... Но нет, каждый жест угадываю наперёд. Вот склонила голову набок, смотрит чуть искоса, как в детстве, и добавляет: — Хочу здесь подняться на шесть, ну а дальше, как получится. А ты?

Не люблю вот так с ходу рассказывать, не знаю почему. И, пожав плечами, ляпнул:

— Да я просто так, тусуюсь в базовом лагере с ребятами. Идём, вертолёт уже ждёт.

— Просто так тусуешься? Странно... — И взгляд, полный недоумения, который долго ещё буду помнить.

* * *

Порыв ветра прижимает к скале, выдёргивая из воспоминаний. Метель воет как шаман северный, с музыкальным сопровождением и хоровыми подголосками. Жутко. И хоть пуховик не пропускает холод, суеверный ужас заползает за шиворот: слышатся мне странные хоралы в вое ветра.

Жду Серёгу на полке, зацепившись самостраховкой за «станцию». Отсюда провешены хорошие перила, пойдём быстрее, не тратя время на установку креплений-шлямбуров. Хорошо знаю эту полку, она как раз на середине склона, и нам ещё пятьдесят метров вверх, а там по длинному ребру чуть вниз к пещерке с альпинистами. Не будь этого треклятого шквального ветра, мы бы уже давно поднялись. Не хочу думать, как в такой погоде пойдём по гребню, и сколько там снега... По поясу или только по колено. Проверяю верёвку, Серёга на месте, сигналил, что живой. Перецепляю жумар и снова вверх по склону, а память — вниз к базовому лагерю.

* * *

Ночью в базовом лагере прошёл снег. Утром ребята высыпали играть в снежки, закидывая заспанных девочек мягкими пушистыми комками. После душно и жаркого Душанбе с трудом верилось в снежную сказку и реальность происходящего. словно мир перевернулся, подарив людям Рождество в июле. Могучие каменные исполины сурово смотрели вниз, сдвигая седые брови туч на переносицах хребтов. А на поляне среди желтизны палаток творилось карнавальное разноцветье альпинистских курток, веселье и пестрота лиц.

Юля заглянула в нашу с Серёгой палатку-полубочку:

— Тук-тук! Паша, что ж ты вчера не сказал? Я только сегодня от ребят узнала! Ты серьёзно на все пять семитысячников бывшего Союза поднялся?

— Нет, Юль, я не серьёзно поднимался, а с песнями, танцами и прибаутками.

— Да ну тебя! — Она нахмурилась, сложив брови «домиком». — И такому оболтусу дали звание снежного барса! А ведёшь себя, как в школе!

— Да ладно, Юль, я ж пошутил. Конечно, серьёзно поднимался, — вытягиваю лицо и делаю серьёзный вид.

Серёга засмеялся, Юля приснула:

— Шут! — затем посмотрела с любопытством на нашего начспаса. — А вы? Мне сказали, вы тоже барс.

Серёга широко улыбнулся:

— Не просто барс, а зимний. Вот так, барышня.

В её карих глазах вспыхнуло восхищение:

— Зимой поднимались? Вот это да... Расскажите?

— Конечно. А вы уже завтракали?

Лицо Серёги вдруг стало мягким и слегка растерянным. Заметив это и улыбнувшись, я быстро выбрался из палатки на звенящий чистый воздух. И рад вроде за друга, видно ведь, что девушка ему понравилась. И в то же время щемит сердце старым чувством, не отпускает. Потерял Юльку по глупости, не был серьезен, всё шутил не к месту... И продолжаю то же делать! Увидел Юльку, и крышу снесло. Дурацкое желание рассмешить, чтоб вызвать искры в глазах. Вот какого чёрта такую чушь спорол про «серьёзно поднимался»? Но ведь она рассмеялась.

И от этого хорошо так на душе стало, светло. Захлестнуло ощущение счастья, которым хочется поделиться со всеми, дать каждому, подарить всему

миру или просто видеть, как оно цветёт в Юлькиных глазах.

Пусть лучше Серёга без моих прибауток расскажет о дымящих снегом вершинах; замёрзших речках и остекленевших водопадах; санках, которые зачастую тащили на себе, вместо того, чтобы катиться в них... И о том, что лишь зимой видно с Победы пустыню Такла-Макан, желтеющую на горизонте. Только пусть не рассказывает, как его, полумёрзшего, из трещины я еле выволок, зачем настроение девушке портить?

А через два дня в целях акклиматизации мы бодро вели сборную группу альпинистов к истокам ледника Фортамбек на старую стоянку.

Никакой надобности в присутствии сразу двух спасателей в этом походе не было. То, что Серёгу и Юльку потянуло друг к другу, заметили уже все и лишь улыбались. А я просто хотел видеть её словно в последний раз перед большой разлукой. Не сказал Юльке, что не женат. Ведь пришлось бы объясняться: не могу её забыть, все ещё люблю и все такое... Зачем? Вон как она смотрит на Серёгу! Он — герой, и не только в её глазах.

Но, чёрт возьми! Так хотелось, чтоб она заметила: «барсов» вообще-то в отряде — двое.

Ледник зиял трещинами, осыпался щебнистой крошкой и вздымался перед нами айсбергами древнего льда, который ещё мамонтов помнил. Саша Старых отлично вёл группу. Юльке несказанно повезло, что он был их руководителем. С таким руководителем можно, не дрогнув, с нуля на Эверест идти. И вот мы из-за зубцов нарастающего льда вышли к старой стоянке.

Хижина — на месте, в стороне сложены зачем-то рельсы. Кто их сюда на четыре тысячи метров доставил и зачем — тайна великая. В базовом лаге-

ре ребята уже легенд девушкам понарасказывали про чудика, что тут живёт. Про то, что собаки тут лают просто на воздух, по ночам вытьё слышно и пение из хижины. Все эти байки начались с зимнего восхождения на пик Сомони российских альпинистов. Что им привиделось под завывание ветра — неизвестно, но истории получились занятные.

Не доходя до хижины, скинули рюкзаки. Наконец-то немного зелени и отсутствие льда, можно постоять, полюбоваться каменной стеной, почти отвесно поднимающейся над поляной и ниспадающим с неё ледником Трамплинным. Вдалеке, за ледником, величественно сверкала шапка пика Исмаила Сомони. Спокойствие разлито в воздухе, чуть слышно дул ветер, слегка шелестя в ушах. И вдруг отдалённый грохот — лавина сошла где-то на Трамплинном.

Саша Старых посмотрел на хижину:

— Паш, сходил бы посмотрел, можно там переночевать?

Пока шёл к хижине, думал: не похожа она на обитаемую. Что-то напутали с отшельником в горах. Подошёл ближе, ну так и есть! Дверная ручка прикручена к ушку на косяке стальным тросом. Такой аккуратно свитой петлёй, что я невольно задумался о недюжинной силе рук это сделавших. Кусачек у меня с собой не было, и, заметив, что окно давно выбито, я решил влезть в хижину через него.

Пролез. Внутри — чисто и прибрано. Газовый баллон, двухкомфорная плитка, сверкающая алюминиевая чашка на старом столе, какие-то вещи, аккуратно сложенные в углу... Скамья, стул... Огромный баннер «Ред Фокс» прикреплен к стенке. Странно. Значит, тут живёт кто-то?

Выбрался наружу, наши ждут меня, встав полукольцом. Доложил:

— Она точно обитаемая. Хозяин через окно ходит, гостей, видно, не ждал.

— Ну тогда лагерь разбиваем, — чуть заметно улыбнулся Саша. — Может быть, придёт ваш отшельник, поговорим с ним о пути в Шамбалу. Где он её тут видел?

При слове «Шамбала» я вдруг ощутил холодок, пробежавший по спине. Оглянулся, и показалось, будто Трамплинный и есть ворота эти... белые, сверкающие, зовущие в неизвестность.

Отшельник не появился. И мы, пошутив немало по этому поводу, разбрелись по палаткам спать. Посреди ночи меня разбудил странный звук. Пение? Что-то протяжное и тоскливое висело в воздухе. Вылез из спальника, прислушался. Воет. Ветер? Но стены палатки даже не трепетали. Выходить вдруг резко не захотелось. Проснулся Серёга. Молча сидели и слушали странное пение, наконец, решили выйти наружу.

В воздухе — небольшая горная тяга, свежесть. Хорошо. И никакого воя. Повернулся в сторону хижины и вздрогнул — в окнах свет. Переглянулись с Серёгой и бегом туда. Заглядываем бесцеремонно в окно: никого. Старая керосиновая лампа стоит на столике и ярко светит. Я аж перекрестился, но видение не исчезло. Серёга отпрянул от окна, тихо прошептал:

— Вышел, наверное, куда-то. Давай подождём.

Сели под стеной, рассматривая призрачный белый пейзаж вокруг. Холодно вато сидеть, не двигаясь. Встали, потопали ногами. Снова оглянулись на окно и остолбенели. Рамы застеклены! Серёга потянул меня за рукав:

— Идём отсюда.

А я отмахнулся и пошёл к двери — так и есть! Никакого троса на ручке, и дверь слегка приоткрыта. Постучался. Тишина. Рванул дверь на себя, широко распахивая. В хижине темно, ничего не видно, и вдруг голос:

— Заходи, негоже стоять на пороге и холод в дом пускать.

— Извините, — зашёл внутрь, захлопнул за собой дверь.

В темноте — чирканье спичек, искра, и вот старая керосиновая лампа вновь загорелась мягким жёлтым светом.

Отшельник — неопределённого возраста бородастый человек в заношенной куртке и потёртых джинсах — любезно кивнул мне, указывая на колченогий стул. В хижине тепло, хотя печка не топилась, пахло чаем с душицей. Я уселся на стул и для начала решил улыбнуться:

— Доброй ночи. А ведь я, честно, не верил в байки про вас.

— Знаю, Павел, знаю. Чаю будешь?

— Откуда знаете моё имя?

Отшельник улыбнулся, по-доброму так, но с ответом не торопился. Поэтому, расстегнув ставшую уже жаркой куртку, я осторожно спросил:

— Ну а вас как звать?

— Бхикшу.

Я кивнул, собираясь спросить, давно ли он тут поселился, как Бхикшу опередил меня:

— Ты сегодня видел что-то?

— Не совсем понял вопрос. Вы о чём, собственно?

Он помрачнел:

— Тогда ты рано сюда пришёл. Или я ошибся. Уходи.

— Погодите, — мне показалось, что знаю, о чём он спросил, — я видел.

Испытующий взгляд друг на друга, реальность качнулась, и мне открылся светлый город, отражающийся в зрачках Бхикшу.

Когда наваждение рассеялось, то оказалось, что мы сидим с Серёгой под стеной хижины. Серёга спал. Я толкнул его в бок и поднялся на ноги. В хижине не было никакого света, окно по-прежнему выбито, а дверь закручена стальным тросом.

— Паш, да мы никак уснули? — Серёга подошёл со мной к двери, потоптался. — Идём назад, холодно тут.

Наутро я, конечно, рассказал всем, что было. Девчата от души веселились, а Серёга утверждал, что мне всё приснилось. Юлька, грея руки о кружку с чаем, смотрела со смешинками в глазах:

— Как тебе всё это в голову пришло? Как, говоришь, хозяина зовут?

— Бхикшу.

Все снова рассмеялись. Лишь Саша Старых тихо сказал:

— Это не имя. По-моему, так называют тибетских монахов какой-то там стадии посвящения.

— Поправочка, — вырвалось у меня, — это памирский монах, а не тибетский!

В награду я получил тумак от поперхнувшегося чаем Серёги.

Возвращались в базовый лагерь весёлые и довольные походом. Погода всё время баловала нас, смартфоны девчат ломались от синееющих панорам ледника и улыбок на фоне белых гор. За четыре дня похода Серёга и Юлька прочно прикипели друг к другу. Стоило одному открыть рот, как вторая продолжала его мысль. Синхронно смеялись и многозначительно понимающе молчали, сидя на камне, прижавшись спинами друг к другу. И теперь я видел то самое счастье в Юлькиных глазах, которое всег-

да желал ей. Непривычная грустная радость поселилась во мне, наполняя дни созерцанием горных вершин и воспоминаниями школьных лет.

Уже на подходе к базе нас вызвал комендант лагеря. Оказалось, двое коммерческих альпинистов без подготовки решили идти на гору. Одному стало плохо, второй — молодец — решил его спускать, но сами не справляются. Спасатели Док и Леха вышли на помощь.

Серёга призадумался, потом с сожалением ответил:

— Мы не успеем. Далеко ещё. Пошлите кого-нибудь...

— Там некому, все ж без акклиматизации. — Я забрал у начспаса рацию. — База, это Павел. Скажите ребятам, скоро буду.

— Принято, Паш. Ждём. Конец связи.

Я скинул рюкзак, вручил Серёге, а сам короткой тропой рванул к ребятам, минуя лагерь. Для того-то мы заранее и прибыли, чтоб быть акклиматизированными на случай таких казусов.

Догнать Леху и Дока не получилось, но я встретил их, когда они тащили безвольное тело вниз. Второй альпинист угрюмо брёл позади, нагруженный двумя рюкзаками. То и дело спотыкался, останавливался, шатаясь, и героически шёл дальше. Кажется, я — вовремя. Забрал у него рюкзаки и потопали вниз. Никогда не переведутся на свете самонадеянные люди, рискнувшие пошутить с горами.

Интересно, что на этот раз загадали Леха и Док? За каждого «тяжёлого» они давали какой-нибудь обет. Док, когда пришёл к нам зелёным выпускником медакадемии, курил по пачке в день и чуть не получил кличку «Паровоз». В первой же спасоперации, придерживая за голову умирающего, покрытого инеем альпиниста, он поклялся: если тот вы-

живет, Док бросит курить. Альпинист выжил, Док сдержал слово — не курит. Потом они с Лехой заре-клись не пить. Опять же получилось. Никаких отме-чаловок и по «пять капель». Только чай и кофе.

Что только не обещали в обмен на жизнь спасае-мого! Три года не менять место работы, отказаться от восхождения на вершину, не материться...

Помню, однажды Док сказал:

— Я отдал за них всё. У меня ничего больше нет. И в следующий раз не знаю, что дать судьбе в об-мен.

— Может, свечку в церкви? — неуверенно предло-жил Леха.

— Может...

С тех пор они приходили после сезона в пер-вую же церквушку и ставили свечки пачками... По-том и я с ними, когда кончилась фантазия на обеты.

Серёга пока не знал о нашем командном обычае. То-то удивится!

Мы молча шли по склону, менялись. Тащили без-вольную «тушку» вниз. Док время от времени про-верял состояние больного, пару раз вколол поддер-живающее, но это мало помогало. Наш альпинист был в полуобморочном состоянии со всеми при-знаками сердечной недостаточности. На очеред-ном передыхе я увидел: нас кто-то догоняет сверху с горы. Там же никого нет, эти двое — первые! Связался по радию с базой, оттуда подтвердили: на горе никого кроме нас. Что за ерунда? Незна-комец ходко спускался, видно, что человек при-вычный, бывалый. И вот подошёл ближе... Я гла-зам не поверил — отшельник Бхикшу. Остановил-ся, посмотрел на горемыку, которого мы спускали, и спокойно так:

— Нормально, жить будет. Давайте помогу.

— От помощи не откажемся. Спасибо.

Бхикшу улыбнулся, развёл руки в стороны, заки-нул голову к небу и тихо что-то зашептал. Я смо-трел на него, ощущая, как усталость проходит, усту-пая место бодрости. С удивлением перевёл взгляд на себя, ожидая увидеть вливающуюся энергию, но нет — чудо невидимо. А отшельник тем време-нем подошёл к больному, коснулся рукой его лба, словно температуру проверил. И неживое лицо аль-пиниста тут же стремительно набрало здоровый ро-зоватый оттенок. Веки дрогнули, он открыл гла-за, зашевелился, сел на снег, повертел головой и... вскочил на ноги:

— Ребят, спасибо, я сам до лагеря уже.

Док потянул его вниз:

— А ну не горячись. Погоди! — Осмотрел, пощу-пал пульс, задал пару вопросов и слегка опешив по-вернулся ко мне. — Слышь, он здоров как бык... Как это?

Мы оторопело смотрели друг на друга и на Бхик-шу. Тот улыбнулся, потрепал Дока по плечу:

— Я же слышал, что вам платить больше нечем... — И исчез, будто не было его.

— Он что — Бог? — был первый вопрос Дока.

— Не знаю. — Я смотрел на то место, где секун-ду назад стоял отшельник, и понимал, что ниче-го не понимаю. — Ладно, ребята, идём вниз. И это... вертолёт отменить надо.

Три последующих дня весь лагерь переспрашивал у нас подробности этой истории. Юлька крутилась вокруг меня, заглядывала в глаза и слушала в кото-рый раз, как всё было. Потом выдала:

— Серёга сказал, что вы всегда всех спасаете. И ваш отряд самый надёжный. Представляешь?

Так и сказал: «Я Паше, не думая, жизнь доверю!» — А это правда, что ты его из трещины вытащил? И ты, выходит, тоже зимний барс. Да?

Вопросы сыпались один за другим. Ей всё было интересно и всё надо было знать. Я не ожидал оказаться в центре внимания и по своей идиотской привычке отшучивался на половину вопросов. А глаза Юльки светились восторгом. Она восхищённо рассматривала меня, будто впервые увидела. Носилась между мной и Серёгой, и я уже не знал, кто из нас двоих ей нравится больше. Вот ведь женщины!

Пару раз наши с Серёгой взгляды скрещивались поверх Юлькиной головы, и я поспешно отворачивался, уходя от немого разговора.

Вечером в палатке, пакуясь в спальник, начспаса недовольно буркнул:

— Ты что творишь, а?

И вдруг я осознал, что мне очень трудно ответить. Прекрасно понял, к чему вопрос, но слова не шли, застряв где-то между совестью и эгоизмом. Видя, как оттаял от своего развода Серёга, и вспоминая поход по леднику, понимал: я должен засунуть свои школьные мечты куда подальше. В конце концов, что мы хотим для друзей и любимых? Счастья! И оно было с избытком у Серёги и Юльки. И я никогда не смогу сделать её такой же счастливой, как бы ни мечтал об обратном.

Серёга, не дождавшись ответа, что-то зло буркнул, выключил лампочку, послышалось вжиканье «молнии» спальника.

— Погоди. Ты не так понял. — Я решил, что надо сказать ради Юльки, себя и Серёги. — Мы с ней просто одноклассники. Понимаешь?

— Одноклассники, значит? — тут же откликнулся начспаса.

— Да. И прекращай дурака валять. Не со мной она на Фортамбеке слушала песню гор. С тобой.

Серёга шумно выдохнул, сел. И я скорее ощутил, чем услышал, как он открыл рот для резкого

ответа, но... вместо слов палатку наполнила тишина, которая всегда звучала между нами на заснеженных склонах, над пропастями, над протянутой другом рукой...

За тонкими стенками палатки дышали горы. Чуть дрожала земля, ветер шептался с тентом, а мы молчали, вращая в такую привычную беспокойную тишину. Где-то далеко прогрехотал камнепад, раскатистым эхом отразившись от гор и нарушив наше молчание.

— Завтра у всех выходы на маршруты, — Серёга зевнул и буднично добавил: — Ты эти горы лучше знаешь, так что буду ориентироваться на тебя. Окей?

— Окей.

— Ну давай спать уже, а то завтра рано вставать.

Серёга упаковался в спальник, а я улыбнулся в темноту. Хорошо решать чужие проблемы, кто бы мои решил.

На следующий день первые команды двигались по горе к промежуточным лагерям и при каждой радиосвязи справлялись — как там отшельник, не появлялся? Не исцелил ли ещё кого-нибудь? Может, ещё какое чудо явил? Шутники.

Наши девчата тоже ушли вверх на свой шеститысячник, а с ними — к тихой ярости Сергея — два улыбчивых испанца.

Погода радовала: в синем безоблачном небе сверкали манящие пики. С Корженевской и Сомони развевались снежные «флаги», словно горы дымили. Мы в лагере ставили булавки на карте, отмечая, где какая команда. От базы маршруты шли не только на пики Сомони и Корженевскую, но и на горы пониже, коих в изобилии вокруг лагеря.

Серёга хмурился:

— Смотри, сколько людей на горах. А нас всего четверо. Не дай Бог...

— А ты не каркай, — строго оборвал его Леха, — и так первый поднимавшийся оказался первым же пострадавшим. Нехорошо это.

— А что ещё хуже, нам просто так помог этот Бхикушу, мы даже зарок не давали, а он... — Док махнул рукой и уставился на карту.

Серёга молчал пару секунд и вдруг:

— Какой зарок?

Мы переглянулись, но ни один из нас не торопился рассказывать. Начспаса вопросительно смотрел на меня, требовательно так, будто я самый знающий. Пришлось ему выложить про наш обычай, введённый Доком. Я ждал какой угодно реакции, но не той, что последовала:

— Ах вы, сукины дети! Вот почему у вас нет лета-лок! Вашу ж...

Док и Леха заткнули уши. Они ж обет давали не материться. Серёга осёкся, улыбнулся:

— Хм. Не выражаться, помню. Теперь я с вами, моя очередь зарок давать. И надеюсь, что не понадобится!

Вечером следующего дня с метеостанции пришла тревожная информация: на нас шёл шторм. И через сорок шесть часов он будет здесь. Комендант, тихо ругнувшись: не могли раньше сообщить, — сел за рацию. Сакраментальное: «Всем с горы!» — полетело в эфир. Начались обычные пререкания с командами.

А я мерил карту пальцами и кусал губы. Девчата ушли достаточно высоко и далеко от лагеря. Провизии на «переждать» у них хватит, но на подъём — нет. И на ту гору мы не делали дополнительных забросок, не планировали, что кто-то на неё пойдёт. Саша Старых, услышав новость о шторме,

решил немедленно поворачивать назад. И сообщил, что испанцы, обогнав их, ушли выше. Сколько комендант лагеря ни пытался вызвать испанцев — ответа не было...

Потянулись тревожные часы ожидания. Все команды пошли вниз. Оказаться в шторме на высоте не хотелось никому.

К концу дня внезапно вышел на связь Саша Старых и сообщил, что у испанцев беда. Один неудачно упал и сломал ногу. Второй — догнал группу девчат и попросил помощи.

Сергей взял рацию:

— Саша. Это Сергей. Спускайтесь. А мы идём к испанцам.

— Сергей, ты понимаешь, вам нужно дня два, чтоб подняться? В аккурат к шторму. С ума сошёл?

— Поднимемся за сутки. Спускайтесь! Как понял?

— Понял. Но спуститься не могу. Испанцы погибнут. Попробуем снять его своими силами.

Вот так... Девчата будут снимать с горы здорового двухметрового испанца.

Ещё минут пять Сергей и Саша препирались. Кончилось тем, что Саша принял решение: девушек отправить вниз под командой Юльки, а самому с испанцем идти в верхний лагерь.

Я хорошо знал те склоны. Прикинул расстояние и сложность, результат не обрадовал: шторм накроет всех троих на высоте выше шести тысяч. Тихо сказал Серёге об этом и добавил:

— Выходим сейчас. Или потом будет поздно.

— Чёрт! — Сергей прошёлся по палатке. — Вот какого хрена бежать с такой скоростью по горе? Давайте трезво смотреть, мы успеем туда за сутки? Команды поднимались четыре дня.

— Там провешены хорошие перила, — уверенно заявил Леха, — если пойдём по ним, успеем.

— Тогда выдвигаемся!

На гору мы уходили уже в ночь. Первые высоты преодолели ходко; учитывая наш темп, должны были успеть снять испанца до шторма. Утром нас огорошила первая новость: шторм усилился и накроеет гору значительно раньше. А ещё через пару часов мы встретились с девушками, которые быстро спускались.

Юльки с ними не было...

* * *

С карниза падает мягкий ком снега, завалив голову и руки, оборвав мои воспоминания. Перецепляю жумар. Белая пыль вихрями пляшет перед глазами. Снег летит снизу, подбрасываемый ветром, вьётся над скальным ребром, осыпая меня холодными искрами. Выбираюсь на карниз, перелезая через ледовый барьер. Добрался! Мы прошли отметку шесть тысяч триста. Дышать тяжело, да ещё ветер забирает без того скудные запасы кислорода. По ребру метёт снег, унося реальность в облако тумана. Помогаю выбраться Серёге с его тяжёлым рюкзаком, ждём вторую связку: Дока и Леху. А вот и они. Ветер прижимает книзу; отходим согнувшись от края ребра. Снег лежит рыхлый, глубокий по колено. Меняемся с Серёгой местами, теперь мне нести рюкзак, а ему — протаптывать дорогу: «тропить». Он уходит вперёд налегке, у него лишь вода и небольшой кислородный баллончик на всякий случай. Иду, проваливаясь в его следы, ребята — за мной. Мысленно говорю Юльке: «Держись там, коза! Мы уже близко с горячим чаем и дексаметазоном». Надо ж было ей надумать вернуться! Решила, что мужики без неё не справятся. Теперь сидят все в ледовой пещере, и последнее, что мы знаем: у Саши Старых начался грудной кашель.

Кажется, ветер стихает. Снег падает мягко и ровно, мы идём в густом снегопаде. Странное ощущение под ногами, нехорошее, будто наступаю на снег не в полную силу... Не успел просигнализировать Серёге, как склон впереди меня уходит. Синие трещины стремительно чертят белое полотно, на котором маячит одинокая фигурка начспаса... Лавина! Быстрый разворот, взмах ледорубом. Рывок верёвки сбивает с ног, отбрасывает назад и вниз. Зарубаюсь, лечу по снегу в облаке снежной пыли на остро-рванный край обрыва. Толчок! Темляк впивается в руку, замёрзшие пальцы едва не выпускают рукоятку. Ледоруб зацепился, наконец-то! Я, дёрнувшись, завис на склоне, распластавшись как лягушка. Белый вал рокочущим чудищем катится рядом, обдавая комками снега, и с глухим уханьем падает в пропасть позади меня. Ощущаю рывок серёгиной верёвки и резкую отдачу. Срыв?

Оглядываюсь на острое скальное ребро, верёвка свободно лежит на нём. Чёрт, да её ж об камни обрвало! Встаю, скользя и спотыкаясь, иду к скалам. Ребята нагоняют... Стоим, смотрим в белое бездонье метели — туда, где бесследно исчез наш Серёга.

Я знаю этот склон, тут пропасть метров триста — триста пятьдесят. А внизу — скалы. Голые острые скалы. До сознания медленно доходит, что Серёги больше нет. Но сердце отказывается верить. Словно бездушный робот включаю рацию и связываюсь с базой. Говорю им. Они переспрашивают... И мне опять и опять приходится повторять:

— Сергей погиб. Как поняли, база? Подтвердите.

Слова страшные, лаконичные висят в воздухе: «Лавина» — «срыв» — «идём дальше». В голове бьётся пульсом мысль: «Как я Юльке скажу?»

Отходим от обрыва, и тут меня накрывает. Валиюсь на колени в снег: две минуты дайте мне!

Всего две минуты, проститься с бездонной пустотой за краем скалы. Док и Леха переглядываются и опускаются в снег рядом со мной. Молчим.

Снегопад закончился, последние снежинки летят в пропасть, куда унесла лавина Серёгу. И вдруг облака расходятся, открывая закат. Склон Горы заливаётся красным, сверкающим светом, жёлтые искры кружат в морозном воздухе. Поднимаюсь на ноги, вглядываясь в полыхающее солнце, и вдруг кажется, что Серёга зовёт на помощь, как тогда на зимней Победе, когда он в трещину провалился. Трясу головой, вслушиваюсь в разгорающийся закат... Нет, конечно не может быть. Но мысленно клянусь: «Я вернусь за тобой, Серёга, обещаю».

Док неуверенно трогает меня за плечо. За зеркальными стёклами не видно глаз, но ощущаю виноватый, растерянный взгляд.

— Что делать будем, Паш?

— Идём, — машу рукой в сторону затянутого облаками пика, — мы нужны там. Я иду первым, вы — за мной. Аптечку берегите.

Растягиваемся цепочкой по склону и упрямо бредём по снегу к замерзающему в облаках лагерю.

Темнеет. В облаке, накрывшем гору, почти ничего не видно. Мы успели за сутки, теперь бы разыскать в тумане вход в пещерку. А вот и жёлтый яркий язык фляжка мечется на ветру, отражая свет фонариков. Спускаемся на четвереньках. В пещерке просторно. Прошлым сезоном, когда здесь много постояльцев было, её хорошо расширили. Включаю походный фонарь. Свет выхватывает неподвижные тела, кое-где присыпанные снегом, разбросанные рюкзаки, скрученную у стенки человеческую фигуру. Это ж Юлькина куртка! Ки-

даюсь, трясую её за плечо. Лицо у неё синее, иней на бровях. Док и Леха тормозят мужиков... Из ярких капюшонов на нас выглядывают неподвижные холодные лица.

Такого не может быть. Не могли они замёрзнуть в пещерке! Секунда, две... оторопь проходит. Док снова наклоняется над испанцем, засовывает руку ему за ворот, щупает пульс на шее.

— Живой!! Братцы, они живые, перемерзли просто. Давайте...

Я снова к Юльке, она открывает заиндевевшие ресницы, смотрит, хлопая глазами, ничего не понимает. Испанец, еле шевелясь, поднимается, что-то лопочет по-своему. Второй тоже очухался.

Аромат горячего чая взвился над термосами, захрустели обёртки сникерсов. На замёрзших лицах такие же замёрзшие улыбки. Юлька шепчет:

— Спасибо, — и впивается зубами в застывший коричневый шоколад.

Мужики захлюпали носами — оттаяли, закашляли. Со свистом втягивают в себя горячий чай.

Пытаюсь расшевелить Сашу Старых... Реакции нет. Глубокая до черноты синева вокруг глаз и иней на щеках наводят на плохие мысли. Док открывает его глаза, светит в них фонариком, щупает пульс... Опускает руку и отрицательно качает головой.

Мы не успели.

Высота взяла своё, и сердце Саши отказало. Видимо, перенапрягся, таща испанца до пещерки. Юлька сбивчиво рассказывает про то, что Саша кашлял... а потом, потом все просто погрузились в тяжёлое высокогорное забытьё. У них даже сил не было достать спальники и залезть в них.

Док хмуро раскрывает свой увесистый рюкзак, извлекает таблетки, ампулы и шприцы, сейчас на-

качает всех. Нельзя оставаться им в таком состоянии на высоте. Но смогут ли идти вниз?

Выхожу из пещерки на склон. Белая мгла обступила со всех сторон. Идёт снег. Снова! Мы не можем спускаться в таком снегопаде троих еле живых людей, да ещё у одного — поломанная нога. Док выходит за мной:

— Паш, тут такое дело.

— Говори.

— У Юльки началась рвота. Похоже — отёк мозга.

— Да ну! — резко поворачиваюсь и смотрю на Дока. — Дексаметазон?

— Вколлот, конечно, четыре кубика. Но... кислород мы потеряли вместе с Серёгой. Надо срочно всех вести вниз.

Иначе...

Мысли лихорадочно мечутся. Такого провала у нас не было ни разу. Мы все тут останемся. Все до единого! Чтоб спустить покалеченного испанца — нужно четверо человек. Чтоб спустить Юльку — нужно четверо человек. Чтоб забрать тело Сашу, нужно ещё двоих... А нас — всего трое. Ладно, там ещё полуживой вымотанный испанец, который сбегал накануне вверх-вниз два раза. Док похлопал меня по плечу и ушёл в пещерку.

Стою на морозе. По ощущениям градусов тридцать ниже нуля.

Хорошо, нет сильного ветра. Думаю... Ничего не могу придумать. Включаю рацию, вызываю базу. Слегка трещит эфир. Голос коменданта врывается ликующим тенором:

— Паша, слава Богу! Ну что там? Как они?

Рассказываю, что потеряли Сашу, что Юлька на грани, что живым мы, похоже, приведём только покалеченного испанца, он лучше всех себя чув-

ствует. Нам нужна помощь. Спасотряд вызывает помощь из лагеря.

— Мы пришлём, как только будут люди. Держитесь! Пока первые спустившиеся ещё только во втором лагере.

Во втором лагере! Уставшие от быстрого спуска и толком не акклиматизированные. Будить этих людей сейчас и гнать к нам на высоту — это убить их.

— Мы справимся!

— Понял, Паша. Пришлю людей, но только утром.

Выключаю рацию. Утром они выйдут из лагеря и будут идти до нас ещё сутки, если смогут держать тот же темп, какой держали мы, что вряд ли, ведь шторм их встретит значительно ниже, чем нас. До окончания непогоды ещё три дня, если синоптики не врут.

Смотрю перед собой. Да, у меня так же, как и у Дока с Лёшей, больше нечего предложить в обмен на три жизни. Свечку? Свечку, да? Усмехаюсь. Мы так высоко: на шести с половиной тысячах метров. Небо — рядом, ближе, чем земля. Мы за чертой жизни. Здесь уже никто не живёт, если не считать смешных микроскопических тихоходок. Но я их никогда не видел. Странные мысли лезут в голову на высоте. Вот причём тут тихоходки? Отрешённость и пустота в душе. И один вопрос: «Зачем?»

Страхиваю оцепенение. Это просто шок. Пройдёт. Стискиваю зубы. Не в первый раз я залез так высоко, а вместо жизни принёс вниз завёрнутый в тент труп. Такое бывает, что мы опаздываем, но я говорю: «Нет, не в этот раз!»

У меня остался только я сам. Смотрю вверх, на падающий в темноте снег, небо так близко, ру-

кой достать. Если приведём их живыми, я готов на всё. И вспоминаются слова: «В руки Твои отдаю душу мою». Склоняю голову покорно, и ветер стихает. Снег повисает недвижно в воздухе, мгновение растягивается в вечность... и чудится мне, что слышу ответ небес...

— Паша!!! — Леха вылетел из пещерки. — Пашка, Саша очухался. Живоооо!

Вздрагиваю, лезем в пещерку, Саша уже пытается чай пить, держа кружку скрюченными, еле шевелящимися руками. Юлька с вымученной улыбкой помогает ему, оглядывается на меня и спрашивает:

— А Серёжа где?

Вопрос, которого я боялся больше всего. Вот как ей скажу? Кашляю, поперхнувшись своей мыслью, отвечаю:

— Он внизу... остался.

— А... — Она смотрит задумчиво и снова переводит взгляд на Сашу, помогает держать ему кружку. — Внизу? А... Координирует по рации? Он же у вас начальник. — Слабая улыбка и надежда в глазах.

— Да, координирует, — эхом отзывается Леха.

Достаю батончик милкивей — любимый Юлькин со школы — и протягиваю ей:

— Для тебя, от Серёги.

Она хватает свободной рукой, расцветает:

— Спасибо!

Я молча улыбнулся, пусть не знает, что не от Серёги это, а от меня. Кто ж ещё в отряде может знать её школьные привычки?

В пещерке тесно. Мы уже надышали, со свода падают капли. Окидываю спасотряд взглядом: Леха и Док выглядят не лучше тех, кого спасаем. Распикиваю рюкзаки, бодро говорю, что будем ночевать здесь. Пойдём завтра утром. Док кивает: ме-

дикаментов хватит продержаться до утра. Колоть будет при необходимости Юльке каждые два часа, да и таблетки кое-какие есть.

Усаживаюсь в уголок и только тут понимаю, что внутри всё дрожит от бухающего сердца, а желудок сводит. Мы же сутки не спали, шли без остановки. Достаю плитку чёрного шоколада и вгрызаюсь в него под судороги в голодном желудке. Леха и Док тоже падают, где пришлось. Пьют чай, грызут батончики. Концентраты и заветную тушёнку доставать нет ни сил, ни времени. Саша Старых дышит тяжело, но пытается улыбнуться. Молодец, мужик.

В пещерку кто-то влезает на четвереньках. Пар мешает рассмотреть — кто. Я забыл про шоколад, увидев старую поношенную куртку. Слишком хорошо её знаю, куртку эту. Бхикшу.

Отшельник усаживается и спокойно так:

— Здоров, мужики! И вам, леди, наше с кисточкой. Чайку не нальёте?

Леха и Док сидят с разинутыми ртами. Наливаю чай, протягиваю отшельнику, смотрим в глаза друг другу. И снова вижу там далёкий манящий город.

Бхикшу шумно пьёт, шмыгает носом, широко улыбается:

— Спасателей вызывали?

— Ангелов вызывали, — невольно улыбаюсь ему в ответ.

Он кивает, окидывает нас взглядом, каждому что-то доброе говорит. Мне уже не важно — что, просто ощущаю нечеловеческую силу и уверенность, исходящую от этого... отшельника, и понимаю: мы спасены.

Он душевно улыбается и снова разводит руки, как тогда на склоне. Голову запрокидывает к за-

леденевшему своду, замирает... Странный гул наполняет пещерку. Своды кувуркаются над нами, вихрями взлетает снег, мелькают звёзды... Мимолётное ощущение пустоты и полёта. Падение в чёрно-синюю бездну. Всего миг, который даже толком не зафиксировали глаза, и вот мы перед палатками базового лагеря. Сидим точно так же, как сидели в пещерке, а сверху падают наши рюкзаки, шлёпаясь, как лежали.

Я даже шоколад из руки не уронил. Несколько мгновений смотрим по сторонам и друг на друга. Потом начинаем смеяться от счастья. Выкрикивать какие-то бессвязные «спасибо» в адрес отшельника, неба, Бога и судьбы.

Встаю и иду в палатку радиосвязи. Комендант лагеря дремлет, навалившись на стол. Рядом так же прикорнул наш повар. Рация стоит включённой, ждёт вызова. Кашлянув, чтоб не испугать их, здороваюсь. Комендант трясёт головой, смотрит на меня недоумённо:

— А сколько времени?

— Не знаю, ночь. Помогите дотащить до медпалатки испанца.

Ребята выходят, помогают с испанцем, потом с Сашей. Наконец, до коменданта доходит:

— Паш, а вы как тут оказались?!

Рассказываю, он трясёт головой, потом махнув рукой:

— Ладно, спать иди, утром нормально объяснишь. А то сказки какие-то...

Утром возле умывальников натыкаюсь на Леху и Дока. Они вместо «доброутро»:

— Представь! Сегодня заглянул в медпалатку, а они все здоровые! Будто ничего не было. Осмотрел ногу испанца: ни отёка, ни опухоли, и боли нет... я уж не знаю, там вроде как костная мозоль

образовалась. Вот как? Бхикшу опять просто так помог?

— Не знаю, по-моему, нет. Я...

— Что ты пообещал? — Док пытливо вглядывается в меня. — Говори, всё как есть.

— Я не то чтоб пообещал. Я сказал, что покорюсь воле...

— Просто покоряешься? То есть? Хм... — Красноречие друга иссякает, и он растерянно замолкает.

Леха же тихо:

— Может быть, это — самое правильное. Смириться с тем, что кто-то умрёт? Ведь мы всё-таки не боги... Мы просто спасатели. А так получается, что идём наперекор?

— Не знаю. — Подхожу к умывальнику. — По-моему, правильно — это спасти всех, иначе какой смысл? — И плескаю в лицо обжигающе-холодной водой.

Вытираюсь и слышу девичий вскрик, повисший в ненастном воздухе.

Крик взвивается к вершинам и падает вниз на лагерь надрывным плачем. Юлька... Комендант ей сказал. Не смотрим с друзьями друг на друга, а она уже бежит к нам. Налетает на меня, трясёт за полы куртки:

— Почему ты не сказал? Ты сволочь, Пашка, сволочь! Он жизнь тебе свою доверил, а ты! — молотит кулачками по груди, кричит бессвязно, упрекает меня, что не уберёт, не сказал... что хреновый я спасатель. Конечно, хреновый.

Обхватываю её за плечи рукой и прижимаю к себе. Её трясёт от слёз. Говорю, как ребёнку, что-то ласковое, бессмысленное, глажу по голове. Леха и Док скорбно молчат, глядя на всё это. Подходит комендант, сухо бросает Доку:

— Дай что-нибудь успокоительное человеку.
А то ей плохо станет.

Док отбирает Юльку у меня и уводит в медпалатку.

Стою и смотрю в пасмурное серое небо, тихо шепчу:

— Знаю, что надо делать, только разреши... позволь... в последний раз.

Тучи дрогнув, расходятся, словно их раздвинула невидимая рука, на лагерь падает яркий солнечный луч. Улыбаюсь в ответ, потому что сегодня на краткий миг я могу изменять чужие судьбы.

Собравшись, покидаю лагерь, иду к лавинным сбросам... Никому не сказал, куда отправился. Начнут отговаривать. Иду и мысленно ругаю себя, что растяпы, не взяли бипы, и чем только думали, когда уходили в метель!

Юлькин крик всё ещё стоит в ушах, и её шёпот, когда зашёл попрощаться в медпалатку:

— Он же жив? Паш, он жив, да? Ты же спасёшь его? Ты же всех можешь спасти!

Ветер налетает порывами, рваные лоскуты облаков трепещут между палатками, которые ходят ходуном. Альпинисты, пришедшие утром с горы, сказали, что во втором лагере сорвало и разодрало палатки. Но, к счастью, все команды вернулись без потерь. И сейчас занимали свои места в лагере. Палатки остаются позади, иду по засыпанной снегом поляне, дальше к морене, часа через три выйду к сбросам, а там — посмотрим...

Под горой — затишье, ветер пролетает где-то выше. Дрожит весь хребет под ударами ветра. Лезу по камням, к огромному снежному конусу. Справа на камне примостились альпийские ромашки, выглядывают из пушистых листьев, смотрят на меня жёлтыми глазками. Хороший знак,

вот честное слово — хороший. Невольно улыбаюсь, огибаю скальный выступ, взявшись рукой чуть ниже ромашек. И снова чудится: зовёт Серёга меня. Ещё пара шагов... И точно! Зовёт! Бросаюсь по морене, прыгая с камня на камень. Серёга! Лежит между камней на снегу, стонет... нога неестественно протянута.

— Я пришёл, всё хорошо, Серёга, я пришёл!

Он мутными глазами смотрит, что-то пытается сказать. По радию вызываю ребят с базы. Сейчас прибегут скопом, потащат в лагерь... Слышу ликование в голосе коменданта, и сажусь рядом с другом без сил, вдруг понимая, что бесконечно устал.

Скрип снега, Бхикшу подходит и садится рядом:

— Рацию оставь Сергею. И пойдём. Пора.

Киваю, помогаю Серёге сесть так, чтоб не тревожить ногу, оставляю ему рацию, жму руку. Столько хочется сказать на прощание... но выдаю лишь:

— Юльку береги.

Он кивает, и мы уходим с Бхикшу за скальные выступы. Хочу оглянуться, но отшельник строго бросает:

— Не оглядывайся, когда путь выбран.

Горы раздвигаются, свет заливает длинное извилистое ущелье. Никогда не видел таких красивых долин. Останавливаюсь и вглядываюсь в хрустальную синеющую даль. Потом спрашиваю у Бхикшу:

— Это и есть путь в Шамбалу? Но почему я?

— Ты дал клятву покориться? Зачем тогда спрашиваешь? Дорога видна, иди.

— А ты?

— Я буду тут ждать, когда ты вернёшься и сменишь меня. Не вечно же мне вас, горемык, спасать.

Я делаю шаг по светлой песчаной тропе, и горы тихо сдвигаются за мной. **УС**

Hate!

Владимир Новиков

Родился 25 июля 1979 г. в городе Гомеле (Республика Беларусь). Окончил школу, затем физико-математический факультет Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Параллельно работал в Институте полимеров инженером-конструктором. После получения диплома отслужил в армии. Сейчас работает ведущим инженером на Гомельском стекольном заводе им. Ломоносова. Женат, две дочери. Участвует в сетевых литературных конкурсах. Любимый жанр — социальная фантастика.

Есть место на земле, где собираются феи. Поиграть в серсо, потрепать за уши трусливых дымчатых кроликов. А потом прокатиться на них взапуски. Отведать пирожков с овечьим сыром и черёмухой. Ещё земляничный чай на закате чудо как хорош!

Рассядутся на еловые лапы и любят вечерним багрянцем. Помахивают крыльшками и болтают ножками...

— И не говорите мне про Моа! — надула губы тучная в годах фея.

— А в чём дело, тётушка Бим?

Бим обвела взглядом собравшихся.

— Влюбилась.

И услышала в ответ:

— Ой, насмешила...

— С кем не бывает!

— Умора!

Бим дождалась, пока нестройный хор поутихнет, и продолжила:

— То-то и оно. Не всем везёт — в эльфа втюриться.

И голоса умолкли. Ведь известно: эльфы — надменные буки. И любить их — что грызть скалу. Отважившаяся на такое должна быть беззаветной авантюристкой. Либо полной дурой.

Наслаждаясь эффектом, Бим добавила:

— Эта пигалица ему и показалась ещё.

О, она прекрасно понимала: на этой фразе у многих глаза вылезут из орбит. И они таки вылезли.

— Пожалуйста, расскажи!

Тётушка Бим только этого и ждала.

— Моа у эльфа доспехи натирала, да и...

Тут она прервалась, будто вспомнила что-то важное.

— Эва, ты ещё здесь? Ну-ка спать!

Девочка поникла головой, но покорилась. А Бим продолжила:

— Хотя... эльф тот — красавчик, — и добавила мечтательно: — Была бы я помоложе...

Бедная Бим... она моргнула. Как делала неисчислимое множество раз. Но вдруг веки запротестовали — сомкнулись, отказываясь впускать свет. Как судорога, ментально охватывающая тело, её пронзила череда ярких образов. Каждый из них и все вместе, они разорвали сознание на мелкие клочки.

«Пустые глаза смотрят в небо. Когда-то в них была жизнь. Теперь она пролилась тут же, на пожухлую траву. Последние следы — бурые пятна, медленно впитывающиеся в землю. Это место хранит отпечаток страдания. Агония живёт, прожигая ткань мира. Боль, продолжается боль... боль...»

Видение прекратилось так же внезапно, как и началось. Тётушка Бим открыла глаза и осмотрелась, не понимая, где находится.

— Что молчишь? — спросил кто-то рядом.

— А что я должна сказать?

— Ну, Моа и эльф?

— Ах, это, — облегчённо воскликнула Бим. — Значит, она сердечко из цветов на столе выложит, он на них — тарелку с похлёбкой. Подружек разгонит, перинку взобьёт — а он на кровать в сапожищах. Говорят, по ночам волосы ему вычёсывала.

— А дальше? — спросил кто-то, шмыгнув носом.

— Не выдержала, бедняжка — показалась ему.

А эльф увидел — прогнал веником. Да орал ещё: «Ты смотри, как стрекозы разжирили!»

Тётушка размяла затёкшие ноги и стала раскланиваться:

— Спокойной ночи честной компании.

Она поднялась в воздух и не спеша, как подобает уважаемой особе, полетела прочь.

Но вскоре её окликнули:

— Тётушка...

К ней подлетела та самая Эва, которую отпраздники спать.

— Тебе не кажется, милая, — спросила тётушка Бим, — что ты давно должна видеть третий сон?

— Тётушка, — пролепетала Эва, смахивая с лица непослушные рыжие косички, — не ругайся.

— Чего тебе?

— А зачем ты летаешь к Замшелому камню?

— Ну-у, м протянула Бим, — ты точно хочешь знать? Эва закивала.

— Там живёт моя подруга, — сказала Бим. — Я её навещаю.

— А почему она не вместе со всеми?

— Долгая история, как-нибудь расскажу, а сейчас... Эва нахмурилась и выпалила:

— Всё равно полечу следом и разузнаю!

— Ну, не лупить же тебя? м улыбнулась Бим. — Ладно, летим. Вот только...

— Что «только»?! — радостно взвизгнула маленькая нахалка. Её веснушчатая мордашка просияла.

— Не обижайся, если что...

— Раньше её звали Кейт, — стала объяснять тётушка Бим.

— Она имя сменила?

— Не всё. Только одну букву.

— И как её теперь зовут?

— Х-х-х... м начала тётушка Бим и тут же осеклась. — Ой, не хочу говорить. Вроде за щёку напихали жареных каштанов. Причём натаскали прямо из костра...

Они добрались до Замшелого камня ещё засветло. Солнце прилегло на бок и собиралось с духом, чтобы нырнуть за край мира...

И вдруг снова:

«Пустые глаза смотрят в небо. То, что совсем недавно дышало, надеялось, любило, валяется на земле недвижимой гру-

дой. Воздух, всегда надёжный, поддерживающий, готов раздавить, вколотить в землю...»

Пожилую фею качнуло. Эва схватила её за руку и запричитала:

— Тебе нехорошо?!

— Фу-ух, — судорожно выдохнула тётушка Бим, — нормально.

Она потрясла головой. Опамятававшись, посмотрела вниз и указала:

— Вон она.

На берегу ручья, прислонившись спиной к камню, сидела незнакомая фея. Выглядела она отталкивающе. Волосы висели грязными сосульками. Платице, определённо бывшее когда-то шикарным, истрепалось до дыр. Руки покрывали свежие и затянувшиеся шрамы.

— Здравствуй, — поприветствовала её тётушка Бим.

Та не ответила, лишь едва заметно кивнула.

— Это Эва, — представила Бим спутницу. — Она захотела навестить тебя.

— Добрый вечер, — воспитанно поздоровалась девочка.

И вновь ответа не было. Фея не двигалась и смотрела сквозь гостей. Так, словно их не было.

— Поднимайся, глупенькая, ты же помнёшь крылышки! — не выдержала сердобольная Эва.

— И пёс с ними... — прервала молчание неряха.

Голос её был вязкий, тягучий, будто сосновая смола. И слабый, бесцветный. Вроде и не голос вообще, а лишь его затихающее эхо.

— Что ты?! Как же без радуги на крылышках?!

Та, чьё имя когда-то было Кейт, процедила сквозь зубы:

— Идите вы... со своей радугой.

— От тебя же дурманом и полыньё несёт, дурочка, — прикрикнула на неё тётушка Бим. — Ты снова...

— Снова, — перебила её замарашка. — А кто запретит?

Эва возмутилась:

— Зачем ты грубишь?!

Грубиянка вздохнула и ответила:

— Знала бы ты, как это — закрывать глаза... Не так бы запела.

Она поднялась на ноги и зачерпнула воды из ручья. Плеснула себе в лицо и побрела прочь.

Когда она скрылась из виду, Эва напустилась на тётушку:

— И это подруга? Хамка, каких свет не видывал!

— Дитя моё, не будь к ней строга, — постаралась оправдаться та. — Её жизнь — не мёд.

Но Эва не унималась:

— Ты не смотри, что я маленькая! Я чиню обувь — и запах не очень, и таскать тяжело...

От негодования она поперхнулась воздухом и закашлялась. Затем продышалась и несколько тише спросила:

— Тётушка Бим, не понимаю. Ну, глаза закрывает...

Что такого? Отчего она...

— Злая? — подсказала Бим.

— Недобрая, — поправила Эва.

Бим задумалась на мгновение, а потом ответила:

— Поверь, причина есть. Расскажу, чего уж... — и, чуть помедлив, добавила: — Я делала эту работу до неё.

Утро. Темнота крепится до последнего. Но дальше не в силах бороться: её когтистые лапы слабнут, выпускают линию горизонта. И новорождённое солнце гонит ночь дальше, на запад. Рваное одеяло утреннего тумана накрывает мирно посапывающую во сне землю. Со стороны кажется, что от мира оставили только половину. Вторую стёрли — не жалко. Причём осталась не лучшая из них — грязная щетина травы и унылые островки кустов.

В полумиле от леса туман расступается. Из него выплывает серая, выщербленная ветрами и дождями стена замка. Несмотря на раннее утро, здесь уже копошатся люди. Часть их, бряцая латами и шелестя кольчугами, неторопливо разбредается по полянке.

А чуть дальше, рядом со стеной, дюжина одетых в лохмотья простолодинов. Некоторые привалились к каменной кладке, не в силах стоять на ногах. Двое лежат на мокрой от росы траве и тихо постанывают. Те, что покрепче, сбились в кучу, подпирая друг друга плечами. Кажется, они из последних сил пытаются спрятать что-то за сторбленными спинами.

Фея слышит, как там, за ненадёжной стеной из человеческих тел, кто-то шепчет:

— Ляля, не смотри. Не нужно. Закрывай глазки. Это сон, доченька. А проснёшься, мы с тобой будем в другом мире. Я и папа. Там всегда лето, птички поют. А злых дяденек нет, они тебе просто приснились. Закрывай глазки, солнышко...

Но девочка упрямо продолжает смотреть. Они все смотрят до конца. Глазёнки превращаются в две яркие искры. Из тех, что прожигают душу насквозь... если она есть. Маленькая фея встрепенулась. Пришло её время. Она, в который раз стараясь унять дрожь в руках и коленях, взмывает в воздух. Получается не очень хорошо — нервно подрагивает всё нутро, её маленькое надтреснувшее сердечко. Взмахивая пепельно-серыми крыльями, крошка повисает над поляной.

Она поднимает руки к небу, шепчет сначала тихо, потом всё громче. Шёпот вырастает в песню. Мелодия стелется по земле, расплзается, будто тот самый туман. Есть в ней что-то от завываний ветра и волчьей стаи. Ещё — визг и надрывное хрипение. Так стонут вековые деревья под топорами лесорубов. Так вопит раненый зверь с надрезанным горлом, затихая и захлёбываясь в собственной крови.

Фею окутывает ядовито-зелёное облако. Краткий миг, и она на глазах начинает расти. Вот уже рост её вровень с самым высоким из дварфов. Ещё выше... по плечо эльфю... ещё...

Основательно подросток, она спускается с холма и медленно идёт к замку. Туда, где застыли измождённые, затравленные люди.

Подойдя к девочке, она приседает перед ней на корточки. Через силу улыбается и шепчет:

— Милая, ты же слышала маму? Закрывай глаза. Сейчас всё пройдёт, вот увидишь. Давай, я тебе помогу.

Фея прикладывает ладони к лицу девочки. Та сначала пытается отстраниться. Но, почувствовав тепло рук, изо всех сил льнёт к ним. Протягивает свои, в грязи пополам с кровью, ручонки. Хочет обнять, спрятаться...

— Вот так лучше, да, крошка? И совсем не...

Успела.

Фея чувствует, как, хищно ощерясь, сквозь неё проплывают арбалетные болты. Была бы её воля, они все остались бы в ней. Но нельзя, строжайше воспрещается.

Она слышит отчаянные крики, оборвавшиеся на взлёте. И среди них — пусть хоть на этот раз она ошибётся! — короткий всхлип ребёнка. Фея отворачивается... так и не научилась...

И тут силы покидают её. Она падает на землю. Тело сотрясают судороги. Фея страшно орёт, призывая всё добро и справедливость этого мира. Так громко, как только умеет. Даже ещё громче...

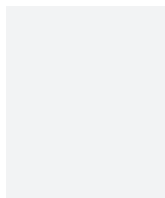
И, не получая ответа, понемногу затихает. Тыльной стороной ладони размазывает по губам кровавую пену. Поднимается на ноги. Делает два неуверенных шага — где уж тут взлететь... Её силуэт бледнеет. И, становясь почти прозрачной, она бредёт в сторону леса.

За её спиной пустые глаза смотрят в небо.

Та, чьё имя обратилось в Хейт, не может изменить ход вещей. Она, как и остальные, закрывает глаза. **У**

Всё получится

Арина Дубравина

— Дорогие сограждане. Сегодня чудесный день в нашем огромном чудесном городе, и мы вам расскажем о новом изобретении наших великолепных магических специалистов.

Летающая платформа. Скорость позволяет облететь вокруг планеты три-четыре раза за день. Никаких побочных эффектов.

Скорость можно менять — если хотите полюбоваться видами.

Холёная девица не поддающегося вычислению возраста на секунду перестала тараторить и самодовольно улыбнулась. Она явно была уверена, что буквально все смотрят на неё с восхищением и завистью.

Дива бросила мимолётный взгляд на сидящую рядом коллегу-ведущую и в который раз за годы совместного эфира подумала, что коллега не обладает её внешностью и шармом, так что пусть живёт, убогая.

«Убогая», дипломированный мэтр эфира Ноллани, молодая женщина, обладающая неброской внешностью и элегантно утончённостью, подняла глаза от текста и посмотрела перед собой. На носу звезды незаметно для зрителей сформировался прыщ, поёрзал по носу туда-сюда, затем переместился в сторону замысловатого воротника эфирного, в прямом и переносном смысле, наряда дивы и сполз по позвоночнику вниз. Судя по выражению лица дивы, переместился именно туда, куда и нужно. Диве сидеть сразу стало очень неудобно.

Ноллани мысленно погрозила себе пальцем. Она считала, что «коллега», этот пышный эфирный цветок, не стоит того, чтобы с ней связываться. С другой стороны, ближайшие двое суток главной темой разговоров дивы будет её собственная

пострадавшая часть. За жалобами забудет кого-нибудь обругать или обидеть, так что мелкое хулиганство к лучшему, наверное...

Самозабвенная влюблённость в себя «звезды голубых кристаллов» чаще забавляла Ноллани, чем раздражала, — но всё-таки должен же быть какой-то разумный предел, учебник бы полистала, что ли. Слушать же смешно — речь так и «блещет» перлами.

— Представляю вам создателей этого вида транспорта. Ведущий маг Южного Университета, многоуважаемый мэтр Веллиус и двое магов из нашего столичного Экспериментального кластера, мэтры Горрис и Эссини. Активное спасибо за новый сервис. Прошу вас, расскажите о своём изобретении, — не умолкала дива.

Симпатичная веснушчатая девушка, оглянувшись на старшего мэтра, смотревшего одобрительно, и на сидящего рядом коллегу, попыталась что-то сказать.

— Вы ведь работали над заклинанием перемещения и спуска два года, — продолжала дива.

Эссини опять попыталась ответить, но не тут-то было.

Увлечённая своей работой, маг явно давно не заглядывала в кристаллы всеобщего вещания. Иначе бы знала — заткнуть или переговорить диву весьма и весьма проблематично.

— Это изобретение просто великолепно. Платформа летает с любой скоростью и очень удачно спускается, а может она на месте замереть? — продолжала ошарашивать глубиной познаний незаинтересованных зрителей дива.

— Разумеется, красавица, любая скорость включает и нулевую. Вы не совсем точны — верхний предел скорости имеется. На соседнюю пла-

нету наша платформа не переместится. И, кстати, заклинание, кроме спуска, подразумевает ещё и подъём. Глубокий, сильный голос мэтра совершил немагическое чудо — дива на несколько мгновений замолчала.

— Ваше изобретение позволит летать без самолётов и винтокрылов. Это огромный прорыв, вы это понимаете? — опомнилась дива.

— Ну что вы, милочка, — почтенный седой метр с весёлыми мальчишескими чёртиками в глазах снова завладел эфиром. — Самолёты — отличная техника. Просто сейчас не модно работать головой или руками. Всё магию подавай. Вести самолёт без топлива или мотора может небольшое число магов. А чтобы построить любой механизм, которым и не маги могут управлять, нужно представлять, что у него внутри, как он работает. А для этого нужно элементарно учиться. Знать физику, математику, сопромат и ещё кучу вещей, на которые сейчас почти перестали тратить время.

— Вы совершенно не улавливаете грандиозность собственного свершения. Косная средневековая техника уходит в прошлое. Ваша платформа — это неразлучное трио из магии и изобретения, — дива, как всегда, знала всё лучше.

Ноллани попыталась выглядеть серьёзной. Удалось.

Главное было не смотреть на мальчишку-эфирника.

Он умудрялся одновременно беззвучно смеяться и приглядывать за бесперебойной пульсацией кристаллов вещания.

Смешливость и безупречный литературный вкус, заставлявший парня фыркать от перлов дивы и других, не слишком филологически подкованных ведущих, ему прощали только за маги-

ческую одарённость прирождённого эфирника и за умение смеяться беззвучно.

Ноланни стало интересно, что его так сильно насмешило — косноязычие дивы или, может быть, эфирник представил что-то вроде средневекового рыцаря с конём и войском, направляющегося в крестовый поход самолётом? Скорее, второе.

Ноллани посмотрела на отсчёт времени передачи.

Она прекрасно знала, за что её весьма высоко ценит начальство, — не только за умение со вкусом одеваться. Главный её талант — это умение подать гостей в самом выгодном свете, ну и не дать свернуть передаче с заранее запланированного руля.

Так, подумала Ноллани, приступим, чуть усилим неприятные ощущения от прыща, чтобы дива забыла на какое-то время о платформах и мэтрах, и начнём обрабатывать свою, очень немаленькую, зарплату:

— Простите, мэтры. Мэтр Веллиус, пожалуйста, поясните нашим зрителям, почему вы умаляете значение вашего изобретения.

— Да не умаляю я. Получилось отлично, перспективы широчайшие — от маленьких платформ на одного-двух пассажиров до больших, грузовых. Но это магический транспорт, а у нас не все маги. К тому же у каждого мага своя специализация и свой уровень возможностей. Я уже устал доказывать в Совете при Академии Магии и в Университете, где работаю, что нельзя использовать что-то одно. Кто-то технарь, кто-то маг. Но есть и такие, кто неплохо владеет, скажем, магией превращения веществ, но стремится быть лётчиком или актёром. Наша группа — это два сильных мага-технаря и слабый маг, но дивный музыкант. Плат-

форму и само заклинание создали я и мой младший талантливый коллега. Но только мэтр Эссини подобрала тональность и размер к заклинанию и разработала рекомендации по его применению. Экспериментировала почти год, спала мало, ела, когда заставляли. Но она светилась от счастья любимой работы. И заклинание работает, причём его могут использовать многие маги, любой специализации и почти любой силы. Я иногда думаю, милая моя девочка, может, тебе нас бросить и пойти на сцену — просто петь и забыть про всю эту магию. У тебя же талант, огромный, фантастический талант и совершенно немагический.

Эссини чуть заметно покраснела от похвалы и оглянулась на молодого мэтра Горриса. Ноллани опять удалось скрыть улыбку.

— Так, с этой парочкой всё понятно, продолжим.

— Мэтр, триста лет назад на магов косо посматривали. Пятьсот лет назад их ссылали в дальние монастыри с суровым обетом на перевоспитание и даже казнили. В наше просвещённое время маги наконец-то заняли подобающее им место. Наши города чисты, воздух прозрачен. Леса и реки не загрязнены. Все счастливы заниматься магией и приносить обществу пользу, не напрягаясь.

— Вот-вот, не напрягаясь. Пощёлкал пальцами — вот тебе и огонь. Пощёлкал — дом стоит, перещёлкал — вот тебе и дома нет. Магия есть — ума не надо, — это, конечно, был уже мэтр Горрис. Стоило ему заговорить и стало ясно, что, может, он и серьёзный маг и уважаемый мэтр. А вот важным и почтенным он станет очень не скоро, если вообще станет.

— Мы рады представить уважаемым зрителям платформу, — вновь включился мэтр Веллиус. —

Она летает быстро или медленно, зависает в воздухе, плавно поднимается и опускается. Но, пользуясь случаем, хочу сказать вам, наши зрители, что, выбирая свой жизненный путь, нужно слушать сердце. Не обязательно выбирать то, что престижно, лучше выбрать то, что приносит радость своего дела. Например, мне рассказал мой знакомый о своей ученице, умевшей вырастить хоть урожай на голых камнях, хоть иголки на лысой шее. Девушка изучала всё так или иначе связанное с растениями и их выращиванием — магию и ботанику, стандартные заклинания и севообороты. А потом вдруг решила сменить специальность. Очень преуспела, но счастлива ли она?

Удивлённой Ноллани с трудом удалось сохранить самообладание.

Мэтр Веллиус вроде бы смотрел перед собой, но Ноллани показалось, что мэтр смотрит прямо на неё.

— Технология — это прошлогодний век. Мы должны идти в ногу со временем, и маги должны понимать важность магической магии. Магия — это наше всё! — В эфир ворвался чарующий, как писали критики в своих блогах, голос звезды, дивы и как там её ещё.

За почти десять лет совместной работы Ноллани поняла, что сей голос чарует всё больше совсем зелёных юнцов и юниц.

Кратковременное действие заклинания прыща закончилось и дива была бодра и стержовна. Но завладеть вниманием аудитории, пока в студии присутствовал мэтр Веллиус, диве не удавалось. Мэтр продолжал говорить, умело используя богатые модуляции своего красивого голоса.

— Важно хорошо уметь делать и любить то, чем ты занимаешься. В Средние века ополчи-

лись на магов, и это было совершенной дикостью. А в наш просвещённый век дикость — недооценивать технологии. Давайте создавать технику и магически её копировать. Строить дома обычным способом. Разлагать на составляющие мусор и отходы — магически. Давайте жить дружно и жить хорошо, хорошо?

Мэтр Веллиус всё также смотрел в перекрестье лучей, передающих кристаллы, но Ноллани казалось, что в её душе.

Она механически закончила программу, почти не вмешиваясь в эфир.

Даже не обратила внимания на то, как в конце передачи дива поблагодарила гостей, как обычно дав понять окружающим, что она тут главная, звёздная и неповторимая.

Продолжая вспоминать всё, сказанное гостями передачи, Ноллани подошла к окну их высоченной ажурной башни, служащей ретранслятором вещания.

Башня была чудом — её как раз строили маги, инженеры и архитекторы вместе. Ноллани любовалась столицей и думала о том, что город, действительно, чудесный.

Дома, непохожие один на другой, лёгкие, словно летящие.

Город утопал в цветах и деревьях. Множество речек, когда-то спрятанных под землю, зачастую просто в канализацию, в прошлом веке вывели наружу и позволили украшать город. В парки прилетают лесные птицы, даже звери приходят и не боются.

Красивый, звучный голос мэтра Веллиуса продолжал звучать в ушах Ноллани, и она поняла, что много раз откладываемое решение уже сделано и что она готова работать с отцом.

Отец давно уговаривает бросить успешную карьеру, но не особенно любимую работу и заняться тем, что всегда нравилось ей, Ноллани.

Они будут вместе участвовать в масштабном проекте — ближайшие годы жизнь будет наполнена интересной работой.

Растить цветы и леса, возрождая огромный засушливый остров, и растить детей — что ещё для счастья надо?

Через месяц Ноллани и близнецы стояли на пороге своего нового дома и смотрели, как их отец и дед, высокий, крепкий, только-только начинающий сидеть мужчина, готовится начинать работу, рассчитанную на годы, оглядывая вызывающий оторопь агрегат.

Машина была достаточно большой, с крупного рогатого. И такой же неуклюжей на вид. Но только на вид.

Отец в своё время чуть голову не сломал, придумывая, как обезобразить свою «детку», но так, чтобы это не отразилось на работе машины. Пришлось сделать замысловато-корявые обводы и нелепый крутой капот — благо, о высокой скорости передвижения «детки» речь не шла. Замаскировывать связкой громохочущих железок бесшумность работы мотора.

Мотор «детки» был чудом — мощный, экономичный, сконструированный ещё дедом. Дед Рогена и, соответственно, прадед Ноллани был гением, имел талант инженера, механика, конструктора и совсем не был магом. В качестве грустной шутки называл себя последним техническим специалистом на планете.

С любовью и гордостью смотревшей на отца Ноллани не составляло труда почти дословно «услышать» его внутренний монолог:

— Ты ошибался, дед. Твоя техническая сметка передалась всей твоей большой семье. Но одни её скрывают, другие игнорируют. А вот я, твой внук, горжусь. Моя младшая дочка, твоя правнучка, маг. Это она в прабабушку, но, если надо, она и сопромат выучит — это она в тебя. Ланни всё неплохо даётся. Но больше всего она любит растения. Может вырастить цветник на глине в засушливом месте. — Роген улыбнулся, радуясь, что удалось уговорить дочь присоединиться к проекту возрождения острова. Уверенность переполняла его.

— Мы выбрали свою судьбу. Огромный, безлюдный, засушливый остров — в полном нашем распоряжении. Мы сделаем из него рай. Зелёный рай. Работать будут мои механизмы. Ланни выберет лучшие растения и наиболее подходящих животных. У неё вырастут и дивные урожаи, и чудесный лес. Она придумает, как издержки технологии — вонь от топлива, всякие вредные вещества — нейтрализовать или, наоборот, превратить в сырьё для последующей переработки.

Остров постепенно заселят. К нам будут приезжать друзья, чтобы помочь, и со временем поселятся здесь сами.

А к ним потом будут приезжать их друзья. Мы постараемся и найдём тех, для кого главное не магия, искусство или способности к технике и технологиям.

Главное — любить своё дело и уважать любого, кто умеет и любит работать. А пока нас здесь четверо: я, моя дочь и внуки, близнецы, им одиннадцать. Девочка с задатками инженера и мальчик-маг. И они не могут друг без друга, им не интересно делать что-то врозь.

И у нас всё получится! **▣**